

The background of the cover is a watercolor wash in shades of light blue and green. Overlaid on this are several layers of hand-drawn sketches. At the top, there are dark, swirling, scribbled lines. Below these, there are several large, soft-edged, cloud-like shapes drawn with thin brown outlines. In the lower third of the cover, there is a sketch of a man and a woman standing on a balcony or terrace, looking out over a body of water. The man is on the left, wearing a plaid shirt and trousers, and the woman is on the right, wearing a dark dress. They are standing behind a decorative railing with square balusters. In the distance, across the water, there is a small sketch of a building with a flat roof and several windows.

Андрей Десницкий
Здесь издавека

В этот сборник включены десять рассказов современного российского писателя, публициста и ученого Андрея Десницкого. Это жизни наших современников: возвращение в город у моря, где ты был счастлив в юности, или встреча в московском метро российского офицера с чеченкой, когда обоим кажется, что видят они друг друга в первый раз. А еще это размышления о том, что произошло и что могло бы произойти в российской истории двадцатого века.

Оглавление

Здесь издалека	4
Осторожно, двери закрываются	11
Тихое и безмолвное житие	16
Путешествие Бенджамина Франклина в город Кызыл	24
Банная ночь	37
Берег турецкий	44
Дом на той стороне	50
Любовь накануне референдума	56
Благодарю товарища Сталина	65
Праздрой: воспоминание о будущем	70

Здесь издалека

Это, наверное, самое сладкое во всей поездке – когда, нагнувшись ступаешь на трап, и тебя обдает и теплом, и солнцем, и неповторимым крымским запахом, а московский плащ на руке болтается нелепой тряпкой. Ты продлил себе лето, пусть всего на несколько дней, и потом опять вернешься на промозглые дождливые улицы Москвы. Но здесь – еще лето, приятное, нежаркое, без толп курортников, свое. Немного лишнего солнца и моря впереди. И домой, как кажется, еще так нескоро...

Партнер встречал его сразу за таможенной дверью. Про себя Семен так и называл его «партнером» – боров какой-то, вроде и не слишком толстый, но с тем же цепким и липким взглядом, как у тех таксистов, что ловят тебя чуть не у самого трапа и везут потом в город за десятичную цену. Только ставка тут покрупнее – гостиничный бизнес.

Боров уже приезжал в Москву, разговаривать с начальством, и много было и выпито, и сказано, но что начальство? Оно сопромат не изучало. А материал, он сопротивляется, и все ваши расчудесные бизнес-планы могут запросто упереться в его сопротивление. И бабло, всегда побеждающее зло, улетит в ржавые и слишком узкие трубы канализации, поплывет вместе с фундаментом. Так что планы планами, а без инженера советской еще закалки саду не цвести. И значит, лететь Семену, разбираться и с трубами, и с фундаментом. Стоит ли овчинка выделки, надо ли достраивать советского бетонного мамонта, трижды недостроенного, брошенного и растащенного по камешку. По бумагам выходило, что стоит, а вот как оно на местности?

Неожиданно вялое для такого большого и крепкого рукопожатие, дежурные приветствия:

– С приездом, Семен Степаныч! Как долетел? Ну, машина ждет! Не голоден? Если не против – сразу к нам, там и поужинаем. Сегодня можно отдохнуть, а завтра уж и на объект.

Знаем, знаем мы этот отдых. Староват он уже для него. Не сказать, что не нравится – просто вполне можно и без него обойтись. Уже давно отгорела для него удаль молодых самцов. Да, впрочем, в их компании это и смолodu не слишком ценилось. Всякое бывало, конечно, но не на то смотрели. Впрочем... может, не настолько уж зеленее была трава в его студенческие годы, только кажется теперь так?

Погрузились в машину, средней руки иномарку. За рулем водитель – показывают, что фирма серьезная – так что сели с партнером на заднее сиденье. И замелькали за окном залитые солнцем дома, дороги, люди в футболках и шортах...

А водитель включил радио. Какое-то очередное ретро на FM, песни советских времен. Интересно, это они на возраст его намекают? Или просто в моде тут советское? А впрочем, зачем придавать значение несущественным деталям. Просто радио и радио, ничего особенного. Пугачева, Антонов... Пусть.

Обменялись дежурными словами – как семья, как дети. А что семья – нормально все. Все в норме. Вроде, для проформы так говорится, а ведь и на самом деле все в норме. Норма, она уж какая есть, жаловаться не стоит. Люда на даче, как водится – с мая по октябрь в Москве только наездами, вроде как пишет там чего-то, а больше в земле ковыряется. Полюбила вдруг на пятом десятке все эти варенья да соленья, теплицы, яблони. И вправду ведь здорово у нее получается, если честно, да есть особо некому. Танька у мужа молодого, горячего, латиноамериканского, сплошной сериал в реальном времени. Митька тоже дома не ночует – сезон охоты на призывников открыт, и хоть с военкоматом договоренность вроде бы есть, но документы медицинские не все еще выправили, так что лучше поостеречься. А балбесу этому только того и надо – есть ночевки поинтересней домашних. Учиться ума не хватает, работать лень, а жить – оно и так неплохо получается.

Но не расскажешь же чужому человеку, какая она у тебя, норма? Скажем – все живы, здоровы, при деле. Без деталей.

– Что ж, Семен Степаныч, знаешь наш Город-то?

Знакомый стиль – на ты, но по отчеству. И неформально получается, и солидно. Ну что ж, поддержим.

– Знаю, Иван Викторыч, как не знать. Весь мир его знает. В Париже – целый бульвар его именем назван.

– Да что нам про Париж, – хохотнул партнер, – тут вон от Киева не знаем, как отбиться, особенно при новой тамошней власти. Гордость русских моряков – а во что превращают? Флот ваш уходит, а этот, жовто-блакитный – да глаза б на него не глядели. Что теперь с городом будет?

– Ну, без дела не останетесь, – рассудительно заметил Семен, – вон какие деловые люди, вроде тебя, в туристический бизнес ударились. Неужто не поднимете?

– Да поднимем, – вдруг посерьезнел партнер, – построим, что надо, почистим, отремонтируем... только это уже не тот Город будет, понимаешь? Мало ли их, курортных. А наш – один. Как тот Париж. Вот Диснейлэнд там построили, мои летали на каникулы (эх, как он это красиво ввернул – ненавязчиво так похвастался), а ведь – за городской чертой. Потому что Париж есть Париж. Ну ты представь Микки-Мауса вместо Нотр-Дама? Вот ровно так у нас и выйдет, с нашим бизнесом.

Ровно гудело шоссе, зеленели деревья по обочинам, и в Семене неожиданно проснулось теплое чувство к этому человеку, для которого любовь к родному Городу – выше всяких бизнес планов. Впрочем, Город того стоил.

– А ведь я бывал у вас, – сказал Семен, – хотя кого этим удивишь. Много кто у вас бывал!

– Запомнил же? Сколько городов посетил, наверное, – а второго такого нет! – уверенно ответил партнер, да впрочем, что «партнер», можно его и Иваном, в конце концов, называть.

– Это верно, – кивнул Семен, – давно это было... Вот погоди... что по радио сейчас идет... тогда как раз пели.

Звенел хрустальный голос Анны Герман; тогда его тоже передавали по поезвному радио. Так и запомнился он один из всей той мути, которой забивали уши: душный плацкартный вагон, пропыленная степь, за которой уже встают голубые горы – вот прямо как сейчас – и тебе двадцать лет, и ты студент, и кажется, уже влюблен вот в эту девчонку с нижней полки, и все только начинается, а тебе поют про взлетные огни аэродрома и синие московские метели... Далекое-далекое, а такое понятное, родное. Эта песня у них с Людой долго так и называлась – наша. И Город долго называли – нашим, и приезжали потом на лето, и Таньку, и Митьку вывозили.

– Тоже ее люблю, – неожиданно согласился Иван, – подпел бы, да не хочу портить. Замолчали оба и слушали.

Ты поверь, что здесь издалека
Многое теряется из виду,
Тают грозовые облака,
Кажутся нелепыми обиды.
Надо только выучиться ждать,
Надо быть спокойным и упрямым,
Чтоб порой от жизни получать
Радости скупые телеграммы.

Спокойным и упрямым – это да, подумал Семен. Это уж точно мое.

– Отдыхать приезжал? – спросил Иван.

– Что?

- Ну, отдыхать сюда приезжал?
- Да нет, сначала, представь себе, копать...
- Что копать? – не понял теперь Иван.

– Раскопки. Девчонка знакомая уговорила, жена моя будущая, хотя я об этом еще не знал – уговорила нашу студенческую компанию на лето податься в археологическую экспедицию. Как раз к вам. Море, солнце бесплатно, еще и заработаем немного... Да не в том дело. Молодые были!

- Ну, – согласился Иван, – по молодости – самое оно. Да и время такое было. Время-время... Ну что им попрекать! Не худшее, между прочим время.

Они тогда дотрухали в этом семьсот веселом до конечной станции уже в темноте, и потом, похватав рюкзаки, бежали на троллейбус – а вдруг последний? Троллейбус с кряхтением карабкался в гору, а под горой мерцали в зеркале бухты городские огни, и загадочно чернели почти невидимые огромные сигары, про которые вдруг кто-то догадался жарким шепотом: «подводные лодки! настоящие!»

А троллейбус немислимо долго трясся, огибал памятники на круглых площадях, проползал вдоль белых зданий с колоннами, и они все жаждали схватить еще кусочек черного провала в пятнах огней то по одну, то по другую сторону – ведь море же! море!

Наконец, добрались до нужной остановки – Дмитрия Ульянова, какая в любом советском городе может быть – и пешком, вдоль пустырей и каких-то совершенно прозаических домов, мимо поздних забулдыг и влюбленных парочек, мимо военно-морских ворот с красными звездами, и только на повороте прочитали: «улица Древняя». Надо же! Уже не Ульянова, а Древняя. А потом встала огороженная чугунным забором громада разрушенной крепостной стены, и их провели за забор через служебный вход, и не знали, куда деть, и искали завхоза, и не могли найти, и таскали они потом из какого-то сарая рваные и прожженные ватные матрасы. Их завели в крохотный сарайчик со скрипучими пляжными топчанами, велели покидать туда и матрасы и сказали: здесь. Вот тебе и романтика, подумал он тогда. Сыр в мышеловке, говоря прозой, или рабский труд с соответствующими условиями.

Ночь спали вповалку, кто как пристроился. Проснулся он на рассвете, понял, что уже не уснет, вышел на двор. Вышел – и замер. Еще свежая, зеленая степь, и маки, красные маки повсюду, за степью и маками светились мрамором античные колонны, а за колоннами блестело утреннее море. Ради этого стоило ехать сюда, ворочаться на матрасе, стоило... стоило просто родиться в этом мире. Люда, не сговариваясь, вышла тогда сразу за ним – тоже не могла спать, и тоже ахнула. Они сразу побежали купаться – прямо под колоннами. Голышом, конечно, как Люда сама предложила – не доставать же купальники из рюкзаков, да и не было там никого! Сначала не смотрели друг на друга, а только на светлый горизонт и мрамор на берегу – сначала...

Так осталось это у них навсегда – маки, колонны, море, и двое на всем белом свете. Это называлось – Херсонес.

Кажется, партнер что-то оживленно рассказывал. Ах да, оранжевая метла по новому метет, выметает из Крыма остатки автономии. Ну да. В самом деле, безобразия.

– Вот не пропил бы ваш Ельцин наш Город – возмущенно добавил Иван, – так его бы хохлы сами б на блюдечке поднесли, если б вовремя поставить условие: мы вам независимость, а вы уж нам отдайте наше, не шалите. Нет, куда там... А теперь-то что! – раздраженно махнул он рукой.

- Эт точно, – согласился Семен то ли со своими мыслями, то ли с собеседником.

Так и ехали среди виноградников, полей и холмов, пока не встала у дороги фигура исполинского раненого солдата, и не вспыхнула следом за ней белокаменная надпись – «Севастополь».

А Иван тем временем свернул разговор в деловое русло – что и как там на объекте, пересказывал, в общем-то, уже знакомую документацию. Семен слушал его вполуха, а сам всматривался в пейзажи, виденные в молодости и не сильно с тех пор изменившиеся. Вот Инкерман с его квадратами каменных карьеров, изрезанная скала с пещерным монастырем – да и сам монастырь восстановили? А они, бывало, лазили по его развалинам! А вот и мост через Черную речку, самое начало Севастопольской бухты, и видны вдалеке корабли на рейде, но только стало их, кажется, меньше. Намного меньше.

– Да, а что же пропуска, не проверяют теперь? – спохватился Семен.

– Какие пропуска?

– Ну, в погранзону. Раньше же было не въехать без приглашения.

– А-а, – усмехнулся Иван, – давно уж этого нет, да и что скрывать, от кого?

Натовские корабли и так чуть не каждый год визиты наносят.

А ведь первый иностранный корабль в Севастополе – это он тоже застал, в девяностом году. Еще всю спрашивали пропуска, еще было здесь особое снабжение, не хуже Москвы, а уже, вестник нового мышления, бросил в самом центре якорь итальянский корабль, и повалили на берег матросы в чудной форме, а к матросам – девушки. Весь Город жил новостью об этом корабле, и еще не видел в нем начало своей новой судьбы.

Кажется с тех пор... да, как раз с тех пор он тут и не был.

А машина уверенно взбиралась по зеленым холмам, и журчал Иван про свой объект, и ушедшая молодость словно таилась где-то неподалеку, и уже не коснуться было ее рукой... А потом потянулись улицы и улочки из белого и желтого камня, все в зелени и морском ветре, засверкала поодаль вода. Машина нырнула в небольшой проулок где-то у самой Артиллерийской бухты, остановилась у подъезда недавно отремонтированного частного дома. Домик этот удивлял своей нарочитой заграничностью среди потрепанных, но чистых соседей.

– Частная гостиница, – с видимой гордостью сказал Иван, – тоже наша. Бывшая коммуналка, теперь – четыре элитных номера, по пол-этажа каждый. Здесь и разместишься.

– Спасибо.

– Ну что, Семен Степаныч, располагайся, напитки там, минибар – все в твоём распоряжении, все включено. Отдохни с дороги. А часика через полтора – не рано? – подъеду, немного Город покажу. Ну, а потом – ужин на даче, и парилочка у нас еще запланирована. Ты как насчет парилочки? Устраивает такое расписание?

Нет, попариться-то как раз Семен любил. Но именно попариться. А этот масляный взгляд... Ну да, столичного гостя надо задобрить, да и крутизну фирмы показать.

– Иван Викторыч... знаешь, не советуют врачи парилку. Тем более, в первый день, смена климата, да все такое. У нас ведь уже осень. И потом... ты уж не обижайся, завтра я ваш с потрохами, а сегодня, дай мне сегодня одному с Городом повидаться, а?

Да и вообще не дело это – выпивон накануне осмотра объекта. Вот побываем там, замеряем, зарисуем, выводы сделаем – тогда и расслабляться можно. Но не раньше.

– Парилка-то у нас знаешь какая, – настаивал Иван, – да и девчат позовем, ты как думаешь... Или жена заругает? – неожиданно хохотнул он, нарушая субординацию.

Да, с таким только в баню и не хватало. Оттуда вообще не выйдешь, там и бумаги все подпишешь, между потной кружкой пива и румяным раком разложив. Впрочем, здесь наверняка крабы, а не раки – Семен аж слюну сглотнул от самой мысли.

– Жена? Доктора, говорю же: перемена климата!

А что жена? Жена на даче. Серебряная свадьба в следующем году. Это только свадьбы дорожают, от ситцевой до золотой, да там еще какая-то бывает, алмазная, что ли – для долгожителей. На самом деле золото остается в прошлом, и идут ему на смену серебро, и дерево, и ситец, и постылые грядки на даче, и телевизор со стереозвуком, и много чего

иного. Девочки? Да вряд ли Людмилу интересует, с кем и когда он спит. Воображение, видимо, и так рисует ей куда больше, чем есть на самом деле.

И вообще неловко как-то с этими, которые по вызову. Ну, пробовал пару раз, начальство вроде как угощало. Технология, голая технология. Неужели, думал тогда про себя, девчонка со мной только за баксы пойдет? Да нет, не настолько еще стар, когда накатит глухое мужское томление – сам найду. Состоявшийся мужик в зрелом возрасте – это многим интересно.

– В общем, доктора не велят. А главное, Иван, соскучился я по вашему Городу! Вот это Иван понял. И зауважал.

– Ну что, машину возьми тогда? А меня на Лазарева посадите, я доберусь.

– Машину...

На самом деле хотелось походить пешком. Но было, было одно место, куда пешком да на троллейбусах можно не успеть, уже ведь не утро...

– Вы меня только до места одного добросьте, чтобы мне успеть, а там уж я сам.

– Ну, хорошо.

Заскочил в номер, кинул наскоро вещи, даже евроремонт провинциальный оценить толком не успел. Переоделся, и под легкие брюки сразу плавки, чтобы потом не возиться. И – обратно, к гостям. Одно только им сказал:

– Херсонес.

Машина везла его по старому троллейбусному маршруту, и оказалось, что совсем недалеко те домики, те пустыри, та улица Древняя. Пройтись бы снова по ней пешком, потоптать этот потрескавшийся горячий асфальт, подышать воздухом этой милой сердцу провинции – греческой, римской, византийской, турецкой, российской, советской, украинской, – но вечно морской и степной, вечно окраинной. Но сегодня – некогда пешком.

Простился со своими провожатыми, пошел ко входу – а тут билеты, и только сейчас сообразил, что здесь расплачиваются гривнами. Хорошо, что и обменник нашелся совсем рядом. А потом по гладким, ухоженным дорожкам (таких тогда не было), толком не помня пути, рвался к тем самым колоннам. Удивлялся по дороге на конфетную громаду храма XIX века, что тогда стоял в руинах, пробежал мимо Итальянского дворика с его вечно неработающим фонтаном, музея – все, как прежде. А что это за хибара? Не та ли самая, в которой... нет, вряд ли. Или эта, неподалеку? А может, вообще ее снесли? В самом деле, не историческая ценность.

Зато к колоннам он вышел. А за колоннами было море, тоже на прежнем месте.

Удержался не побежать к нему по-мальчишечьи, а подойти размеренной походкой солидного человека. Море било легкой пеной в берега – небольшое волнение, но так только интересней купаться.

Семен разделся, проверил, не выпирает ли бумажник из кармана брюк, распрямился, взглянул на одежду – и тут только его стукнуло, что часы-то подороже всех купюр в бумажнике будут! Специально ведь к встрече одел парадные. Прикрыл часы рубашкой, вроде, не видно. Эх, вот ведь обратная сторона этой солидности – не поплещешься беззаботно, как тогда!

А тогда купались, намахавшись лопатой на жару – забегали в море, и кто там беспокоился об оставленных на гальке шортах со звонкой мелочью в карманах. До сих пор помнится это ощущение горячего, пыльного тела, и зеленой волны, в которой теряются усталость и зной. Плавали, кажется, часами.

Семен осторожно подошел по гальке к линии прибоя, и дал волне лизнуть ступни – вода оказалась неожиданно теплой. А потом рванул туда, вглубь, и волна сбила с ног, а он сразу нырнул в веселую зеленую круговерть, и поплыл к горизонту.

Море смывало не пыль и не усталость, оно смывало года. Он снова был счастливым мальчишкой, и невесомое тело скользило над невидимыми подводными горами и

впадинами (жалко, нет под рукой маски – было бы еще больше похоже на полет!). Он наслаждался морем, как вином, как бывало тогда, долго-долго. А потом вышел на берег, и когда резко распрямился, даже потемнело в глазах – так привыкло тело к водной невесомости. Добрался до своей одежды, чувствуя себя русалочкой из сказки – тяжело ходить босиком по камням, да и вес лишний есть, пора, в самом деле, в тренажерный зал, как давно приглашают на работе. А потом растянулся на камнях – немного неудобно, но зато совсем как тогда.

Где они теперь, ребята из экспедиции? Лет сто уже ни с кем не виделся, разве что мейл иной раз придет, с днем рождения поздравят. Леха стал банкиром, к нему и не подберешься. Да почти все ребята, кто устроился, теперь в бизнесе, и мало кто, как сам Семен, специалистами по своему профилю – все больше нечто расплывчатое, денежное под названием «менеджер».

И Люда. Люда теперь на даче. Где, в самом деле, та девчонка с парнишкой, которым так хорошо было на этом пляже? Куда они делись, как превратились в этих немолодых, уставших друг от друга супругов, которые вроде и не в разводе, а все одно порознь? Жизнь заела, говорят. Да ведь нормально жили, не хуже прочих, и детей двоих вырастили, и вообще...

А вокруг кипела неяркая пляжная жизнь. Девушка-подросток в купальнике-ниточках ругала за что-то младшего братишку, а он лениво огрызался и не хотел слушаться. Толстый мужик цедил темное пиво из бутылки. Стройный стриженный парень надевал у кромки прибоя ласты, держа в руках маску и трубку – за крабами, наверное.

Все, как тогда. Все, кроме нас самих.

Полежав немного, Семен снова бросился в море, никак не мог насытиться, и плавал чуть не до дрожи – во второй раз вода показалась холоднее, начал замерзать. Да и солнце уже опускалось за ближние холмы, а на опустевший пляжик напозла прохладная тень. Пора было выбирать. Он еще хотел пройти вдоль Приморский бульвар, а потом выйти на Исторический – перелистать страницы их былых прогулок, а там и поужинать можно в каком-нибудь кафе. Да и заповедник скоро должен был закрыться, наверное, с наступлением темноты.

Семен хотел взять у выхода такси, но потом решил пройтись до троллейбуса пешком, как тогда. Древняя улица тоже изменилась, хотя и не так сильно, как его жизнь – между старыми двухэтажными домиками втиснулось пара новых отельчиков, вроде того, в котором остановился он сам (эх, жалко, не догадался спросить – может, это тоже его партнеров бизнес, тогда здесь бы и заночевал). Но все остальное оставалось, как было – бегали вокруг каникулярные дети, брели домой два выпивохи, которых пасли, как коров, несколько более трезвые жены. Это не Москва, здесь перемены почти незаметны.

Куда же оно все девалось? Нет, не молодость, конечно, это закон жизни, тут ничего не попишешь. А бывшие дружбы? А та пламенная любовь парнишки и девчонки под мраморными колоннами?

Так вышло. Просто так вышло. И не стоит задавать себе лишних вопросов.

На остановке было не так много народу, и оказалось, что, кроме троллейбусов, здесь тоже есть маршрутки, только называют их как-то смешно – «топики». За полторы гривны он доехал до площади Нахимова – и быстро, и комфортно, тогда бы нам так! Пошел по Приморскому бульвару, постоял у балюстрады, за которой чернело море в частых огнях катеров. Наверное, это и было счастьем – вот такой вот вечер в любимом Городе. Надо будет поменять билет, остаться здесь еще на пару дней – в конце концов, отгулы же остались.

Семен проголодался, но в положенное по статусу уютное кафе не хотелось – сжевал шаурму с лотка, запил ее разливным пивом, а на десерт взял с другого лотка мягкое мороженое в кокосовой крошке. Дешевый этот перекус показался бы в те годы чуть ли не

торжественной трапезой, на фоне их вечной переваренной пшенной каши с тушенкой... Люда тогда еще совсем не умела готовить. Вот бы он, тогдашний, увидел себя сегодняшнего – состоявшегося и нестарого еще мужика, который уверенно идет по тому же самому бульвару... Что бы он тогда подумал, интересно?

Нет. Тогда не было этого «я», тогда у нас было «мы».

Семен спустился к самой воде, где ленивые мелкие волны разбивались о каменный парапет, обдавая брызгами проходящих. На самом краю стояли девушка и парень, и смеялись, держали в руках сандалии и то и дело отпрыгивали от нового веера брызг. Семен остановился немного в отдалении, не хотелось нарушать их покой, и любовался не то волнами, не то этой парой.

Они о чем-то говорили, и, кажется, спорили, но за плеском волн и музыкой из соседнего бара ничего не было слышно. В какой-то момент невольно отошли подальше от края, и уже не обращали внимания на брызги. А потом парень развернулся и пошел, а девушка только смотрела вслед.

Дурак, захотелось крикнуть Семену. Да, вот нагнать бы парня и сказать ему: дурак, это все неважно, вы молоды и влюблены, этого же больше никогда у вас не будет, и через двадцать лет ты будешь ходить здесь, вот как я сейчас, и даже не сможешь вспомнить, из-за чего вы тогда поссорились. А вспомнишь только эти волны, теплый камень под босыми ногами, и живую руку в твоей руке. Живи настоящим, а слова не имеют значения.

Но свою голову на чужие плечи не посадишь. Парень уходил по набережной, и девушка перестала смотреть вслед. И вообще, с чего это он взял, что то была ссора? Просто настало им время разойтись, а завтра, может, встретятся опять, как ни в чем не бывало. А может, послезавтра найдут другое, настоящее, на всю жизнь. Чужую жизнь тоже ведь не проживешь.

Зато можно – свою. Семен поднялся обратно к балюстраде, и пальцы раньше мозга поняли, что надо делать – уже доставали с пояса мобильник, набирали знакомый номер. Сколько бы ни стоил этот треклятый роуминг, не искать же теперь переговорный пункт! По городскому ее не найдешь – на даче, среди яблок, такой урожай роскошный в этом году... Хотя теперь-то уже, затемно, сидит в спальне за столом, что-то пишет, или скорее на кухне перебирает райские яблочки – что на варенье, что живьем отвезти домой, когда муж из города приедет.

И каштановые волосы с проседью, которую она никогда не закрашивает, ложатся на такие знакомые плечи, а голос – голос ведь вообще не изменился. Или почти. Только бы она подошла! Только бы... У женщин ведь как – то разряжен, то все деньги потрачены, то у подруги забыла.

– Люда... Здравствуй. Знаешь, где я сейчас? На Приморском бульваре. Ну да, в Севастополе. Да нормально долетел, не в том дело. Людка, знаешь... я сейчас был в Херсонесе. Под колоннами. Слушай... Бросай ты все. Прилетай. Прямо завтра в город, а послезавтра ты езжай с утра в аэропорт, сейчас они полупустые сюда летят, там и билет купишь, или в трансагенство зайди, ну там, у метро, знаешь? Я встречу, я все устрою, где деньги на билет взять, ты же знаешь. Скинь мне только эсемеской номер рейса. Поживем здесь хоть три дня, вместе и вернемся, винограда ребятам привезем, дынь... Людка... ты слышишь меня? Ну что ты молчишь! Я люблю тебя, родная. Я очень тебя люблю.

И в целом свете не было ничего важнее, чем эта влажная тишина в потрескивающей трубке. Что она сейчас ответит? Что?

Осторожно, двери закрываются

На большой пересадочной станции схлынула толпа, и они смогли увидеть друг друга. Мужчина с бутылкой пива в руке и женщина с большой клеенчатой сумкой – они сидели друг напротив друга, посторонние попутчики, взгляды которых случайно пересеклись. Бывает ведь так – сидишь в метро и внимательно рассматриваешь человека напротив, который тебе никто и ты ему никто. Развлечение вроде газеты.

Черт, пятнышко на брюках. Вчера даже не заметил. Отмечали-праздновали в отделе, ну, капнул немного. Так, теперь в химчистку, сам не отстираю... стоп, до полочки еще неделя. Неделю так ходить? Или в светлые, новые переодеться? Нет, они парадные, их жалко, а джинсы драные, их на службу неудобно одевать. Да, жи-изнь... Не у всех, видать, такая. Вон сидит напротив – чистенькая, аккуратная, гордая.

Лицо той самой национальности. Типичная шахидка. Нет, а что, в самом деле? Кто знает, что у нее там в клеенчатой сумке? Килограмм десять пластита, наштигованных шурупами – запросто. Еще и в металлической оболочке. Дерни за веревочку – и на тебе вагон свежего фарша. Ну что, встать, рвануть стоп-кран, сообщить машинисту? Не-ет. Тут-то она точно дернет за веревочку. По-настоящему бы встать рядом с ней по-тихому, а потом резко так руки к сидению, чтобы не свела, не нажала, не дернула. Но люди все-таки смотрят, неудобно – скорее всего, померещилось.

Ладно, двум смертям не бывать... Они только этого и хотят, чтобы мы их боялись, вздрагивали при каждом их появлении. Не выйдет. Буду пиво пить. Нравится мне это название, кстати – «Чешский стандарт». Ну надо же такое придумать! Вроде, у чехов научились, сами будем теперь тут по-чешски жить. Похоже на то, кстати. Очень похоже.

Черт, третья бутылка за день. Лишняя, пожалуй. Жаль, в нашем метро не устраивают туалетов. Так и до дома не доехать. Впрочем, ладно – лучше пиво, чем наш русский антидепрессант. А напряжение сбрасывать как-то надо. По крайней мере, не наркота, и я это контролирую.

Всё она смотрит в упор. Злобно так. Что ей не нравится? А, пиво, наверное – не по шариату. Ну смотри, смотри. По шариату или нет – приехала к нам, изволь уважать наши обычаи. Нет ведь, не хотят. Вон, Машка рассказывала – в новом классе одни черные, лопочут на переменах по-своему, ничего не разберешь. А наглые! «Контрольную мне напишешь, да? Двадцать баксов плачу» – тоном, не допускающим возражений. Сопляк! А через пять лет будет ездить на джипе по московским улицам и также вот снимать девочек на ночь. Своя Фатима – ну вот как эта – у него для дома, для души, а наши девчонки – для развлечения. Сволочи!

И что говорят – «Детский мир, детский мир»... Ну, вот и побывала я в том детском мире. Дорого все очень! Чисто, конечно, выбор большой, да только не по нашему карману. Нет, лучше все-таки на рынок. Там всегда можно своих найти. Свои не обманут, не то, что эти.

Что он так смотрит на меня? Пил бы свое пиво. Я же его не трогаю. Я вообще первые дни в Москве встать хочу, когда в вагон метро входит мужчина. У них тут так не принято, чтобы женщина вставала.

Да вот какой это мужчина? Пьет пиво на виду у всех. Хорошо, что не валяется пьяный на полу, тут и такое бывает. Разве они уважают сами себя? Таких и другие уважать не будут. Да и девочки разве тут лучше, вот хотя бы эта, что стояла передо мной? Едва живот прикрыт, хриплым голосом смеется, прокуренным, как кавалер ее непристойные шуточки отпускает. А ведь не проститутка, в институте, наверное, учится. Не дай Бог мой Заур когда-нибудь такую в дом приведет. Сразу разверну. Ведь и наши девчонки с них

пример начинают брать, все им мерещится сладкая столичная жизнь. Только нам эта их сладость слезами отливается.

Глупые вы наши девочки, вы посмотрите лучше, как живет дядя Иса в двухкомнатной хрущовке с женой и тремя детьми. Тесно, бедно, а нас всегда ведь пускает, когда приезжаем, по-родственному. Расспросите его, сколько чужих домов он построил в этом их Подмоскovie, чтобы купить хотя бы такую квартиру? У них земли много. А им все мало. А зачем? Они же здесь все друг другу чужие, глотки друг другу рвут, а вот Иса – пустит четвероюродных родственников на свои тридцать метров. Жесткий у него все-таки диван, продавленный, первую ночь все уснуть никак не могла...

Что он устался? Регистрацию тебе показать, да? Я теперь умная, делаю регистрацию сразу, как приедем. Лучше один раз заплатить, чем потом каждому менту на каждом перекрестке. Мы тоже часть России, вы сами так говорите. Почему вы тогда нас ловите, как зверей? Вот остановит мент, толпа вокруг довольна: так и надо, гоняй черных! Понаехали тут, кто вас звал?

Все ведь люди, черные, белые... Что, не ясно им? Разве мы дома так разговаривали с русскими соседями? Жаль, что их мало осталось, но вот мы с Марьей Васильевной всегда душа в душу жили, все праздники вместе. Плохо, конечно, что ей пришлось уехать, я и мужу тогда говорила, что уж кого-кого, а ее не надо трогать, но и он не мог уже ничего сделать. У мужчин свои дела. Говорили, обстановка требует. Так что уехала Марья Васильевна, письмо даже прислала, что на новом месте ей хорошо, только по старому дому скучает. Ладно, что былое вспоминать, не без перегибов тогда было, но не так же...

Нет, с ними нельзя по-хорошему. Никак нельзя. Они понимают только силу и власть. Это они уважают, у них так от века повелось. Этих наших правозащитников, которые на американские деньги кричат о правах человека на Кавказе – их бы отправить туда! Туда, где находили зинданы для русских рабов. Пустые. Куда они самих рабов девали – не знаю. Убивали, уводили... Неважно. Кто после этого будет соблюдать права рабовладельца? Показать бы им тринадцатилетнюю девчонку-наложницу – что они с ней сделали, звери! Они ее и не заметят, правозащитнички, потому что русская. Русских – можно, этих – нельзя. Права человека, мать их. А вот когда им не права, а ствол в зубы, или хотя бы кулак под нос, тут сразу: не надо, уважаемый, мы мирные люди. Ага. Мирные.

Да ведь и сюда они приезжают – за тем же самым. На рынок пойдешь – даже если стоит за прилавком русская баба, все одно хозяин у нее – черный. Снимают квартиры, вон Серега рассказывал, как у них в подъезде – а там двадцать человек на десяти квадратных метрах, и творится не пойми что, только потом ни водопровод, ни канализация не работают. Одна семья поживет годик-другой, пожирует, уезжает домой – а на их место такие же, только голодные, с гор спускаются.

Да они же просто не знают, что такое цивилизация! Как были дикари, так и остались, что с ними не делай. Знают только одно: купи-продай, вот так и Россию всю скупают по дешевке, пока наши дураки чухаются. А через годик-два устроят нам тут цветную революцию, торжество прав американского человека, Россия – банановая республика, вон и пригодятся мартышки, бананы собирать.

Какие они здесь сытые, самоуверенные. Им все доступно. К чиновникам их без «портретов мертвого президента» в кабинет и не входи, и пойдешь объясни, что у тебя больной ребенок. Я что, на сникерсы-памперсы прошу? Что у них за государство, на все эти бомбы и снаряды деньги есть, а на простыни в больнице? Пули в нас бесплатно летят, а лекарства мы сами потом покупаем, да? Вот, вожу в вашу больницу, сумками.

Вот пьет свое пиво, а он знает, что такое война? Как рассказывала Малика... Что такое сидеть сутками в спертom подвале. Даже дети не просят пить, они знают, что утром за

водой ушло двое мужчин и не вернулось. Не так страшно, что их убьют, они же мужчины, как страшно, что не оставят даже могил, не оставят ни памяти, ни чести. Наши мальчики облизывают пересохшие губы и молчат, потому что они тоже мужчины и не имеют права заплакать. Эти, с пивом и баксами в толстых кошельках – что они знают об этом?

Это хорошо, когда у них взрывают дома и вагоны метро. Пусть они услышат нашу боль. Пусть почувствуют, что это такое, когда ты подбираешь в переломанных придорожных кустах обгорелый ботинок – и боишься опознать его. Пусть почувствуют, в самом деле.

Немного же нас осталось, тех, кто готов всему этому противостоять за нищенскую зарплату. Да что там зарплата, в ней ли дело... Обидно за державу. Ты отдаешь ей все, а получаешь – плевки. Ездил в эти командировки, потому что на оклад ведь семью не прокормить, а человеку в форме вагоны разгружать – не положено. Смешно сказать, сухпайки домой привозил. Новые – они очень даже ничего, вкусные, калорийные, Машке колбаска солдатская нравилась. «Папа, а ты когда еще туда поедешь?» Все, теперь уже не поеду. Отъездился. Кончилась солдатская колбаска, Машка, остался вон – «чешский стандарт». На всю нашу жизнь – чешский.

Возвращаешься и не можешь в первые дни выйти на улицу, трясет тебя: всюду эти, упакованные, наглые, бесстыжие, в полном порядке. Такие стреляли в спину и только в спину, такие кромсали на куски наших раненых. Пока была их власть – выгоняли на улицу русских стариков и насиловали девчонок. Они – мужчины? Падальщики, одно слово. Но тут я никто, тут я даже в морду дать им не могу. Потому, наверное, и пью. Надо бы бросить, на самом деле, что я как этот самый...

Но как тут бросишь? Вот она едет напротив и смотрит, и жжет своим взглядом. Это такие наводили на нас снайперов, или даже сами снайперили. Им все равно, что потом убьют и их, и их семьи – им рай гарантирован. Так что ничего удивительного, что на земле, на своей собственной земле они оставляют весь этот бардак, и нам его за сто лет не разгрести. Чешский стандарт. Нет, так и будет оно продолжаться, и выхода другого нет. Давить. Жестоко давить чехов – и там, и тут. Тогда, может быть, еще сколько-нибудь продержимся.

Зачем они все-таки пришли на нашу землю? Когда только поползла эта вереница грязно-зеленых машин, мы уже понимали, что идет беда, что без крови не обойдется. И беда пришла очень скоро, среди бела дня, я даже не поняла сначала, что так грохнуло, почему соседний дом осел... У нас в селе не было никаких боевиков, жили люди как люди – кому мы мешали? Почему нас надо было истреблять и в сорок четвертом, и теперь? Ничего, мы сильные, мы выстоим. Как мой Заур. Он почти не плакал тогда, он уже и тогда был мужчиной, он всегда будет им.

Хорошо, что нашелся тот московский доктор. Свет не без добрых людей. Не просто извлек пулю и зашил рану – дал свой адрес, телефон. Говорят, он по собственной воле ездил к нам в командировки. Мне было так неудобно звонить, но все-таки позвонила – устроил в московскую больницу на обследование. Жаль, что я больше не видела его, я бы много ему сказала. Теперь каждый год приезжаем. Экономим на всем, чтобы хватило на билет, берем плацкарту без постели – а еще тут плати, плати, плати... Может быть, это им, которые с пивом, все по карману, а как нам прожить? Заур же не может без врачей, ему надо и режим, и питание особое, а какой режим у нас, в нашей разрухе? Вон, той осенью только стекла вставили, спасибо, Хасан помог, не забывает родню, а то бы так и зимовали с полиэтиленом.

С ними нельзя по-хорошему, я же говорю, нельзя. Вон тот доктор, чужак, приезжал раз за разом на войну – спасать детей, говорил. Но если они сами подставляют своих детей

под удар – как их спасешь? Если они оборудуют в доме огневую точку, как смеют они жаловаться, что потом весь квартал сносят «точечным ударом», а заодно и пару соседних – ну такие уж у нас «точечные». Вот и ракета хоть и называется «точка», а все же это не скальпель, дорогой доктор, никакой не скальпель. Ключ на старт – есть ключ на старт – пуск – есть пуск – в уши врывается вой, и больше по губам оператора читаешь, чем слышишь: «ракета пошла». Да вижу, что пошла, слепой тут увидит.

И остается только надеяться, что никто там наверху не напутал с координатами – ни спутники на своей высокой орбите, ни агентура, продающая секреты оптом и нашим, и вашим. А уж гироскопы-то не подведут, и ляжет она в ту самую точку на карте, и хорошо бы в этой точке и вправду был бункер, или дот, или что у них еще бывает. А кто рядом, кто не спрятался – я не виноват. Было как-то, продвинулась линия, съездили посмотреть – как отработали. А что увидишь? Обгорелая яма, да ломаный бетон, да саманная труха, ни мертвых, ни живых. Кого там накрыло – расскажут нам только журналисты, если очень им будет нужна сенсация. Может, не только база, может, были рядом и дети, живой щит, приманка для журналистов. Выигрыш в любом случае: накроем – будут репортажи о зверствах федералов, не накроем – совсем хорошо.

Доктора того, рассказывали, потом захватили какие-то индейцы. Просили выкуп, но кто же за него заплатит, за чудака? В общем, нашли его труп где-то в горах. Вот и делай им после этого добро. Я убивал их, доктор, что ты мне на это скажешь? Я убивал людей. Я даже не видел их. Наверное, и таких, как эта, напротив. Они все на одно лицо, они все... Убивал. И что мне теперь делать, доктор?

Вон то селение, какой-то очередной «Юрт», и не запомнишь их названий. Колонна же просто шла мимо, никто не собирался их трогать. А чехи обстреляли колонну с тыла. Нужен нам ваш юрт как корове седло – а огневую точку в тылу оставлять нельзя, это азбука. В общем, без зачистки не обошлось. Доктор, доктор, кровью своих детей они покупали тактическую передышку – пока колонна разворачивалась, пока спешили, пока прочесали селение, бандиты решали кое-какие задачи по передислокации. Кого ты вытаскивал, доктор?

Пуля летит доля секунды, а детское тело исковеркано навсегда. Сколько же наших осталось лежать без могил вдоль железных дорог... Сколько похоронено в Казахстане... Сколько исчезло в эти две войны, и нет концов. А мы остаемся. Мы выживаем. Мы стоим на своей земле. И значит, мой народ прав.

Я навсегда запомнила глаза Заура, когда его принимал на руки тот офицер. Он смотрел с такой болью – и все же с надеждой. Мы выживем, мама, говорили глаза, и ты поздравить меня на моей свадьбе, ты будешь качать внуков, все будет хорошо. Его погрузили в боевую машину, и я испугалась, что больше никогда его не увижу живым. Увидела. Спасибо тем добрым людям, которые среди крови и грязи спасли жизнь ребенка. Спасибо доктору, спасибо этим военным, они сразу взяли его к своим раненым и довезли. Все-таки довезли.

Или тот пацаненок... Как смотрела его мать, как протягивала его нам: глядите, мол, что вы сделали! Дура, хотел я сказать, ты посмотри, откуда стреляли, это же не наша пуля. Тем более, мы сами не пехота, автоматы – не наше оружие. И вообще, не стреляли бы в нас – не стреляли бы мы. Не приходили бы от вас к нам все годы вашей «суверенности» – не пришли бы к вам и мы.

Я не стал тогда ничего этого говорить – бесполезно. Просто позвал Леонтьева, приказал доставить мальчика в госпиталь – все равно надо было везти двоих с нашей батареи, одного зацепило прошлой ночью из подствольника, второй обожрался чем-то, из сортира не вылезал. Но эти-то могли подождать, а с мальцом, конечно, было плохо. Надеюсь, привезли его вовремя – проникающее в брюшную полость, это не шутки.

Потом передали, что все же сдали его по назначению. А подробности рассказывать некому: на обратном пути налетели на фугас, Леонтьев двухсотый, а с ним прапорщик какой-то был, не наш – без ступни остался... Нет, делай им после этого добро, а? А все-таки, все-таки... вспоминаю иногда глаза того парнишки. Хорошо бы он остался в живых. Хорошо бы. Слишком много было бессмысленной крови, никаким антидепрессантом не зальешь.

Они вышли на одной станции, но в разные двери – не сговариваясь, поднялись, разошлись, не оглянулись. Они так и не вспомнили о прежней своей встрече – тогда все было другое, у них на руках был раненный ребенок, им было не до того, чтобы запоминать лица.

Тихое и безмолвное житие

Они уже намаялись в электричке, и так радостно было выпорхнуть на заснеженный перрон, вдохнуть холодного воздуха, сразу захотелось шалить и смеяться.

- Таська, дай я тебя поцелую!
- Ага, у некоторых только одно на уме, – с притворной обидой сказала она, но развернулась к нему, сочно впечатала поцелуй, на несколько секунд короче, чем хотелось, а потом сделала строгое лицо:
- Ну все, все, Денис. Хватит. Будем серьезными. Молодой человек едет знакомиться с родителями барышни. Теперь нам на автобус. Тут тебе не Москва, тут все иначе.

И в самом деле, ее бежевая потертая шубка почти светилась среди тяжелых пальто, пуховых деревенских платков, китайских нейлоновых курток.

- Ну Таська!
- Хватит, хватит, потом. На автобус опоздаем! Батюшка заругает, – хихикнула она и снова надела серьезную-серьезную маску. Игра, или на самом деле так?

Нравилось Денису сочно перекачивать во рту ее имя. Ему она сразу так и запомнилась – именем. Не Таня и не Ася – Тася, новое, незнакомое, чудное. Когда на той вечеринке к нему шагнула девушка с каштановой косой и сказала «Таисия» – словно протянула на ладони хрустальный шар, внутри которого клубилось что-то синее, неземное. Он сперва не понял: «таись, и я...» Кажется, тогда так и переспросил: «и что?» Девушка в ответ рассмеялась: «И ничего! Таисией меня зовут, Тасей». «А я Дэн», – растерянно отозвался он, – «ну, полностью Денис». «Денис? Дэн...» – она распробовала кончиком языка эти слова, как новое блюдо из чужих краев. И больше никогда не называла его Дэном, только – Денис.

Тогда они еще только познакомились. Он не пошел ее провожать, был кто-то другой. Роман начался позже, с другой вечеринки. В круговерти лиц и бутылок он снова выхватил этот хрустальный шар, подсел к ней, начали разговор как будто от нечего делать – и вдруг стали говорить, говорить, говорить... Оказалось, что оба как раз тогда читали «Хроники заводной птицы» Мураками, и оба, насладившись кусочком, оставляли книгу на пару дней, чтобы переварить проглоченный кусочек и успеть соскучиться.

Она начали встречаться – и во время этих свиданий открывалось все больше вещей, на которые смотрели одними и теми же глазами. Они бродили по Москве или сидели в его однокомнатной квартире, доставшейся в наследство от деда, и говорили, говорили, говорили... Иногда целовались, но – не более. Тася позволяла какую-то долю объятий, достаточно невинных. Они могли прижиматься друг к другу телами, но если его рука мягко сползала с плеч, чтобы исследовать ее тело – она так же мягко отстранялась. И было в этом, как и в имени, что-то старомодное, притягательное, когда для тысячи других девчонок постель с третьего свидания – без проблем.

А потом начинал клубиться синий туман в хрустальном шаре, и Тася пропадала на неделю или две. Нет, речь не шла о поездках к родителям, довольно редким и всегда непродолжительным, или о маленьком путешествии в ее студенческие каникулы (они никогда не ездили вместе, только мечтали о таком – ведь у Дениса была работа). Тася оставалась в Москве, брала трубку, получала эсэмески и имейлы, даже порой отвечала на них, но как-то рассеянно, и после пары нелепых и скоротечных обид Денис понял: лучше ее в такие моменты не трогать. Потом она звонила сама: «Дениска, я соскучилась! Чего не звонил?»

Бесполезно было объяснять, что звонил только вчера, и даже застал дома, но – не вышло поговорить. И он отвечал: «И я ужасно соскучился, Таська, давай... давай сегодня вечером... а просто погуляем по Красной площади?» Она только смеялась в ответ, значит

свидание было назначено. Чем нелепее место, тем лучше. Клубящийся шар нырял в сырой воздух московской зимы, в котором можно было гулять и целоваться. А главное – говорить.

Так они узнавали друг друга. Единственный сын из интеллигентской семьи, замкнутый, неловкий, как он сам думал о себе, менеджер по продажам в одной из бесчисленных мелких торговых фирм – и студентка филфака МГУ, дочь священника из деревни во Владимирской области. Четвертый ребенок из пяти, и у всех такие же странные и звучные имена: Глафира, Пелагея, Серафим и Давид.

- По святцам, что ли, называли вас родители? – предположил Денис, когда услышал эти имена.
- Не совсем, хотя иногда да, – ответила Тася, – просто родители хотели назвать нас старыми именами, какие нечасто теперь встретишь. Ну посуди сам – разве не надоест, когда каждая девчонка Маша, Наташа, Аня или Света? А тут: Гла-фи-ии-и-ра... Звучит-то как, а?
- Но лучше всех: Таисия!
- Ага, – просто согласилась она, – а вот мои родители – просто Андрей Иванович и Татьяна Петровна. Даже смешно, да?
- Они же, наверное, из другой среды?
- Ну да. Папа физик по образованию, мама – искусствовед. Он бросил все, работу, науку – а он ведь был кандидат наук, и достаточно перспективный! – и ушел в семинарию. Познакомились, когда мама приехала к ним в Загорск изучать раннехристианское искусство. Там есть такой кабинет, церковно-археологический, туда только своих пускают – ну, она как-то договорилась, ее пустили, дали его в провозатые. Так и познакомились. Потом и она бросила свой институт исследовательский. Они специально хотели, чтобы поближе к народу, в деревню. Но ты знаешь, у нас все было. Я никогда не чувствовала себя деревенской девчонкой. Мы много путешествовали, когда летом, после Троицы, он брал отпуск. нас часто возили в Москву, во Владимир... а летом в деревне такая речка! лошади, грибы, ягоды... Сказка. Моим бы детям такое детство.

И у Дениса, который нечасто бывал в церкви, сразу всплыла в воображении картинка: статный священник в полутемном храме выговаривает звучные слова молитвы.

Вспоминалось слышанное однажды: «тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте». Вот так, наверное, и жили: во всяком благочестии. И чистоте.

А теперь они вдвоем ехали к тасиным родителям – знакомиться. Другие дети тоже разлетелись – Серафим служил офицером на подводной лодке, Пелагея была замужем за питерским художником, а остальные учились в Москве. И эта чета жила в своем домике все в той же владимирской деревне, как корнями в землю вросли. Даже не сказать, что жили вдвоем – столько всегда вокруг них было народу, рассказывала Тася. Вот едешь родителей проведать, и даже еще не знаешь, с кем будешь сегодня за одним столом сидеть.

На привокзальной площади Тася сразу отыскала нужный автобус, он уже собирался отходить, и драповая, пуховая толпа внесла их в салон, где все дышало другим, немосковским духом.

«За проезд готовыте», – немолодая тетка пробивалась сквозь толпу, а толпа расступалась, охая, выдыхая перегаром и чесноком. Забились в дальний угол, у заднего окна, и молча смотрели, как тают в редком снегопаде придорожные столбы и неровные сугробы...

Тася молчала, готовилась к встрече, словно вспоминалась, вырастала в ней другая Тася. Деревенская девочка. Дочь священника. Маленькая, с лукошком ягод, что кормит черной соленой горбушкой жеребенка на лугу. И тут Денис наконец-то решился. Нагнулся к розовому ушку, зажатому вязанной шапочкой, и громким шепотом сказал:

- Таська, я... я работу потерял. Вчера.

Она развернулась, и выдохнула:

- Уволили?
- Вышибли, как пацана сопливого. Сказать кому, не поверят... Полтора года на них батрачил, как папа Карло, отпуск брал лишь один раз, и то на две недели... А тут – одна ошибка, и то, разобраться еще, моя ли.
- Несправедливо, да, Денис?
- По их понятиям – справедливо выходит. Контракт у них сорвался, говеный такой контрактишко. (Тася слегка поморщилась от грубого слова). Надо было им, что ли, зло на мне сорвать... Как щенка на мороз вышибли.
- Да... Понимаю... – Тася отвернулась к окну, и продолжила – а морозы крещенские в этом году все-таки пришли. Такой декабрь теплый, а вот крещенские – пожалуйста. А теперь опять тепло, уже к весне, что ли, повернуло?

И вдруг он понял, как выглядят все эти его проблемы здесь, в стилом деревенском автобусе, на фоне развалившегося колхоза, померзшей картошки, да зятя Витьки, что вернулся с зоны, да ненадолго, видать, задержится... Вот о чем спокойно и даже как-то безнадежно говорили пассажиры вокруг. И он не стал продолжать. И Тася молчала.

Так и добрались до большого села, прошли по деревенской улице, и с замиранием сердца увидел Денис большой бревенчатый дом за высоким забором, с гаражом, сараем – все всерьез, надолго, основательно. Зазвенел звонок, и вышла на крыльцо статная женщина в годах, с волевыми и тонкими чертами лица.

- Здравствуйте!
- Здравствуйте, здравствуйте! Тася, милая, вот хорошо! А у нас как раз отец Дмитрий в гостях, и Галина Семеновна, ну, библиотекарь наш! Вот батюшка-то обрадуется. И ужин как раз поспел! А Вас как зовут?
- Денисом, мама, я же тебе говорила.
- Дионисий, стало быть! Здравствуйте, Дионисий. Ну, проходите, проходите.

А в прихожей встретил их и отец Таси – высокий, плотный человек с монументальными чертами лица, длинными черными волосами с проседью. И Тася подошла, сложив руки лодочкой – под благословение. И лишь потом обняла, поцеловала... Подошел под благословение и Денис.

Повели их в кухню, где уже сидели за круглым столом грузная немолодая женщина и еще один священник, юный с реденькой черной бородой и тонким, каким-то даже прозрачным лицом. Тася взяла благословение и у него, за ней повторил в точности и Денис. А про себя усмехнулся: батюшка-то мой ровесник, если не помладше! Ну какой он мне отец? Вот Андрей Иванович, Тасин папа – это да, за версту видно, что батюшка. Такого трудно представить себе, скажем, на пляже или в магазине. Он как памятник, только живой.

- Ну, дочка, рассказывай, – прогудел отец Андрей.
- Все в порядке, пап, сессию вот сдала.
- Без троек?
- Бе-ез, – протянула она голосом прилежной школьницы, у которой по субботам проверяют дневник, – я же звонила вам после каждого экзамена. У меня вон и четверка только одна, по диалектологии! Эту диалектологию на пять вообще мало кто сдает. «У нас в Рязани грябы с глазами – их ядять, а они глядять» и все такое прочее.
- Ну молодец, солнышко, – мамин голос заметно потеплел, – а еще что новенького?
- Да ничего, мамочка, я же звоню вам все время. Вот, Дениску с собой позвала, вам показать.

У парня ощутимо покраснели уши. Тоже, что ли, рассказывать придется, как он учится?

- А вы чем занимаетесь, Дионисий? – пропела мама.
- Я... я в торговле. Электроникой торгуем.
- А, торговля, – мама и не скрывала своего разочарования.

- Ну что же, купечество – издавна опора страны, – вступился отец Андрей, – ничего, пройдет время, поднимутся наши новые Морозовы да Рябушинские...
- Которые большевиков выкармливали, что ли, – парировала мама.
- Может, и не без этого, – печально вздохнул отец Андрей, – да кто ж из нас без греха! А вот собери-ка нам, матушка, покушать, да и сядем, благословясь. А ты помоги, дочка.

Тася легко и уютно запорхала по кухне, доставая то ножи, то тарелки. Сразу видно, что оставалось тут все, как было заведено в ее детстве. Мама сняла с плиты сковороду, в которой аппетитно шкворчала капуста с мясом, открыла кастрюлю с картофельным пюре, быстро разложила еду по тарелкам. Молодому священнику положила только картошки:

- Это вам, отец Димитрий, здесь без мяса. Вон, грибочки на столе, огурчики. А нам капуста с гусем, только вчера бегал. Наедайтесь-наедайтесь, уж и до Масляной недалеко...
- Димитрий иеромонах, мяса не ест, – на ухо шепнула Тася.
- Ну что же, по единой, ради знакомства? – огладил бороду отец Андрей, достал из холодильника запотевшую бутылку водки, а Тася расставила граненые рюмочки. Себе не поставила.
- Что же, помолимся, – пророкотал отец Андрей, встал, неторопливо перекрестился, – Очи всех на Тя, Господи, уповают, и ты даеши им пищу во благовремени...

Помолились, сели за стол, выпили по единой – хороши оказались деревенские грибочки! И потекла беседа.

- А нам вот в библиотеку местный коммерсант деньги пожертвовал, на приобретение литературы, так что благодарствуем ему, коммерсанту. И еще по гранту Сороса мы регулярно получаем журналы, – продолжила тему сидевшая за столом женщина.
- Журналы-то, небось, такие, какие в руки лучше не брать, – печально отозвался молодой священник, – от Сороса-то!
- Да нет, батюшка, «Новый мир», и другие литературные, – ласково ответила библиотекарьша.
- Светская-советская литература? Знакомо. Ох уж, и тут этот Сорос! Скупает у нас мозги подешевле, продает на Западе подороже, а мы, бедные, и не чувствуем, зачем все это. А он нам зато журнальчики.
- Ну, не скажите, – неожиданно вступился Денис, – у меня вот приятель три года фактически на его гранты жил. Молодой ученый. И никуда он не уехал. Кандидатскую зато защитил, статей написал немеряно. А кто бы ему деньги платил в России? В академических институтах зарплата меньше ста долларов, молодым и пятьдесят не всегда достанется, и то нерегулярно. А он платил.
- Ну, копейку заплатил, на рубль украл, – не сдавался молодой иеромонах, – это же он нам обвал рубля устроил.
- Как так можно! – не притворно удивился Денис, – при чем тут Сорос, все дело прежде всего в спекулятивных ценных бумагах, в дутом курсе доллара, некомпетентной экономической политике... – и хотел бы еще добавить, что не учит он этого батюшку, как в колокола звонить, так и ему нечего другим объяснять, в чем они много лучше него разбираются. Но, конечно, промолчал.

Но тут вступился отец Андрей:

- Да и вправду, что нам, отче, ругать иностранцев, когда и русский наш народ погряз в атеизме и пьянстве. Выше быта и нос не кажет... Что мы русские, что нерусские – уже все равно стало. Вот, меня недавно послали проповедовать перед солдатами. Я им и говорю, ради примера, что вот в государстве Израиль никогда не будет мира, потому что Богу не угодно создание этого государства. Так ведь и по Писанию выходит: «оставляется вам дом ваш пуст».

- И по Преданию, – подхватил отец Димитрий, – тоже явствует из многих пророчеств и из истории, что роль богоизбранного народа перешла теперь к русскому...
- Только достойны ли мы? На себя если посмотреть? – ответил отец Андрей, – Так вот, ко мне после выступления подходит солдат, и начинает спорить, и цитаты библейские приводит, да все из Ветхого Завета. Утверждает, что избрание Израиля никем не отменено. Я удивился, кто такой? Православный, спрашиваю? Православный. А по национальности? Еврей, говорит. Вот и выходит, что у них даже крещение не отменяет этой родовой спайки, такая у них она крепкая. А у нас что русский, что нерусский, безразлично нам. Друг друга не бережем, не поддерживаем. Куда уж нам других поучать. Сами в своих бедах виноваты.
- И то верно, – отозвалась матушка, – вот, представьте, мы тут детский дом один опекаем. Километров за двадцать отсюда, построили, негосударственный, тоже денег кто-то дал. Батюшка и уроки Закона Божьего там ведет, и перед администрацией, если надо, заступится, а иной раз и подкинуть чего приходится, продуктов или...
- Мать, ты о добрых делах-то не труби, – перебил отец Андрей.
- Да, батюшка, о худых-то трубят и без нашего, враг-то не дремлет, а не будет худых, так выдумают. То, вот, пустили сплетню, что машина мол, у батюшки слишком дорогая. А на ней до нас уже пять лет ездили, а что иномарка, так по нашим дорогам жигули не пройдут. Так и ту ведь подарил один благотворитель. И не на пьянки-гулянки ведь – на крестины, отпевания по всей округе ездить приходится.
- Матушка, матушка, не о том ты...
- Да вот, говорю, детский дом семейный. Хорошо там детишкам, за ними уход, и все-таки приближено к домашним условиям. Слава Богу, и людям благодарность, что взяли на себя такой труд! Так ведь послушать историю каждого ребенка – никаких сказок страшных не надо. При родственниках, соседях, иной раз и при живых родителях, росли, что Маугли в лесу. Хлеба и то не каждый день ели. И таких в каждом районе – по целому детдому. То есть каждый год десятков-другой вот таких сирот на район набирается. Даже после войны такого не было, а теперь...
- Последние времена, последние, – вступился отец Димитрий.
- Этого нам знать не дано, отче, – ответил Андрей, – две тысячи лет уже – последние. А много ли, мало ли осталось, не в нашей власти решать. Делай, что можешь, жизнь-то она коро-откая... Вот, в молодости, – тут он взглянул на Дениса с Тасей, – все казалось, успеется одно, другое, третье, ан нет, ничего почти не успел, что задумывал. Мудрый был человек, настоятель наш прежний, отец Макарий, царство ему небесное (и перекрестился), он говаривал: делай только самое главное, остального не успеешь, и делай это сам. Не надейся, что другой за тебя сделает. Ну что же, отцы-братие, и сестры, еще по единой?
- Мне хватит, – скромно сказала матушка.
- И то верно, – подхватила библиотекарь.
- Ну, а мужчины могут, конечно, – поспешно добавила матушка, – на нас не смотрите, мы сосуды немощнейшие...

Выпили и еще по одной. Тепло разливалось в желудке, ударяло в голову, и такой вкусной оказалась эта капуста с гусятиной...

- Еще вам подложить, отцы, и вам, Дионисий?
- Да, пожалуйста, – он с готовностью протянул тарелку.
- А и вы нам рассказали бы чего, – обратился к нему отец Андрей, – чем дышит Москва, что молодежь поделявает?
- Да... – замялся он, не зная, с чего начать... – живем, работаем, крутимся. Трудно сейчас... но интересно все-таки.

- Жить, оно всегда трудно, когда легко-то было, – понимающе сказал отец Андрей, – Ну, а вот в среде столичной молодежи какие идеалы? Не верю я, что только доллары да красивая жизнь, как иные говорят. Душа, она всегда высокого ищет.
- Это верно, – сказал Денис, – сейчас вот, например, модно читать не Донцову, а Коэльо, хотя лично мне он не нравится, или Мураками.
- Коэльо? – удивленно спросил отец Димитрий.
- А я пролистала одну вещь, – отозвалась матушка, – оккультный запашок есть.
- Может, и показалось, – примиряюще сказал отец Андрей, – жалко вот, Лескова нынче читать не принято. Какие яркие вещи у него! «Соборяне» одни чего стоят. Понимал он русскую душу, русскую жизнь.
- Изменилась эта жизнь, – неожиданно для себя самого сказал Денис, – а Лескова я читал. «Очарованный странник» очень мне понравился. Только... как из музея это все. Иное.
- Иное и есть, – вздохнул отец Андрей, – ретрограды мы, ретрограды никчемные... Да вот, отче, – обратился он к молодому священнику, – ты давеча какой вопрос-то задавал, как гости пришли?
- Про чин крещения, батюшка, – с готовностью отозвался тот, – посмотрел я тут молитвы в дониконовой редакции, как и поныне старообрядцы читают, и, сказать по правде, выходит там лучше. Понятнее как-то, а то в моем служебнике дореволюционном: «ниже да снисдет с крещающимся, молимся Тебе, дух лукавый». Как соблазнительно-то звучит! А у них: «Молимся тебе, Господи, ниже да снисдет с крещающимся дух лукавый». Хорошо и понятно. Или вот еще: «Запрещает тебе Господь, диаволе, пришедый в мир и вселивыйся в человецех». А там: «Запрещает ти, диаволе, Господь наш Иисус Христос, пришедый в мир и вселивыйся в человецех» – ведь куда лучше, батюшка! Может, так и нам читать?
- Погоди, погоди... если бы было обращение к духу лукавому, стояло бы не «дух», а «душе», это же понимать надо...
- Так-то оно так, но народ-то у нас, сам знаешь, славянскому не навек...
- Ну-ка, скажи еще раз, как там, в дониконовской...

И они погрузились в свою профессиональную беседу. Они напоминали Денису двух программистов, которые поймали глюк и решают теперь, как ловчее поправить, чтобы ничего не испортить. И он подумал – может быть, сказать теперь про свое увольнение, или нет? Только что им сама его работа – менеджер по продажам... Тут и слов таких не знают. Скажут, поделом тебе, купец незадавшийся. Не нужен такой жених нашей дочери.

Пока размышлял, перешли к чаю. И текла, текла своим руслом, веками, если не тысячелетиями промытым, ясным, очищенным, беседа священников... Тихое и безмолвное житие. Соваться ли со своими проблемами? Неудобно как-то. Хорошие ведь они, в сущности, люди... А отец Андрей уже отодвигал пустую чашку:

- Ну что же, чайку попили – и за молитовку? А потом и отдыхать. Тася, как в старые добрые времена, соборне... Благодарим Тебя, Христе Боже наш...

Зашелестели слова молитвы, в благодарность за трапезу. Распростились в прихожей с гостями, а потом вся собравшаяся семья, и Денис с ней, прошла в гостиную, где перед большим иконостасом встали полукругом – все, кроме Дениса, на знакомые издавна места, – и отец Андрей начал читать вечернее правило. Слова звучали тяжело, но ложились быстро. Долгие, долгие годы читал отец Андрей эти молитвы, и смысл каждой из них был ему ясен до доньшка. К каждому из них он примерял свой быт, свою совесть, свою жизнь. А Денис выхватывал только отдельные выражения: «да воскреснет Бог и расточатся враги его...» Но про тихое, безмолвное житие – ничего на сей раз не было.

А потом стали расходиться. Денису отвели комнату, где когда-то жили мальчики.

Задержавшись в гостиной, Тася вдруг пристально посмотрела на гвоздик, вбитый в дверной косяк:

- А вот здесь висел ремень.
- Ремень? – Денис усмехнулся, – и часто вас?
- Редко. Действительно редко. Гораздо реже, чем заслуживали. А вот в одной семье было три ремня: черный – для постных дней, коричневый – для обыкновенных, и красный – для праздников. Представляешь, в праздники! А у нас в праздники никого не наказывали, даже если виноват. И вообще, родители нас любили, это главное! Ладно, поздно уже. Давай спать.
- Тась... Слушай... Я серьезно... Я работу потерял. И вообще, я не знаю, как мне теперь.
- Да ведь найдется что-то наверняка, ты не переживай! – легко и просто ответила Тася, – а там, глядишь, окажется, что всё на самом деле к лучшему обернулось. Оно так часто бывает, правда.
- А сейчас? А что мне сейчас? – Денис заговорил как-то глухо, за скупыми словами чувствовалось внутреннее кипение.
- А сейчас ты у меня в гостях! Отдыхай и ни о чем не думай, ладно? Вот завтра сходим с тобой на речку, она сейчас хоть и подо льдом, но все равно такая красивая! Ты живи сегодняшним, ладно? – Тася протянула к его лицу ладонь, но так и не донесла, – а завтрашнее будет завтра! И вообще, ужасно спать хочется...
- Ладно. Спокойной ночи...
- Покойной ночи, – и скрылась за дверью.

Он решил выйти покурить – ведь в доме у них наверняка нельзя. Набросил короткое московское пальто, сунул ноги в ботинки, не зашнуровывая... Двор обдал морозом, свежестью, темнотой. Где-то далеко безнадежно лаяла собака, искрился под окнами снег. Луны не было, но в ясном морозном небе светился ясный и неизменный порядок созвездий, которому и дела не было до мимолетного огонька сигаретки там, в провале снежного двора.

Назавтра к шести вечера он уже был дома. Один. Тася оставалась с родителями, они давно не видели дочку, а у него было дел невпроворот. Работу надо было искать.

Однокомнатная квартира встретила вечерней пустотой и холодом – забыл форточку закрыть, вот и выстудил все. С чего бы, с чего бы начать... рассылать резюме по рекрутинговым агентствам. Но прямо сейчас – не хотелось. Он включил компьютер, рука рефлекторно щелкнула по значку браузера, и зашуршал привычную песню модем. Со второго раза он соединился, и вышел в знакомый и уже, кажется опостылевший чат. Регистрация всплыла сама, подсказкой: ник "Den", пароль "12345".

Он набрал только два слова: «мне плохо».

Тут же нашелся дежурный остряк: «а кому сейчас хорошо?» Ник был какой-то новый и случайный, набор цифр и букв.

И следом: «Понятно. Номер твоей аськи?» – ник был знакомый, "Chaika". Девушка, с которой они уже тут пару раз болтали.

Денис ввел в чате знакомую цифирь и сразу запустил ICQ.

Чайка написала в ICQ почти мгновенно. Хорошо, что ему одному, не всему чату: «Ты светлый, Ден. И мне тоже сегодня плохо. Меня тоже не понимают».

И сам шалея от того, что он пишет, он набрал: «Попробуем вместе, Чайка?»

«Попробуем».

«Ты где?»

«Бескудниково. Ты хочешь приехать?»

«А можно?»

«Знаешь... кажется, нужно».

«Я буду. Адрес?»

Прилетел ее адрес, и Ден, прихватив наскоро сляпанный бутерброд, даже не выключив компьютер, полетел к метро. Он будет сегодня у Чайки, и он не знает, насколько, и что произойдет там. Он даже не знает, как зовут Чайку в реале. Но он будет этим вечером там, где ему сказали: «ты мне нужен».

Путешествие Бенджамина Франклина в город Кызыл

Бенджамин Франклин смотрел на него пристально, ласково и чуть иронично, словно хотел сказать: ну и куда ты меня тащишь, чудака? Зачем я тебе там? Его длинные кудри мягко спадали на плечи, а лоб светился лысиной, так что Игорь даже невольно погладил собственную голую кожу на темени, выступившую так рано и так некстати. Странная у Франклина прическа, подумал он. Кудри только подчеркивают плешь, вот подстричься бы ему покороче, как я. Ведь он еще совсем даже ничего, лицо немного полноватое, но энергичное, и глаза такие выразительные. Неудивительно, что он всем так нравится, в отличие от...

Франклин, разумеется, молчал, потому что все уже было сказано, и написано, и давно выучено наизусть: «The United States of America. One Hundred Dollars». Больше ничего он сказать не хотел, да от него и не ждали. Впрочем, еще был номер, но кто же смотрит на эти номера? Разве только менты, когда изъятые купюры переписывают. Глаза скользнули по номеру, и Игорь даже присвистнул: вот это да! Ну ты даешь, Бенджи! Ее инициалы и дата рождения: число, месяц, год. И еще две какие-то цифры, может быть, час? Часа он уж точно не знал. Сюрприз ты мне преподнес, господин президент. И даже дату выставил в нашем формате: сначала число, а потом месяц. Умница!

Куда бы мне тебя пристроить, такого шустрого? Карманы там наверняка хорошо обшаривают. О, есть идея! Игорь взял с письменного стола клеящий карандаш, легонько коснулся самого уголка купюры и вложил ее в книгу, ближе к концу, а потом плотно ее сжал. Вот так, сам не отклеится, а когда нужно будет – выну. Почитай пока Мураками, господин президент. С ним тебя уж точно не украдут.

Это, наверное, была какая-то паранойя, но с тех пор, как на выходе из ночного клуба он «не осилил» и уснул на троллейбусной остановке, а проснулся без уже бумажника, мобильного и даже часов, Игорь не отправлялся ни в одну поездку без денежного НЗ в надежном месте. Ограбить и обворовать всегда могут, страна у нас такая. Впрочем, мысленно подмигнул он Франклину, и у вас такой же дикий Запад был.

Книга легла в дорожную сумку вместе с диктофоном и прочими журналистскими принадлежностями, и забыл он про нее до самого аэродрома. Да и там как-то было не до чтения – приехал поздно, и пока отстоял очередь на регистрацию, пока прошел через контроль, уже пора было и на посадку.

Рейс был ночной, с посадкой в каком-то Радужном. Игорь уже успел задремать, когда старенький их ЯК клюнул носом, командир корабля попросил всех пристегнуть ремни, и противно-вежливая стюардесса пошла будить тех, кто не послушался. За иллюминатором была сплошная чернота, и только горели внизу какие-то костры, словно в советских фильмах про партизан. Неужели тут так отмечают посадочную полосу, спросонья удивился Игорь. А потом понял: газ. Буровые вышки.

В Радужном выходило всего несколько человек, но самолет зачем-то потребовали освободить, и сонные пассажиры, запахнув московскую еще одежду, побрели к аэропорту под пронизывающим снежным вихрем ханты-мансийской зимы. Градусов сорок, отметил насквозь продрогший за эти десять минут Игорь.

А потом они застряли на несколько часов. То ли техническая неисправность, то ли полосу замело... Игорь с изумлением бродил по довольно большому и совершенно пустому аэропорту, выросшему со своей таможней и паспортным контролем посреди газоносной тундры, и упивался чувством полной нереальности этого места. Для пассажиров даже открыли буфет, и он съел дорожный жирный беляш, запил его растворимым кофе.

Не было ни сна, ни бодрости. Растянуться на пластиковых сиденьях с комфортом не получалось, бродить надоело, и тогда он достал книгу. Тут же оказалось, что Мураками совсем не тот, а другой – ну бывают же и в Японии однофамильцы! Оказалось, история про

какого-то чудака, который мечтает поесть какого-то особенного супа, а в результате попадает во всевозможные переделки. За окнами крутился снег, тело уже ныло от пластикового комфорта, из глубин желудка накатывали беляшные волны, а на страницах книги смаковалась в деталях вместо супа какая-то каша из крови и спермы, и от этого тошнило хуже, чем от беляша. Игорь швырнул книгу обратно в сумку и закрыл глаза. Бедный Франклин, куда же я его засунул, подумал он.

Но все-таки позвали на посадку, и снова надо было пихать дубленку в рентгеновское чрево, и идти по выюжному полю до трапа, и устраиваться в кресле, и погружаться в черную, обессиленную дремоту до нового «пристегните ремни».

А в Кызыле уже вовсю сияло солнце, и даже мороз можно было потерпеть (объявили, тут минус тридцать пять, в Радужном и то потеплее было). Молодая женщина в роскошной дубленке, такая румяная красавица, как с рекламного буклета, завязывала у трапа шарф дочке лет двух: «Ну вот, Машенька, папа нас сейчас встретит... Как же жить тут будем с тобой, в холоде таком, а? Ну ничего, годик перетерпим...»

Пассажиров провели мимо красивого, но недостроенного здания аэропорта в национальном стиле к какой-то калитке в сетчатом заборе, и там Игорь увидел встречающего – в руках он держал картонку с его фамилией. Местный журналист, из редакции с ним связались, попросили содействовать.

Назвали свои имена, пожали друг другу руки, сразу же Игорь натянул обратно перчатку, а местный – варежку.

– Ничего, что не в такси? Тут на маршрутке недалеко.

– Да ничего, конечно.

– И еще, мы решили, что вам будет удобнее не в гостинице, а на квартире. В самом деле, зачем с чужими людьми, шумно... А так – есть однокомнатная квартира в тихом районе, и цена точно такая же.

– Да конечно.

Здесь был его город, и он наверняка лучше Игоря знал, куда и как податься.

Они забрались в микроавтобус, благо, багажа почти не было. Встречавший сунул мелочь толстой тетке у самых дверей (маршрутки тут с кондукторами, догадался Игорь, значит, народ платить не хочет), салон быстро заполнился. Люди были совсем другими, чем в Москве, и дело даже вовсе не в том, что у половины из них на круглых лицах прорезаны были щелочки глаз, специально для метелей и пыльных бурь. Нет, не только это... Они были какие-то бесстрастные, несуетливые, и немного неловко было сидеть среди них в московской своей дубленке.

– Надолго к нам?

– На три дня, потом улетаю через Красноярск.

– Ну да, мне говорили. Прямые московские рейсы ведь только раз в неделю.

– Да какая разница, прямой – одно название... в Радужном все равно несколько часов в аэропорту сидели.

– Как, удалось поспать?

– Да нет, читать... пытался. Такая гадость попалась, знал бы заранее, ни за что бы эту книгу не купил.

– Бывает, – вдохнул местный журналист, – а что, про шаманов наших писать будете?

– Про шаманов, – ответил Игорь, и подумал, что не о том, совсем не о том пишет его столичное глянцево-е издание. Ну шаманы, и что шаманы? Среди них полгода надо прожить, чтобы что-то о них узнать, чтобы они тебе хоть краешек подлинного своего искусства приоткрыли. А вот написать бы про этих людей, как они тут живут, что их заботит... Но – нет информационного повода. Вот если будет тут гражданская война, или тайфун сметет город с лица земли, то совсем другое дело.

В заиндевевшем окне ничего и не было видно, только мелькали какие-то блочные дома, какие будут в любом российском городе.

– На Лопсанчапа, – подал заявку местный, и Игорь сразу поразился названию этой остановки. Надо же: Лопсанчап!

Они вынырнули из ледяной маршрутки на еще более ледяную, хоть и залитую солнечным светом, улицу Лопсанчапа, прошли мимо киосков во двор, а местный журналист все показывал: тут остановка, там магазин, там еще один.

Игорь удивился, до чего же пустым оказался этот квадрат двора, ограниченный строгими коробками кирпичных зданий. Людей было мало, и все они куда-то спешили, и совсем не было видно детей, хотя посреди двора было что-то вроде детской площадки: крашенные деревянные теремки в национальном стиле, горка, качели... Ну да, в такой холод особенно не погуляешь. А еще показалось удивительным, как мало было во дворе машин, особенно после Москвы, где вечером иной раз и не встанешь в собственном дворе, приходится искать по соседству. Небогато живут.

– А что снег такой серый? – спросил Игорь. Снега было совсем мало, никаких сугробов, как в Москве.

– А от сажи это. ТЭЦ углем топят, и уголь плохой, вот гадость и выносит из трубы. Вечером сами увидите, форточку откроешь – сажа прямо в дом летит, подоконники в таком же сером налете.

– Как вы тут живете... – протянул Игорь, вспомнив ту элегантную даму на аэродроме. Он перетерпит три дня, она годик, а они – жизнь...

– Привыкли, – улыбнулся местный журналист, – вот и подъезд ваш.

Раскрылась тяжелая деревянная дверь, безо всяких кодов, Игоря обдало домовым теплом, и только тут он оценил, как все-таки холодно было на улице.

– Зато топят хорошо, в квартирах тепло, не мерзнем.

Прошли мимо электрического щита – дверцы на нем вовсе не было, а внутри громоздилось нелепое сплетение проводов, словно по ночам их перекусывали враги, а потом восстанавливали монтеры. Впрочем, может, так оно и было.

Лифта в пятиэтажном доме не было, и подниматься приходилось пешком, но это была экскурсия. Вот, на втором этаже выбит небольшой кусочек оконного стекла на площадке, само стекло сплошь заледенело, а вокруг дырочки выросла настоящая снежная труба: видно, теплый влажный воздух подъезда оседал не только инеем на стекле, но и снежной бородой по краям, и борода эта росла и росла – до оттепели? Да бывают ли тут оттепели?

– Что за книгу-то читали, говорили, вам не понравилось? – местный решил поддержать разговор.

– Да японец какой-то... Однофамилец Мураками, слышали?

– Конечно.

– Только общего ничего.

Остановился прямо на площадке, расстегнул сумку, вынул книгу:

– Хотите, вам отдам?

– Если плохая – зачем?

– Ну и...

На площадке как раз пованивала пасть мусоропровода, и Игорь без раздумий отправил туда книгу. Сонная голова гудела, ничего не соображала, и уже не помнила о дружище ФранкLINE...

Они поднялись на третий этаж, открыли железную дверь, и Игорь, наскоро выпроводив местного коллегу, повалился, едва раздевшись, на кровать, в тяжелый и гулкий сон.

Виктор Никанорыч с Верным стояли у самого входа в магазин. Нет, конечно, никто уже не называл его Виктором Никанорычем, разве что Витюшей, или хоть вот Никанорычем, если уважительно. Да и Верного кто так назовет – псина и псина, каких много по улицам бегает, ногой пнул и дальше пошел. Но на самом деле это действительно был Верный Пес, деливший с хозяином и горести, и радости. Горести – это понятно. А радости... ну вот колбасу, например. На прошлой неделе собирались выкинуть целых две палки колбасы, совсем заплесневели, это при местных-то морозах. Отдали им с Верным. На целую неделю растянули, и хлеба меньше ели. На выходных по этому поводу купил он не чекушку, а целую поллитру, и выпили они ее вдвоем не с Верным, конечно, а с Семеном Евгеньичем из третьего подъезда. Он огурчиков домашней засолки тайком от жены приволок. Душевно посидели.

Но в этот день в магазине явно нечего было выкидывать, и продавщица уже косо смотрела на Никанорыча, но не гнала, добрая душа. А что, они с Верным гуляют, вот и зашли обогреться. Квартира теплая, ничего не скажешь, зато посреди прогулки хорошо бывает вот так зайти в магазин.

Умный пес смотрел на проходящих жалостно, как смотрят бездомные, хотя Никанорыч держал в руке конец веревки, обмотанный вокруг шеи Верного. На кожаный ошейник-то денег разве напасешься! Но Верный знал, что сегодня Никанорыч пустой, что от него будет толку мало. Старик неловко потянулся к стоящим на полу сумкам, и какая-то женщина, что беседовала у прилавка с продавщицей, резко окрикнула его.

– Да я поправить только! – сник Никанорыч. Нет, он не думал воровать. Но просто поддержать эту сумку, где и пельмешки, и сметанка, и даже яблочки – это зимой! – вот это уже и было бы приключение.

– Иди себе, Витюша, – окрысилась на него и продавщица, – не хватало еще!

– Да я ж поправить, – вяло отозвался он, дернул веревку и они с Верным пошли на улицу, на холод.

Оставалось, впрочем, еще одно средство. Последнее. Дом был небогатый, мусор, соответственно, тоже, но все-таки... Они пересекли двор, Никанорыч достал из кармана ключ собственного изготовления (зря, что ли, полвека слесарил) и открыл помоечный отсек. Дворничиха сейчас не должна заметить, обед у нее.

Но в контейнере ничего интересного не было – так, очистки, пустые упаковки, хлам всякий. Разве что книга. А что, почитать Никанорыч любил. Вечерами отчего не скоротать время? Оглядел злобную физиономию на обложке, вышел наружу. Верный терзал какой-то полиэтиленовый пакет – сосисками, что ли, пахло от него?

– Фу, Верный! Пошли домой. Нагулялись.

Мороз уже ощутимо пощупывал лицо, и хорошо было укрыться за дверью квартиры, поставить чайник, хотя бы с сушками...

Никанорыч прямо на кухне, на табуретке стал перелистывать книгу. Зрение у него сохранялось хорошее, очков не надо, разве что книгу приходилось держать немного подальше, вблизи все плыло. Такая же и память стала к старости: детство помнишь лучше вчерашнего дня.

И тут с книжных страниц на него глянул Франклин. Никанорыч присвистнул от изумления, но деловито взял книгу, подержал над пышущим паром носиком чайника, отклеил, разгладил, положил на стол:

– Ишь ты! Уже и деньги стали выкидывать. А народу-то как...

Верный понимающе завилял хвостом, он готов был осудить и одобрить все, что скажет хозяин, и неважно, что давно кончилась колбаса. Не в ней же счастье! Но фразу про народ Никанорыч не закончил, заварил чайку и стал думать, что делать дальше.

Деньги, несомненно, были настоящие и очень большие. Это не тухлая колбаса, не дармовая чекушка, не огурцы Евгеньича, это настоящая, большая удача. Но на эти деньги в

магазине ничего не продадут. Это сколько же оно будет стоит... Шестьдесят, что ли, рублей? Или это нефть столько стоит теперь... А, двадцать восемь на сто. Или даже двадцать девять. Три тыщи без малого!

Никанорыч встал и взволнованно зашагал из угла в угол тесной кухоньки.

– А что, Верный, тебе этого, как его, «педигри» куплю! Хочется, небось, попробовать-то? И себе сгущенки... Колбасы... Нет, мяса рыночного. С костями, на суп, и побольше! И с тобой поделюсь, не смотри ты так жалобно. И яблок. Зимой витамины надо есть!

А про водку и не стал говорить, и так же понятно.

Но как купить? Сперва доллары надо было поменять. Никанорыч как-то и не обращал внимания на обменные эти пункты, есть они и есть, ничего особенного. Вроде, в торговом центре один был, в крытом, какой недавно открыли на соседней улице. И что там нужно? Паспорт, пенсионное... Эх, взять бы кого с собой для надежности, но кого сейчас найдешь! А пока искать будешь, обменный закроется. Так что надо торопиться.

Никанорыч, отогревшись чаем, прихватил авоську для продуктов, надел даже парадный пиджак, какой давно не надевал, сунул Франклина во внутренний карман, от воров подальше. Снова влез в тяжелое пальто, валенки, велел Верному сидеть, а сам отправился за добычей.

Народу в стеклянном закутке, где обменивали валюту, не было, только сидел на стуле охранник в камуфляже, из местных. Никанорыч опасливо шагнул за прозрачную дверь...

– Чего, дед? – охранник словно проснулся.

– Вот... – в горле у Никанорыча сразу как-то пересохло, – поменять бы мне...

– Чего поменять?

– Доллары... – совсем сник Никанорыч. Вдруг не примут?

– Ну, давай! – разрешил охранник.

Старик суетливо расстегнул пальто, полез в карман пиджака... Оказалось, что Франклина на месте нет, и его прошиб пот, но пальцы тут же нащупали плотную бумажку. Вот он, родимый! Никанорыч положил его в металлический лоток, накрыл сверху паспортом, еще и пенсионное держал в руках.

– Паспорт надо, дочка? пенсионное?

«Дочка» с ярким макияжем метнула на него быстрый взгляд:

– Пенсионное не надо.

Франклин в своем железном ящике уехал к ней вместе с паспортом, девица вынула его, сунула Франклина к себе, стала делать с ним нечто непонятное и даже незаметное Никанорычу.

– Фальшивая купюра, гражданин, – мерзким голоском произнесла она.

– Как же фальшивая! – поразился Никанорыч, а про себя подумал: ну вот, потому и выкинули.

– А так фальшивая: номер эмиссии не совпадает с реестром, и ультрафиолетовая защита нарушена! – бойко вещала девица, и старику делалось все хуже.

– Ты посмотри, дочка, он в помойке лежал, может, запачкался просто, – просил старик.

– Где лежал? – подошел охранник, с интересом взглянул на Никанорыча, – что, доллары в помойку теперь кидают, что ли?

– Да я... – совсем сник старик, – нашел я, потерял кто-то...

Охранник не говорил ни слова, но по бесстрастному его лицу было видно, что не верит. А девица говорила как раз очень бойко:

– Гражданин, объявление читали?

– Какое?

– А вот: фальшивые купюры изымаются.

– Как изымаются... – пробормотал старик.

– А так, – отозвалась девица, – ну что, милицию звать будем, гражданин, будете показания давать, откуда у вас фальшивка, только предупреждаю, это уголовная ответственности, или так разойдемся?

– Говорю же, нашел я, – не сдавался старик.

– Ну вот так и расскажете в милиции, под протокол, – уверенно заключила девица, и кивнула охраннику, – вызывай давай.

– Не надо, – сдавленно согласился Никанорыч. И в самом деле, откуда у него такие деньги? Решат еще, украл, а у них план по кражам не выполнен. Пришьют дело. Как доказать, что в помойке валялась? Никто не поверит. И родных у него за границей нет, чтобы такие деньги присылать!

– Я пойду, – почти просительно добавил он.

У стеклянной двери его тронул за плечо охранник, и Никанорыч испугался, что все-таки потащат в милицию, и теперь не отделаешься так просто.

– На тебе, – охранник протягивал ему сто рублей, – купи себе чё-нить.

Заметив растерянный взгляд старика, достал из кармана другую сотню, обе бумажки вложил ему в руку:

– Бери, бери. Эти настоящие.

Старик суетливо сунул деньги в карман, словно боялся, что отнимут, пробормотал «спасибо» и пошел к ларьку – на яблоки, конечно, не хватит, но водки и педигри теперь можно было купить.

Лариса положила этого Франклина отдельно – туда, где у нее лежал детектив Донцовой и косметичка. К своим вещам. И занялась чем-то таким, чтобы глаза были опущены вниз: отчетность какую-то заполняла, или просто заштриховывала квадратики на листе бумаги...

– Какая ты, Лара... – бесстрастный голос охранника все же заставил ее вздрогнуть.

– Ну, договаривай! – с вызовом ответила она, – какое слово проглотил, а?

– Никакое, – мрачно ответил охранник.

– Ну, что же ты? «Сука», да? Ну, бери бумажку, догоняй бомжа своего. Он ее спер, а ты его защищаешь!

Франклин был вынут из-под Донцовой и нырнул обратно в железный ящик.

– Попролам поделим, – сказал охранник.

– Да? – язвительно переспросила девушка, – я всё придумала, а ты ему чуть всё не отдал! И вообще, почему я с тобой делиться должна? Ты тут причем?

– Я тебе полторы рублей дам, – так же бесстрастно сказал охранник, – почти две трети будет, я ему двести своих дал. Мне доллары нужны.

– Одна восемьсот, – ответила она деловито.

Охранник, не возражая, достал бумажник, отсчитал деньги, придвинул к себе ящик и вынул Франклина, а вместо него положил российские купюры.

– Зачем тебе доллары, Артыш? – спокойно переспросила девушка.

– Надо, – ответил он, и ни одна черточка не дрогнула у него на лице.

Так до окончания рабочего дня Артыш и не возвращались к этой теме. А потом надел свой овчинный тулуп и отправился к Чечек.

Он совсем недавно приехал в столицу из дальнего села – а еще точнее, остался в городе после армейской службы, которую проходил в Забайкалье. Дома, в селе, работы особой не было, Чита или Иркутск все же находились слишком далеко от родины, и не знал он там никого. А вот в Кызыле – совсем другое дело. Троюродный дядя помог устроиться в охранные агентство. Теперь примерно раз в два месяца наезжал он домой, к родителям,

которые перебивались как-то на пенсию и детские пособия, привозил городских гостинцев младшим (он был первым из пяти детей, дети оставались пока с родителями, кроме второй после него, что уже вышла замуж). Сам отъедался парной телятиной, скакал на соседском жеребце по окрестным холмам, отходил душой после пыльного города.

А в городе у него была Чечек. Нет, о женитьбе речь, конечно, не шла – она была постарше, и уже с ребенком – но женщина она была хорошая, и они хранили друг другу верность. Тут как раз и Франклин пригодился: дочке Чечек, Аяне, скоро исполнялось девять лет, и мама хотела подарить ей подержанный компьютер. Даже нашла один, но в цене не сошлись. Точнее, деньги у нее не сошлись с ценой, хозяин был правильный, лишнего не просил, как Артышу объяснил приятель. Даже, можно сказать, задешево отдавал, потому что надо было ему уезжать. Но и компьютер тот, по правде говоря, дорого не стоил. Ну, девчонке сойдет на первое время. Надо же ей расти по-человечески, все-таки двадцать первый век на дворе. Так что как раз эти доллары к месту пришли.

Артыш размеренной походкой шел к остановке маршрутки, и все ему казалось в жизни правильным. И этот зимний мороз, и его дружба с Чечек, и что скоро к родителям домой, и что не пьет он, как другие, ну так только, иногда и немного. Ничего, что мы не богачи, ничего, что чужие бумажки охраняем, свои не задерживаются. Нам много и не надо, чтобы прожить. Главное, жить правильно.

А старик тот... ну да, обманули его. Так он точно те деньги своровал, откуда у него еще? Ну, а если он сам своровал, то сам и виноват. Тем более, Артыш не себе их брал, а ребенку, и старику тоже дал, и Ларке, сволочи, отдать пришлось. Так что получался с его стороны героический поступок. Вот Ларка, та да, та хапнула. А он – нет. И Чечек у него не такая, будь она как Ларка – бросил бы сразу. Кто с ней захочет? Хотя... Фигура у Лары хороша, ничего не скажешь, и смотреть умеет так, что внутри аж заходится.

Подкатила маршрутка, приняла его в свое чуть теплое чрево, высадила недалеко от дома Чечек, и снова заскрипел под ногами правильный снег, засияли над головой правильные звезды.

Чечек уже давно была дома, она работала учительницей начальных классов, уроки у нее заканчивались рано. Помогла ему раздеться, повела на кухню поить чаем с мороза, поставила вариться пельмени. Что еще человеку надо после работы?

А девчонка ее сидела в своей комнате, то ли уроки делала, то ли ерундой какой-то занималась. Ну, пусть, детство ведь, оно один раз бывает. Потом закрутит – оглянуться не успеешь.

Напившись чаю, еще до пельменей, Артыш сунул большую ладонь в карман, достал Франклина, положил на стол, разгладил той же ладонью:

– Аяне на подарок.

Чечек обняла его, поцеловала:

– Спасибо, Артыш, добытчик ты мой, вот счастье будет той, которой ты достанешься...

Просто так сказала, от сердца, даже не ждала, что будет это – она.

А и вправду, Аяне в этом году исполнялось девять, самой Чечек, чуть попозже – двадцать семь. Еще хорошо, что сумела окончить педагогическое, родители помогали. Ну, а «биологический отец»... Биомасса, одним словом. Из тех, чей век недолог, как в песне одной красивой пели, но и на кавалергардов они совсем не похожи, и пьют не шампанское, а совсем другие напитки. Что же поделать, если есть в них мужское нахальство, а дурехам молоденьким попробовать хочется, и голова ничегошеньки уже не соображает к концу вечеринки?

А потом оглянешься – и нет рядом никого, кроме такой же биомассы. Хорошим женихам она уже не нужна, да и немного их, хороших, а остальным... хватит,

напробовалась. Остается вот так, как с Артышем. Тоже, если рассудить, не так плохо, у многих и этого нет. А он ничего не требует, помогает, вот, и денег подкинул, и немаленьких. Ласковый, хозяйственный мужик.

И не ошиблась она, что тогда ночью, после ласки, вставая погасить у Аяны свет (вечно она зачитается, пока не заснет), возвратилась к нему под бочок и рассказала, глядя его волосатую грудь, как мечтает о компьютере для дочери, и даже вот подыскала один... Нет, она ни о чем не просила, и не могла просить, и даже рассчитывать не могла. Просто понадеялась, что есть наконец-то в жизни мужчина, который не бросит. Многого не даст, но что даст, того не отнимет.

Вот у Аяны все должно сложиться иначе, совсем иначе. Для того и компьютер – пусть растет в ногу со временем, выходит в большой мир. Интернет ей обязательно проведем, и не для развлечений этих глупых, как пацанам в компьютерном клубе, а для дела. Учиться, развиваться, познавать мир. И все у нее сложится хорошо! Просто обязательно, иначе не может быть. Она для нее ничего не пожалеет, для доченьки.

– Ой, пельмени-то!

Нет, не переварились, хотя о них и совсем забыли. Выложила на тарелку, полила сметаной, полюбовалась, как он ест – сильный, спокойный, верный. А потом побежала к телефону, набрала номер...

– Алё?

– Антон, этот по поводу компьютера, – заговорила уже по-русски, – я возьму, ага?

– Ну, долго думали, – рассмеялась трубка, – я уже, в общем-то, договорился...

– Я не думала, я деньги собирала. Вот, собрала.

– Ну а я с другим практически договорился...

Все-таки была в его голосе неуверенность, и Чечек нажала по-своему, по-женски:

– Антон, ну я же первая была, мне для дочери очень надо, где я еще возьму...

– Ладно, только завтра с утра – крайний срок. Я послезавтра улетаю.

– Да я хоть сегодня заберу, можно? Сейчас прямо?

– Сейчас? – трубка удивилась.

Да, да, пока не передумал, обязательно сейчас.

– Ага, адрес говорите!

Назвал адрес. Оказывается, совсем рядом. Но везти все равно на машине, ну, ничего, на такси полтинник найдется, ради такого дела.

– Антон, я вот еще спросить хотела...

– Да?

– Мне для девочки, девять лет. Вы там оставьте программы, какие нужны, и интернет, остальное сотрите, ладно?

– Ничего себе, – возмутилась трубка, – так вам оборудовать и настраивать надо? Это вообще отдельная работа.

– Не надо мне ничего оборудовать, – заторопилась Чечек, – и настраивать не надо, просто покажете, где там интернет включается, а где сочинения набирать, в школу.

– Ладно, – рассмеялась трубка, – где интернет включается, покажу.

Наскоро поужинали, пешком дошли до Антона – идти всего-то десять минут. Под ночь мороз усилился, но за своим, желанным, конечно, в радость. А щеки и потереть можно. Позвонили в дверь, открыл совсем молодой парень:

– О как вы быстро! Я даже разобрать не успел.

– И хорошо, – сказал Артыш, – я посмотрю, как он разбирается. И интернет покажешь.

– Покажу, покажу, проходите.

Разделись, разулись, прошли в комнату. Чечек достала из сумочки несколько Франклинов, передала Антону. Он деловито пересчитал, нахмурился на одного, слишком затрепанного, но ничего не сказал. Только рукой махнул на свой стол:

– Ну, вот.

Бывает же тоже – покажи им за пять минут, как выходят в интернет, и зачем он вообще нужен, компьютер. Ну что, показать-то можно. Включил, потыкал мышкой, показал, где менять настройки соединения.

– Запомнили?

Этот тувинец-крепыш кивнул, но что-то нет у Антона уверенности, что на самом деле запомнил. Взял бумажку, набросал телефонный номер:

– Вот мой приятель, Ваней звать, позвоните, если что, он сделает. И недорого возьмет, он знает, что это мой. Ну, бывший мой, в смысле, – и полез выдергивать провода из системного блока.

– Подожди, я посмотрю, – сказал крепыш, – что куда.

– Да там не перепутаешь, там все разъемы однозначные.

Крепыш важно кивнул, девушка ласково посмотрела на него, и спросила разрешения позвонить, вызвать такси. Конечно, разрешил.

Компьютер разобрали быстро, и оказалось, что никаких коробок они с собой не взяли, и Антон, конечно, давно их выкинул, компьютеру уже сколько лет! В общем, решили, что повезут прямо на руках, а Антон поможет им загрузиться.

– Да, чаю хотите? – запоздало вспомнил он. Ну да, у них же принято сначала чай, а потом уж о делах.

– Нет, спасибо, пошли лучше вниз отнесем.

Оделись, отнесли, неуклюже обхватив хрупкую технику в своей толстой зимней одежде. Как раз подъехала машина, загрузили все туда.

– Что, уезжаешь? – спросил на прощание крепыш.

– Ага.

– Далеко?

– Далеко, в Москву.

– Ну, счастливо тебе!

– И вам счастливо! – бросил Антон наскоро и побежал наверх: замерз уже, да и собрать много чего еще надо.

Как выбрать всего двадцать килограмм из всей твоей прошлой жизни? Квартира вываливала из тайных уголков то старые фотографии, то никому уже не нужные детские коньки, то книжку, которую, казалось, Ванька зачитал, а она просто за диваном лежала... Оставайся, тут твое прошлое – словно поскуливала квартира всем своим барахлом.

Но решение было принято. Прочь отсюда, туда, где есть, где развернуться, где делать карьеру. Здесь – чужая земля. Вот эта пара, которая так хочет завести себе дешевый компьютер, они пусть остаются. Он поедет туда, где есть для него будущее. Не дешевое. Есть приятель в Москве, давно уже там осел, у него и остановится Антон на первое время. А там найдем работу, жилье. Пусть эти снобы-москвичи смотрят на него свысока, он будет работать за половину зарплаты, вечерами и выходными, но он пробьется, он поднимется. Может неплохо программировать, в железе разбирается, ну и, конечно, другой работой тоже не побрезгует.

Не грусти, квартира, за тобой будет присматривать Ванька, ему как раз жить с молодой женой негде. Деньги, совсем небольшие деньги за аренду, будет присылать матери Антона, она после смерти отца вернулась на малую родину, в алтайскую деревню. А там... там посмотрим. Продать квартиру быстро не удалось, ну, да цены пока только растут. Приезжают из кужунов бывшие чабаны, ныне горожане, вроде этого крепыша.

А Антон поедет в Москву, и возьмет с собой немного фотографий, пару книг, кое-что из одежды (хорошо, что зима, оденет на себя побольше, а не багажом повезет). Ну и вот – Франклинов. Что мог продать быстро и за настоящую цену, продал. Немного получилось, всего пара тысяч (а еще ведь и билет пришлось покупать), но и этого хватит на первое время.

Так он толком и не собрался. Весь следующий день прошел в бестолковых встречах и выпивонах, с ребятами проститься, девчонок обнять, на работу, в компьютерный центр, забежать (позавчера только уволился, уговаривали остаться) – и когда за полночь, изрядно пьяным, раскрыл он свой чемодан, то побросал туда буквально что попало. А остальное сгреб на антресоли в коридоре, пусть пока полежит, там вернусь квартиру продавать – разберусь, думал Антон. А не вернусь, так и ладно.

Едва поспал, тяжелым, зыбким сном – запищали наручные часы, и не сразу сообразил, где он и что он. Снилось, что уже в Москве, что своя фирма, своя секретарша, с которой как раз... ну вот тут будильник и сработал, обидно. Мишка не подвел, сидел внизу в своей шестерке, с такой же помятой мордой – вчера ушел с последними. Но до аэропорта довез, обнял на прощанье...

В маленьком кызыльском аэропорту, похожем больше на советский автовокзал, бестолково сутились молодые тувинцы в камуфляжной милицейской форме, с ладными громадными рюкзаками: то багаж не взвесили, то на контроле зазвенели. Видно, в первый раз на самолете. Сопровождающий их солидный мужчина объяснял провожающим: «...а от Моздока – электричкой до Гудермеса». Кызыл – это все-таки тоже Россия, тоже в Чечню ездят.

Сняли милиционеры с себя весь металл, прошли через рамку – и тут же обратно, подхватили деревянный ящик, и в обход рамки понесли их к багажу. «Осторожнее, автоматы все-таки!» – заботился сопровождающий. Ну да, ремень с бляхой снимают, а ящик с автоматами в самолет просто так занесут. Его не проверяют. Абсурд.

Наконец, загрузились в малюсенький ЯК-42, похожий на старенький автобус, а не на самолет. Разбежались, оттолкнулись от взлетной полосы, взяли курс на Красноярск. Вдали розовели рассветные Саяны, внизу чернела земля, где так мало изменилось со времен Чингисхана, и немного, похоже, изменится в XXI веке.

Рядом с Антоном оказался какой-то столичный господин. На контроле в аэропорту долго разглядывали его диктофон, просили включать. Журналист, наверное. Сам Антон, по опыту прошлых полетов, сидел у прохода, пытался подремать и все время заваливался в этот проход. Креслица-то как в этой малой авиации как стульчики в детском саду. А неопытный господин сел у иллюминатора, где ноги поставить некуда, и тянет от обшивки самолета зверским холодом.

В другое время Антон, может быть, и постарался познакомиться, но сейчас было не до того. Три раза просил стюардессу налить еще водички, она морщилась, но наливала. И только задремал по-настоящему – Красноярск.

Там, хоть и севернее, было потеплее. Не зря говорят, что местные под город Кызыл (тогда еще Белоцарск) отвели русским то место, на котором сами селиться не хотели. Ну и что с того, что начало Енисея, и центр Азии где-то рядом? Котловина среди степи, не продуваемая ветром, летом плюс сорок, зимой минус, весной наводнение. Только осенью хорошая погода. Нет, не впрок это идет, на чужой земле селиться, думал Антон, выволакивая свой багаж из хвоста самолетика на заснеженный асфальт аэропорта Емельяново.

И только добрались до здания – сюрприз: регистрация на Москву закончилась. Как же так, рейс стыковочный, практически все до Москвы летят? А борьба с терроризмом, теперь досмотр тщательней, за сорок пять минут до рейса заканчивают регистрацию. А расписание не изменили. Вот такие дела. Но билеты у них взяли, отметили, посадочные выдали, велели

идти сразу на контроль, вместе с чемоданами. Красноярцы уже прошли, одни они и оставались.

Шубы, дубленки, пальто, кофты, свитера, варежки, шапки, ботинки – все это надо снять, положить в здоровенные корзины, поставить на транспортер, снять с транспортера, одеть. Еще и багаж куда-то засунуть в промежутке. А машина одна, а пассажиров много, и вертелись девушки с этими шубами, не глядя уже ни на какие экраны.

Наконец, автобус подвез их к огромному ИЛ-86, кресла в три ряда, и свободных мест на рейсе нет – а они с чемоданами, и куда их девать? Стюардессы стали потихоньку затаскивать багаж в кабину пилотов. Вот бардак, удивился Антон, и повалился на свое законное кресло – вырубился почти сразу. Даже воды не попросил, уже и пить не хотелось. Что было по дороге, помнил плохо, только вот покормили, да соседи толкались, в туалет выходили.

Зато в Домодедово – новое приключение. Багаж кызыльцев выносили сами пилоты, через свою какую-то дверь, и только выглянули они в зал для пассажиров – к ним бдительно шмыгнула тетка в форме, пилотов обратно погнала, над багажом встала фурией. И – не отдавала, потому что не положено. Их было шестеро, таких несчастных, и тот самый столичный, что с Антоном рядом сидел. Он и шумел больше всех, и звонил куда-то по мобильнику, и удостоверением своим размахивал журналистским – ничего не помогало. Тетка сама уже почти плакала, но инструкцию нарушить не могла. И старшего не могла вызвать, отлучился он куда-то. Смешно, будь они террористы, сто раз бы взорвали все к едрене фене.

Но Антон не скандалил, просто присел у стеночки, наблюдая суетливую жизнь большого города. Неприветливо, да. Сурово. Ну, другого и не ожидали. Наконец, через час сплошного скандала, пришла милиция, отвела их с багажом в отделение, там какой-то смурной майор спросил, в чем дело, ничего не стал смотреть и всех отпустил.

Измученные, пошли они к автобусу (говорят, был еще какой-то скоростной поезд, но дорожке), и уже на самом выходе из аэропорта налетел на Антона какой-то долговязый парень в дурацкой шапочке, чуть с ног не сшиб, схватился за его куртку, потом извинялся и хлопал по плечу. Придурок, одно слово.

А в автобусе, когда поплыли за окнами заснеженные деревья, дороги, такой русский и забытый пейзаж, понял Антон, что теперь он – на Родине. Не слишком гостеприимной, но своей, своей навсегда... Да, кстати, не худо бы проверить, паспорт, деньги – на месте? Паспорт да, деньги российские, на дорогу, тоже, а доллары...

Он обшарил карманы, и второй раз, и третий, и это было уже явно бесполезно: он же помнил, где они были. И теперь их там не было. И даже лица того долговязого не мог вспомнить, такое оно неприметное, еще и темные очки на нем были...

Фарт, он суеты не любит. Если повезло – радуйся жизни, и не проси себе лишнего. После Домодедова – гулять надо было, жизни радоваться. Нет же, потянулся...

Франклин вместе с братьями, такими же Франклинами, лежал во внутреннем кармане Дюхиной куртки, а довольный жизнью Дюха выходил из такси у большой станции метро. Нет, на метро он ехать не собирался, просто жила тут одна. Вот как раз к ней. Позвонил ей по мобиле, еще из такси, готовься, мол, все такое, отметим успешный бизнес. В самом деле, бизнес не кислый сегодня получился!

Идти здесь пять минут, но у метро киоски, не с пустыми же к ней руками. Или вот в супермаркет завернуть... Киоски быстрее, но шику больше в супермаркете. И вообще, что ли, поменять одного Франклина, а то рублей маловато?

Пока он топтался перед рядами киосков, выплыла эта бабулька. Не совсем еще старая, но такая уже, пенсионного вида. Печенье какое-то покупала, как раз перед Дюхиным

носом. И деньги – вытащила, отслюнила полтинник и так небрежно сунула остальное в свою кошелку, у всех на виду...

Эх, Дюха-Дюха, ведь шептал же тебе голос: стой, хватит на сегодня! Но таких учить надо, это ему накрепко запало, и руки, руки сами пошли гулять...

– Ах ты! – заревело у него над ухом, и еще раньше того вздернуло левую руку вверх, да так, что искры из глаз посыпались, – у бабки, последнее!

– Бат-тюшки! да что ж деется-то! – заверещала бабка, ощупывая разрезанную свою кошелку, но не успел он вытащить деньги, нет, не успел, а вот бритва уже валялась на земле, и как ни выворачивали руку, успел, успел он пхнуть ее ботинком в сторону.

– Пусти, ты чего! – запоздало заголосил Дюха, все еще не видя обидчика.

– Деньги проверь, мамаша, – спокойно отозвался тот же голос над левым ухом, а справа ему ответил другой, похожий:

– И как ты его углядел, Андроныч?

– Да ведь с той командировки, привычка у меня – смотрю в толпе, кто где руки держит.

Дюхе стало нехорошо, и злился на себя самого, зачем полез к бабке.

– Ой, сынки, деньги-то вот они, хотел вытащить, гад, ридикюль вон порезал – заголосила бабка.

– Не я это, не докажешь, – привычно огрызнулся Дюха, но левая рука все еще была заломлена, тут особенно не повыступаешь.

– Пойдем, пойдем, – мрачно сказал невидимый Андроныч, и потащил его прочь от киоска, – и вы, мамаша, с нами пройдите.

– Не докажешь! – взвыл Дюха от боли и обиды.

– Пойдем, – Андроныч уверенно тянул его в сторону, и Дюха подумал, что где-то здесь, во дворах, должно скрываться неизвестное ему пока отделение милиции. Так-то оно все вроде бы ничего, но вот пачка купюр в кармане куртки... Не докажут, конечно, а вот отобрать – запросто.

– Ой, спасибо, сынки, – заголосила бабка, – ридикюль-то он спортил, пусть компенсирует...

– Ридикюлю твоему – три копейки цена, – прохрипел Дюха.

– А моральный ущерб? – не унималась бабка и даже забежала вперед, чтобы взглянуть ему в глаза. Бабка как бабка, совковая, противная.

– Ответишь, голубчик, за все ответишь! – надрывалась она.

– Не докажешь, – снова коротко бросил Дюха.

Его завели во двор, рывком поставили к стене, так что чуть не разбили лицо о кирпич, ударили по голени ботинком, чтобы раздвинул ноги, а руки распластали по кирпичу, и левая все еще была зажата в железных тисках.

– Больно, пусти! – дернулся Дюха, но Андроныч явно рассчитывал движения именно так, чтобы с избытком, чтобы больно, чтобы показать свою силу над беспомощным Дюхой.

– Пусти, ты что, ты кто такой ваще, ты не докажешь ни хрена... – заголосил он.

– Чего я не докажу? – спокойно спросил Андроныч, пока чьи-то ладони деловито хлопывали Дюху по рукам и ногам, приближаясь к заветному карману.

– Кражу, блин! Пусти!

– Кому не докажу? – тупил Андроныч.

– Ментам!

– А, – рассмеялся Андроныч, – так ты что, решил, что мы тебя в ментовку поведем?

– Наи-ивный, – присвистнул его собеседник.

И тут Дюха заголосил визгливо, по бабьи, неразборчиво, и только ясно было, что просил мужиков оставить его в покое, и что непорядок это, невинного человека вот так...

– Опаньки, – грубая, квадратная ладонь извлекла из кармана куртки пачку Франклинов, ту самую, и другая ладонь, увидев, как дернулся Дюха, мягко, но уверенно ткнула его под ребра, так что ноги сами подкосились, и в боку разлилась пульсирующая боль.

– Мужики, да вы что, это ж мои, ну возьмите себе... ну половину, ну...

– Не твои это, – уверенно сказал собеседник Андронича, – мамаша, ста баксов за ущерб хватит?

– Ой, сынки, спасибо, век буду Бога молить, как зовут-то...

– Неважно, – отмахнулся собеседник, – ты иди, мать, у нас тут еще разговор есть...

Дюха услышал удаляющиеся бабкины шаги, и почувствовал, как запахло мочой, как мокро и тепло стало ногам, и понял, что пахнет от него самого.

– Боишься? Это правильно, – уверенно сказал Андронич, и вдруг перехватил его ладонь, словно собирался снимать с нее мерку, – пальчики, ишь какие пальчики... на скрипке бы тебе играть.

– Ну да, инструмент его главный, – отозвался собеседник.

А Дюха уже просто выл, выл неразборчиво, но отчаянно, изо всех сил, и надеялся, что кто-то услышит, прибежит, спасет...

Вой почти что и заглушил хруст переломанных косточек.

А бабулька без долгих разговоров вернулась у метро, опасливо шагнула в стеклянную будку обменника и протянула Франклина в окошко, прижимая к себе порезанный ридикюль.

За квартиру платить уговаривались баксами, а последний гонорар выдали рублями, так что по дороге домой Игорю пришлось зайти в обменник. Как раз сегодня хозяйка собиралась заглянуть, и не доставало одной сотни. Новенькие российские купюры легли в железный ящик, скрылись в недрах обменного ларька, и ящик вынырнул к нему снова, на сей раз с улыбающимся Бенджамином Франклином. Игорь собирался уже было отправить его в бумажник, но вспомнил, как несколько дней назад разглядывал такую же физиономию, пакуя вещи перед командировкой, и невольно скользнул глазами по номеру...

– Девушка, откуда это у вас?!

– Что откуда?

– Купюра это?

– А чем она вам не нравится?

– Да всем нравится, только... только я ее обронил за пару тысяч километров отсюда! Обменная девушка скользнула по нему тяжелым взглядом, и рука под столом уже явно тянулась к какой-то кнопке. Еще бы, на наркомана похож, подумал Игорь.

– Вы обронили, другой подобрал. Не задерживайте, пожалуйста! – строго сказала она.

– Ну ты даешь, старик! – выдохнул Игорь, отходя от киоска, – как ты назад-то добрался? Подожди, подожди, я ведь ту книгу... ну да, все сходится. Там и выбросил. Во дела!

Несколько прохожих недоуменно обернулись на парня, разговаривавшего с Бенджамином. Не принято такое в наших краях, и в его краях тоже, наверное, не принято. Но Бенджамин только молчал и улыбался, ибо все самое важное было уже сказано и написано, а что повидал он во время своего путешествия, Игорю он поведать никак не мог, даже если бы и хотел. Игорь вряд ли бы его понял.

Банная ночь

Машина еле тащилась по забитому шоссе, словно превратилась в детский педальный автомобильчик: газ – тормоз, газ – тормоз... Откуда, почему их столько? Ведь суббота, вроде неоткуда. И долго ли еще так тащиться? Наконец, за крышами автомобилей, шедших впереди, мелькнули синие проблески милицейских огней. Авария, все понятно.

Широкий поток Новорижского шоссе превращался в ручеек, по одной, медленно, объезжал две искореженные легковушки, и скорую, и милицию. А с земли как раз медленно поднимали человеческое тело – забинтованное, окровавленное, но, кажется, шевелящееся. А главное, поднимали его так осторожно, как будут только живого. Значит, еще ничего.

– Ох... Митя, видишь, вон там какая сосна?

– Где, где, мама?

– Ну вон же, там...

Молодец Ленка, отвлекает. Нечего ребенку на кровищу эту смотреть, еще наглядится, будет время... Он ведь у них впечатлительный. И тут же мелькнула мелкая, подлая мысль: «ну вот, пробка кончилась, теперь шоссе будет пустым, может, еще и в баньку успеем».

– В баню-то успеем? – Ленка словно прочла его мысли.

– Да наверное, если так и дальше... должны успеть.

– Да, теперь-то быстро поедем. Вот же не приведи Господи...

– Мам, а где сосна? – встрял с заднего сиденья мелкий.

– Да все, проехали уже. А в баню с нами пойдешь?

– Пойду!

Правильно. С малолетства приобщать надо к традициям.

– Пап, а там машина что, сломалась?

– Ага, сломалась.

– А что у нее сломалось?

– Не знаю точно. Наверное, врезалась в другую машину.

– Их теперь будут чинить, да?

– Ага.

– А кто за ремонт заплатит?

Вот современные дети! А что, правильно. Деньги – часть нашей жизни, стесняться тут нечего.

– А за ремонт заплатит страховая компания. Теперь все машины застрахованы, мы платим компании небольшую сумму каждый год, а если авария – она платит за ремонт.

– Здорово! – удовлетворился Митька, – Сказку поставь?

Сунули в магнитофон кассету, и переливчатый, артистический, знакомый по детским пластинкам голос стал рассказывать про Карлика-Носа, потом про Маленького Мука... Долгая дорога, ребенку скучно.

А еще километров через полтора, где давно уже кончилось роскошное Новорижское-Нуворишское и начались колдобины Тверской области, по одному ряду в каждую сторону – новое развлечение. Военная колонна. И такую поди обгони! И по правилам нельзя, да и в самом деле не втиснуться. Приходится плестись в хвосте с надеждой, что, может, свернут куда... Непривычно, ох как непривычно джипу плестись за грузовиком!

На самом деле Володе и джип был непривычен, куплен всего год назад. И было ему уже пятнадцать лет, и стоил он вовсе не столько, сколько джипу положено, а вот статус поднимал. И на дороге его теперь пропускали легко, словно висел перед ним в воздухе волшебный знак приоритета. Да нет, конечно, не был он крутым, так, мелкий бизнес, просто народ у нас пуганый, привык атрибутику уважать. В прежние годы черная волга, теперь джип, а суть мало изменилась.

– Что, так и придется плестись? – почти ласково, с участием спросила Ленка, и сразу вспомнилась и баня, и ребята, и вот из-за такой колонны... Да что он, в самом деле, сам забыл, на чем едет?

– Нет, погоди. Обочину только найду поудобнее.

Обочина нужна сухая, ровная, надежная, да вот и она. Включил полный привод, мигнул последнему грузовику фарами, взревел движком – и правый обгон по обочине, назло всем правилам, колоннам, дуракам и дорогам! Так только и ездить в России. И солдатики, уныло смотревшие из кузова на дорогу, оживились, стали пальцами тыкать, что-то говорить, да за шумом не слышно. Живо обогнали и последний грузовик, и предпоследний, и еще три, а там и кончилась эта колонна, и обочина не подвела. И начался прямой, без помех, путь к бане!

– Пап, а расскажи, как ты в армии служил?

Он даже поперхнулся, не зная, что ответить. Как об этом рассказать мальцу? А ведь ждет. Сказка давно закончилась, да и надоела, и пейзажи за окном не впечатляют, так что давай, папа... Только что рассказывать? Про будни боевой и политической, про сапоги да мозоли, портянки да бани, другие, солдатские бани? Или вот еще про товарища старшего прапорщика Дерюгина? Ни к чему это. Митьки это уже не должно коснуться, они что-нибудь придумают, уж такие деньги, как в военкомате берут, можно будет наскрести. Не пойдет он в эту рабоче-крестьянскую, крепостную, казенную.

Или придумать чего героического? Да не было ничего такого. Ни самому повоевать не пришлось (в Афганистане), ни воюющих разнимать (в Карабахе очередном), ни даже последствия мирного атома ликвидировать (в Чернобыле). Правда, в части химзащиты, стоявшей в южнорусском городке, где трубил Володя свои семьсот тридцать дней в сапогах, из офицеров и даже прапоров многие как раз с тех последствий вернулись. Да и то ничего, не жаловались, а рассказы были в основном анекдотичные, как колхозники в окрестных селах вишни себе собирали да уезжать никуда не хотели.

– В армии мне снились сны, – неожиданно для себя самого ответил Володя.

– А что, дома не снились, что ли? – недоумевал детенок.

– Дома тоже, но в армии... Знаешь, кто в армии не был, тот не знает, что такое сон. Нам его почти всегда не хватало.

Только как ему расскажешь про сны? Только тот, кто бывал несвободен, знает снам цену. В той кадрированной части в наряд ходили через день, так что привыкли, приспособились «щемить», как они это называли, прямо в наряде и даже на посту в карауле. В ночном штабе дневальный запирали дверь, стелил себе в углу шинель и отдыхал до самой проверки. Вот часовому у знамени приходилось немного сложнее. Стоял он на особой платформе, и если сходил с нее, сразу замыкались контакты и на пульте начальника караула загоралась лампочка. Приходилось подкладывать между контактами маленький зеленый камешек, «пасту ГОИ», которой начищали медные бляхи. А там можно было и на пол ложиться в обнимку с автоматом. Всем, кто бы так ни делал, в самый первый раз снился один и тот же сон: спящего часового застают на посту сам командир части... А потом уже не снились никакие залеты.

А вообще, сновидения – это было главное. Только они давали свободу. И ему, и другим снилось... Он ехал домой, почти каждую ночь, только прямая дорога оказывалась лабиринтом – что-то вставало на пути, и вот он бродил по соседним улицам, не в силах дойти до дому. И тут тяжелый и радостный сон разбивался вдребезги о крик дневального, и между «батальон, подъем» и «строиться, форма одежды номер три» он возвращался в реальность Советской Армии.

– Пап, чего молчишь? А что тебе снилось?

– Мне снилось, как я еду домой.

– Домой очень хотелось, да?

- Ага. И мне, и всем остальным.
- А теперь тебе снится, как ты едешь домой из армии?
- Теперь уже нет. Теперь...

С тех пор, как этот путь состоялся, он уже никогда не снился. Но приходили другие сны: что он снова в армии, не дослужил, оказывается, тогда каких-то дней (на самом деле их и вправду вышло меньше 730-ти, потому что призывали после студенческой сессии, уже в июле). И вот – ряды кроватей под синими казенными одеялами и ряды дней, устремленных к дембелю, почему-то не состоявшемуся. Сначала эти сны походили на настоящую армию, но чем дальше, тем сказочнее они становились, и оставалось только общее ощущение казарменной тоски, тягучей, непонятной, нескончаемой.

- Что теперь, пап?
- Теперь иногда снится, как будто я снова в армии.
- Бедный ты мой... – Ленка погладила его по плечу.
- Да ничего, на самом деле, страшного.
- А мне вот иногда снится, что я снова в школе экзамен по химии должна сдавать, а я не знаю ничего...

И потом уже, километров через полтора, когда и Митька задремал на заднем сидении, и та колонна осталась далеко позади, Ленка осторожно спросила его:

- И что, часто так снится?
- Как «так»?
- Ну, про армию.
- Да нет... не так чтобы часто. Сам не знаю, почему. Знаешь, как будто мне говорят: во всем этом был какой-то смысл, я чему-то научился там, хотя и сам едва ли знаю, чему. Вроде потерянных два года... но был же какой-то смысл!

- Ты мне никогда об этом не рассказывал.
- О снах?
- О них, и вообще об армии. Плохо было?
- Ты знаешь...

И в самом деле, как об этом рассказать?

– Да знаешь, что жаловаться. Не так уж и плохо, были вот, кто действительно попал в Афган, или в стройбат забайкальский, где русских двое парней в роте. Тем да, круто пришлось. А у меня... да в общем, нормально. Как у всех.

- Ты – не все.
- Да в самом деле, Лен, нормально все. Просто – другой мир, другая жизнь. Параллельное пространство. Выпал на два года, потом вернулся, живой и здоровый. Может, чуть более зубастый, так это в жизни не раз пригодилось.

И больше об этом не говорили. Дорога была дальней и отвратительной по качеству, и еще пошел дождь, и приходилось обгонять фуры дальнбойщиков по встречке, брызги веером. В машине было тепло и уютно, играла спокойная ирландская музыка, а впереди ждала база отдыха, старые друзья и баня у озера, которую должен был заказать тот, кто из них приедет первым.

Добрались благополучно. Но первыми, конечно, оказались Смирницкие, а не они – слишком долго возились утром, поздно вато выехали, да еще приключения эти по дороге. Серега встретил их прямо у ворот, обнялись, обменялись радостными восклицаниями про рыбалку, про шашлыки, да сколько лет сюда приезжаем, почти что с советских еще времен – все уже, считай, стало ритуалом. Только раньше на поезде-автобусе, да в общем корпусе, да без шашлычков, без бани... Денег тогда не было.

А что, кстати, баня? На сегодня занята. И банщик в этом году какой-то новый, их не знает. Ну ничего, Серега с ним договорился, что в полночь, как попарятся последние клиенты, после официального закрытия, он все приготовит и уйдет. И парься хоть до утра. А малой – что малой, положим спать, он и не проснется. Ничего страшного!

На том и порешили. Замучанный дорогой Митька уснул раньше, чем коснулся головой подушки, так что было время и собраться с толком, и Смирницких подождать на сосновой полянке у главного корпуса. Ясная августовская ночь, напоенная лунным светом, очертания стройных сосен, запах близкой воды и лесных трав.

– Вот оно, счастье! – выдохнул Володя.

– И еще две недели впереди! – отозвалась Ленка.

– Как город надоел...

– Вовка, знаешь, что я думаю... Вот как все-таки здорово, что живем сами по себе, можем поехать, куда хотим, и не нужны эти Багамы, и миллионы эти, просто вот так вот жить – вот это и счастье.

– Ага...

А тут и Смирницкие подошли, отправились к бане. Справа спал сосновый лес, слева за стволами блестела под луной вода, и так сладко было представить, как будут они нырять в этот плещущий свет, прямо из парилки...

У самой двери бани шагнула вышла им навстречу фигура:

– Уж и заждался, ушел почти. Вот и ключи, только завтра, едритьска-сила, поутру верните.

– Какая, говоришь, сила? – усмехнулся Смирницкий.

– Чего? – не понял банщик, – печка нормально протоплена, каменка хороша, сами увидите.

– Да не, я не о том, присказка у тебя забавная.

– А... – кажется, он так и не понял, о чем это, – ну, пошел я, легкого парку.

Парок и вправду был – легкий, но забористый. Протоплено и в самом деле было отлично, и стены добротные, досками обшитые, держали пар, и масла шалфея в воду капнули, когда поддавали, и вениками нахлестались...

А потом можно было лежать на воде, и над тобой плыли звезды, а под тобой озеро дышало своей жизнью, неизменной с ледникового периода, и сказочными были в этом полнолунии стволы сосен, россыпи трав, деревянные мостки и силуэты женщин, выходящих из воды.

Завернутые в простыни, раскрасневшиеся, счастливые, они потягивали за столом пиво, как вдруг Володя спросил у Смирницкого:

– Что там за присказка была, у банщика?

– Какая присказка?

– Ну, ты еще переспросил?

– Не помню... А что?

– Едритьска-сила?

– Ну да. А что?

– Да так, вспомнилось... Сегодня как раз Митька про армию меня расспрашивал.

– Так, пацан, ему и положено. Наша Танюха другим интересуется, все больше с мамой шепчутся. Мне бы вот тоже сына, может, через годик на второй заход пойдем.

– А у нас, – Володя сделал большой-большой глоток и в изнеможении откинулся к стенке, – у нас прапор был, батальонный старшина.

– Батальонный старшина?

– Ну да, часть кадрированная, рот не было, сразу батальон. Так вот, был такой товарищ старший прапорщик Дерюгин. Но все его звали Крамором, хрен его знает, почему. Вот у него такая же присказка была.

Дамы тем временем завели свой какой-то разговор, что-то о моделях и размерах, ну, как положено – мальчики о мальчишеском, девочки о девчачьем. Отдых все-таки.

– А у нас старшина был – хохол, – поддержал разговор Смирницкий.

– Это часто бывает, хозяйственные они. Наш вот русский был. Но не в том дело.

Сволочь редкостная.

– Ну, на то и старшина.

– Нет, я не в том смысле. Что он там за порядком смотрел, наряды лепил – это, в общем, должность у него такая. Унижать он нас любил. Даже, знаешь, мог не наказать, а вот перед строем вывести, да как начать... Или вот, встанет батальон на «взлетке», и – досмотр тумбочек. У кого что хранится, да с комментариями. Письма, фотографии, книжки – знаешь, как начнет перед всеми: «вместо бабы своей лучше пасту зубную положите, товарищ солдат! Баба – она, едритьска-сила, гигиене не способствует! Как на случку в увольнение бегать, это вы сразу, едритьска-сила!» Так обосрет перед строем, карточку потом прямо в руки противно брать.

– Ничего себе, – присвистнул Смирницкий, – и что ж, не отпи... не отходили его за такое? – поправился он, оглянувшись на дам. Они уже и прислушиваться стали к мужскому разговору.

– Ну не в открытую же, часть у нас приличная была. Только когда основанная масса дембелей уходила, он отпуск брал, два раза в год. И из города уезжал. Он неженатый был, на родину ездил, куда-то в другую область.

– Ну, тогда понятно. Мужик без бабы, он звереет. Особенно вдали от дома. Он, считай, как вы срочную служил, даром что в казарме не жил. Та же ляпка.

– Но, знаешь, один раз, как предыдущий призыв дембельнулся, он потом неделю в очках темных ходил на службу. И шепелявить стал, зубы, видно, тоже пересчитали. У нас ребята были с Дагестана, нормальные, но представления у них свои. Их по матери-то не пошлешь, обидятся, а чтобы вот так перед строем...

– Да... – протянул Смирницкий, – наш хохол и по матери мог, и всяко, и по морде даже заехать, но без дела не унижал. Мы-то мотострелки были, не то, что вы, у нас попроще.

– И знаешь, ты прав насчет ляпки. Ему однажды Ванька Новиков так и сказал: «Мы, товарищ старший прапорщик, тут у вас в подчинении два года, а вы вот этой каптерке до пенсии служить будете». Тот, знаешь, осекся даже. Мы думали, он его по стенке размажет, а он так на секунду замолчал, сглотнул, да гаркнул: «Товарищ солдат, почему сапоги не чищены?» И наряда даже не вlepил.

– Нечем крыть.

– Ну так. Вот я и подумал: встретить бы его сейчас... Вот просто встретить, Ваньку того же привезти, он же тоже москвич, еще кого-то из ребят. И спросить его: ну как, товарищ старший прапорщик Дерюгин, жизнь твоя прошла? Сколько портянок перемерял? Сколько плащ-палаток наших спер да туристам продал? Не зря прожил, да? А мы вот – кто в бизнесе, кто еще где, но все людьми стали, живем нормально. Один ты в своей каптерке заживо сгнил. Вот это, знаешь, месть почище мордобоя будет.

– А точно, – усмехнулся Смирницкий, – да напишите в часть, узнайте, служит ли еще, или дембель ему вышел, или просто ласты склеил от жизни такой. Да и поезжайте, поприветствуйте товарища.

– Да лень. Ну его. Ребят, кто еще в парилку, по последней, а?

– Я с тобой! – подхватила Ленка.

А Смирницкие не пошли, напарились уже досыта. Да оно, пожалуй, и к лучшему.

Утром Володя зашел в административный корпус, оформить курсовку (вот ведь тоже дурацкие правила, Советский Союз в миниатюре). Администратор была любезна и

приветлива, как всегда, цены были по нынешним временам несерьезные, и только одна мысль не давала покоя...

– Скажите... – вдруг, неожиданно для себя самого, спросил он, когда все дела уже были улажены, – а как фамилия вашего банщика?

– А что, какие-то возникли проблемы?

– Да ну что вы, какие проблемы, банька у вас просто райская, работает он тоже отлично, просто лицо показалось знакомым.

– Да-да-да, работает отлично, не нарадуемся. Сами знаете, на пенсию не проживешь, даже на военную, а мужчина он еще не старый, можно сказать, даже молодой. Исполнительный, порядок поддерживает. Он ведь из армии демобилизовался, или как это теперь называется, служил в других местах, а родом-то отсюда, вот и вернулся домой, к родным.

– А фамилия – Дерюгин?

– Ну точно, а вы откуда знаете? Тут раньше-то полдеревни у нас было Дерюгины, уже сейчас никого почти не осталось, да и деревни той уж и на карте нет, Иван-чаем все поросло, вот три года тому тетка его померла, и он из Дерюгиных последний, он ведь так и не женился... Откуда вы-то знаете?

– Да... – замялся Владимир, говорить ли, нет ли, а потом решил сказать неопределенно, свободы своей не стискивать подробным объяснением: – встречались когда-то давно, помню вот такого товарища старшего прапорщика Дерюгина. Вроде, похож. Подумалось, может, он и есть.

– Вот же какой у нас знаменитый банщик, и в Москве про него знаете! В газетах, наверное, писали? Вы, может, журналист, репортаж про него делали?

– Да нет, что вы, – рассмеялся Володя, про Дерюгина и в газетах! Разве что в журнале «Крокодил», причем в роли самого главного крокодила. Но говорить такого не стал.

– А зря, про него бы надо. Он же у нас герой-ликвидатор, чернобылец. Знаете ведь, человек жизни другим, можно сказать, спасал, а свою-то подпортил, и как. Жена ведь от него ушла, у него после того Чернобыля ни деток уж не было, ни мужского, знаете, начала. Вот она его и бросила, зачем он ей такой. А он с тех пор так и неженатый, жалко вот мужика, да и есть у нас кому, есть...

– Чернобылец, говорите?

– А то! И медаль ему прислали, ликвидаторскую. Он же добровольцем туда, сам заявление писал! Только не умеют ведь у нас беречь своих людей, главное наше богатство...

– Ладно, спасибо.

Володя вышел на крыльцо, закурил. Чернобылец... Ну и что? У них в части половина офицеров и прапорщиков была оттуда, войска-то химические, никто и в голову не брал, что они особые герои. Ну, льготы были положены. Тогда вообще об этом не задумывались. Дежурный по части один раз, шутки ради, счетчик Гейгера принес на дежурство, стал подносить ко всем предметам в дежурке, и стул, на котором он сидел, выдал – сорок пять миллирентген в час! Три фона, втрое выше, чем положено. Обычный стул из магазина, он в Чернобыле не был, но вот те зады, что на него садились день ото дня...

А вот сволочью он был редкостной, товарищ старший прапорщик, это да. Это несомненно. И в морду бы ему дать не мешало.

Да может, совпадение? Лица он в темноте как и не разглядел. Фамилия редкая, но не уникальная, как и присказка та дурацкая. Впрочем, что гадать. Все равно ключи от баньки у него, и надо занести их банщику, вот, при дневном свете и разберемся.

Он отправился к бане, но уже сам не верил в совпадение. Вот теперь – сказать ему все, все что хотелось тогда, да возможности не было. Показать ему, что он – он теперь

человек, и всегда им был, а Дерюгин как был нулем и холуем, так им и остался. Наглядно так показать. Доказательно.

– Доброго утра! Ну, как банька?

Дерюгин стоял прямо перед ним – сам вышел навстречу, по своим каким-то делам, и был он постаревший, сморщенный слегка, но все тот же самый Крамор, про которого писали на дальней стене гаража: «Крамор – мраки», и когда смывали эту надпись, она обязательно появлялась вновь.

– Банька? Хороша банька, – в замешательстве ответил Володя, и даже «спасибо» забыл от удивления прибавить. Как бы только начать... Здравия желаю, товарищ старший прапорщик? Получите в рыло, товарищ старый пердун, за все наши унижения? Но нет, это дагестанцы так сделали, он лучше словесно, как и тот их унижал. За всех и за всё. Дагестанцы б встретили, так вообще бы его убили, наверное.

– Ключи-то? – ласково спросил Дерюгин. Он его не узнавал, да и куда было узнать, сколько таких прошло перед ним за годы службы. Ничего, это даже лучше, так эффектнее будет.

– Ключи, да, ключи... – порылся по карманам, достал, так и не решив, с чего бы начать.

– Я уж там побывал, сегодня с утра ведь новые клиенты у меня, прибрался. Венички-то уж как поистрепали!

– Венички?

– Венички, едритьска-сила, – подтвердил банщик, словно печатью удостоверение прихлопнул. Ах, тебе, гад, венички сэкономить захотелось? А шесть сотен вчера на карман получил или нет? Может, отрабатывать неохота? Так ты, Дерюгин, надо мной два года измывался, кончилось то время. Теперь ты будешь за мной пол подметать, ты мне дровишек подкидывать, ты мне, если потребуется, и спинку помассируешь, и пятки почешешь, что тут венички! Ты теперь в дерьме, где и должен быть, и есть на свете справедливость. А я человек, и все мы люди, все твои бывшие рядовые, все чего-то добились, кем-то стали. Один ты, бобыль банный...

Чернобылец-доброволец. Ликвидатор. И та авария на шоссе. Тогда ты проехал мимо. Ты ничем не мог помочь. И в Чернобыле не мог, не тебя туда послали. Какая, в сущности, разница, где он был...

Помолчал, дожевывая травинку, и ответил:

– Ладно, хорошие были венички. И банька отличная. Спасибо, Семеныч! Может, денька через три еще разок, а?

– А то! Постойте... отчество-то мое откуда знаете?

– Да в контору сейчас заходил, так, поинтересовался. Надо же как-то тебя называть!

Берег турецкий

Эта пара вошла в экскурсионный автобус с опозданием, и двух сидений рядом для них уже не было. Все, кто поехал в одиночку, занимали сидения у окна, и несколько свободных мест оставалось только у прохода. Так что гладкий мужичок в шортах, майке и смешной вязаной шапочке на бритой голове плюхнулся рядом с незнакомой девушкой, а его спутница в таких же шортах и майке (лицо ее было скрыто соломенной шляпой и черными очками) пристроилась рядом, через проход. Дама села тихо, как влитая, а мужичок поерзал, устраиваясь поудобнее в кресле, и едва нашел точку равновесия, выдал команду:

– Ну чё, поехали, что ли!

– Еще двух человек не хватает, – живо отозвался представитель турфирмы, стоявший рядом с шофером.

– А чё они опаздывают! – среагировал мужичок, но представитель турфирмы был хорошо вышколен и в спор с клиентом вступать не стал.

Парень со следующего ряда сказал негромко, но так, чтобы было слышно:

– Сами опоздали, между прочим.

Мужичок решительно повернулся к нему:

– Не мы последние!

В самом деле, в автобус вбегала с извинениями еще одна пара, путаясь в пакетах с завтраками – их в виду особо ранней экскурсии выдавали прямо у стойки регистрации. А парень не стал ни на что отвечать.

– А чё, какие проблемы? – мужичок все-таки не унимался, но парень молчал, и тогда он переключился на свою соседку:

– А меня Костей зовут!

– Татьяна, – кратко ответила девушка, и было непонятно, собирается ли она продолжать знакомство, или просто соблюдает правила вежливости.

– Ну, теперь поехали! – беспокойный мужичок подал команду, и автобус тронулся словно бы в ответ на его слова.

– Уважаемые дамы и господа, фирма приветствует вас... Наша экскурсия будет проходить... Там вас ждет обед... Вечером мы отправимся...

Слова представителя фирмы, выверенные и заученные, отменно вежливые, как-то пронеслись мимо сознания, и только стало ясно, что ехать им еще часа четыре, причем это только в один конец. Кто-то пристраивался поспать, кто-то равнодушно глядел в окно на турецкие пейзажи, а несколько человек даже уткнулось в книгу. Шесть утра – это все-таки очень рано.

Костя вытребовал у своей спутницы сумку, выудил банку пива и пакетик орешков, стал со вкусом завтракать. Предложил соседке, но как-то не очень настойчиво – видно, пива хотелось самому. А парень позади него раскрыл журнал с чем-то хайтековским на обложке и все равно задремал.

– Танюш! – разбудил его через пять минут голос Кости, – чего такая грустная?

– Да ничего, – улыбнулась девушка.

– Ну чего, пообщаемся?

Девушка улыбалась нерешительно, так, кажется, и не решив, как относиться к этому неожиданному кавалеру. А парень сзади зашуршал журналом уже с тихой яростью.

– Костя! – раздался голос Костиной спутницы, и в нем читалось привычное недовольство, словно собаку в очередной раз оттаскивали от дерева с забравшейся на него кошкой.

– А я ничего! – весело отозвался тот, – вот, с Танюшкой знакомлюсь, скажи, Танюшка?

Но от девушки все-таки отстал. Были у них свои неписанные правила, в этой паре.

До первой остановки ехали тихо, додремывая, и только Костя порывался еще что-то обсудить с соседкой, она односложно отвечала, а он и не настаивал. В Анталии в автобус поднялся гид, улыбочивый парень, очень прилично говоривший по-русски, и сразу зажурчал и про Памуккале, и про Иераполь, и про всякие прочие красоты, которые ожидали их на этой экскурсии, вроде магазина трикотажа и винного погреба.

– Ну вот, поспать не дали! – отозвался только задремавший Костя, – а завтрак когда будет?

– Через двадцать минут мы остановимся у кафе, и вы сможете... – привычно затараторил гид.

– Только пива я тебе покупать не буду, – сразу предупредила Костю спутница. Но он, похоже, и не рассчитывал.

В самом деле, через двадцать минут остановились у какого-то придорожного кафе с грабительскими ценами, явно для туристов, и народ, набрав кофе по два евро (да и за два доллара давали, и даже за две лиры), стал рассаживаться за шаткими пластиковыми столиками и откупоривать скудный паёк из отеля.

– Сюда, сюда! – это Костя махал руками, чуть не силком тащил Таню к столику, где уже ждала его безучастная спутница. Черные очки не выдавали никаких эмоций – да не для того ли она их и носила?

– Извините, она с нами.

Это был тот самый парень, который шуршал газетой. Со своей чашкой кофе он увел Таню к другому столику, туда же под села еще одна девушка.

– Ну что, Тань, совсем достал? – спросил парень, хлебнув кофе.

– Да нет, Стас, он забавный, и вроде не пристаёт.

– Ничего себе не пристаёт! – возмутился Стас, – я вообще таких не выношу. Так себя ведет, будто вокруг вообще никого нет, один он на белом свете.

– Да ладно тебе, – вступила в разговор другая девушка, – что переживать? Ну, попался такой, не жить же тебе с ним, просто в одном автобусе едем. Не придавай значения.

– Машка, да мне с таким не то что в автобусе, в сортире...

– Стас, не выспался ты, что ли? – удивилась Таня, – ну ничего же особенного!

И тут к их столу подошла Костина спутница.

– Доброе утро, – сказала она, глядя прямо на Таню, – девушка, не хотите со мной местами поменяться? Я думаю, вам так будет спокойнее, он же вам покоя не даст.

– Да? Ну... – нерешительно отозвалась та; видно, не хотелось терять место у окошка.

– Вы не думайте, я о вас же волнуюсь, я ж его знаю. Мне-то что, а вам беспокойство.

– Ну ладно.

Стас аж просветлел. Надо же, как мало бывает человеку надо!

Допили кофе, посетили туалет, тронулись в дальнейший путь. В автобусе Костя как-то притих, пару раз еще пытался заводить разговор с Таней, да и с девушкой, что сидела перед ним, но та была явно постарше и, похоже, не в его вкусе. Да и спутница его была начеку. Так что оставалось ему только дремать, тем более, и пива больше не было.

Следующая остановка, как водится на таких экскурсиях, была на трикотажной фабрике. Туристов завели внутрь, рассказали им про потрясающие сегодняшние скидки, предложили поменять водку на полотенца (но ни у кого не оказалось, то ли не сообразили, то ли уже всю выпили). Дамы разбрелись по ангару, завешенному халатами и полотенцами, мужики потянулись к выходу. Да и незамужние девушки долго там не задержались.

Первое, что увидел Стас на улице – Костю, который развалился на стуле продавщицы сувениров (она, смущенная, стояла рядом):

– Налетай-покупай, подешевело!

Трое вошли в его поле зрения.

– О, девчонки!

Стаса передернуло.

– Выбирайте, что нравится!

– Спасибо, ничего не нужно, – вежливо отозвался Стас.

– Да не переживай, я плачу! Типа, компенсация. Что в автобусе приставал!

– Да нет, нет, что вы, Костя, – заулыбались девушки, – это ничего!

– Не, я серьезно! Вон открыток возьмите, или бусики, или этот их глаз фиолетовый, –

Костя начал перебирать товар к явному удовольствию продавщицы, не ожидавшей такой мощной рекламной поддержки.

– Ну возьмите, возьмите, вот – тебе ожерелье, тебе открытки...

Подарки пришлось прихватить, а то бы они просто упали на землю.

– Сколько с меня? – это уже продавщице.

Но девушки, элегантно улыбнувшись, вернули подарки на место, так что выходило – нисколько.

– Костя, – слово взял уже Стас, говорил он серьезно, весомо, значительно.

– Стас, не надо, – вступилась Таня.

– Все понял, – среагировал Костя и оставил сувенирный стенд в покое, тем более, что спутница его, груженная махровыми полотенцами, как раз выходила с фабрики.

И все-таки по дороге к автобусу он еще раз подошел к этой кампании. Взял за локоть Стаса, чуть-чуть приотстал от девушек, так, что они могли его услышать, а могли и нет, как сами сочтут нужным.

– Стасюха!

– Чего?

– Да не кипешишь ты, – Костя и сам почувствовал напряжение, – мы это, мы там у себя дофига ишачим, а здесь нафиг отдыхаем, и нам все пофиг.

– Я вижу.

– Так че, твоя та, другая, да? Махой вроде зовут?

– А тебе-то что?

– Ну я ж с понятием! Если Маха твоя, я ни слова. А Танюха ж нет? Так?

– Давай-давай! – спутница всунула в Костины руки махровые полотенца и легким пинком направила его к автобусу. А там быстренько усадила у окошка, сама села преградой между ним и внешним миром, полным загорелых коленок и задорных челок.

К месту назначения прибыли нескоро. Останавливались еще пообедать, кормили невкусно, и напитки опять были дорогие (пиво – пять долларов банка), так что сосали запасенную заранее минералку из пластиковых бутылок. А потом гид в автобусе рассказывал какую-то веселую ерунду про жизнь в Турции, но особенно его никто и не слушал – глазели на горы Тавра, на равнины с небольшими поселками и широкими полями. Чужая и интересная земля.

И вот, наконец, за окнами автобуса показались какие-то внушительные античные развалины, а потом он подрул к «бассейну Клеопатры» – огромной ванне, наполненной теплой водой из минерального источника. Толпа туристов, пропущенная через турникет, радостно переодевалась и ныряла в каменную чашу со следами былой мраморной роскоши на дне, а кто-то уже направлялся в сторону прибрежного кафе – кажется, и Костя со своей спутницей тоже. Вот и отлично, подумал Стас.

Вода оказалась не просто теплой (температуры тела) и минеральной, а еще и с пузырьками, на вкус сладковатой. Прямо купание в лимонаде – мечта детства! Можно было посидеть на камнях, а можно было просто плавать на спине, растворяясь в этой сливочной неге...

– А она его расфрендилась, представляешь?

– Ну да, совместно проведенная ночь – еще не повод для зафренживания!

– Фу, какая ты...

Девушки беспечно щебетали, сидя на камушке, а Стас плавал рядом с ними на спине, с сожалением думая о своих хилых бицепсах и уже намечающемся животике. А потому резко перевернулся спиной вверх, так, чтобы из воды виднелись плечи (вроде, они ничего).

– Это всё ерунда, девчонки.

– Что именно?

– Жеже эти ваши. Серьезный блоггинг происходит в других местах.

– А где? На дайри?

– Да нет, и не там, и не там... Блог – это для себя, не для рейтинга. Ну что там накручивают: тысячник, в первой сотне... Лохов пересчитывают, ламеров. Кому это надо!

– Ну не скажи, – вступилась за любимое детище Маша, – бывает интересно. Вот ты заведи себе жеже, сам тогда увидишь!

– Да времени жалко на...

– Ухххааа! – и громкий-громкий плюх с веером брызг прервали разговор. Костя перелез через ограду и сиганул в бассейн прямо с бортика, что ему входы-лестницы!

– Девчооонки! – обрадовался он, – привееет! А я тоже искупаться решил! Ничо так водичка, да?

– Придется банить, – вздохнул Стас.

– А чё, тут и баня есть? – обрадовался Костя.

– Нет, не в этом смысле, – со сталью в голосе ответил Стас, – видишь, бассейн большой. Давай, мы будем здесь, а ты еще где-нибудь.

– Девчонки, вы чё, обиделись? – удивился Костя, отвечая даже не Стасу, а его спутницам, – ну, извините, мы ж работаем до... в общем, отдыхаем мы тут, ага!

Розовый и сияющий Костя стал поливать свою бритую макушку водичкой.

– Костя, двигай отсюда давай! – Стас уже почти перешел на крик.

– Да лана, чё такой нервный-то? – недоуменно отозвался Костя и отплыл метра на полтора, продолжая шумные водные процедуры.

– Маш, пошли, посмотрим на раскопки, – миролюбиво предложила Таня.

– Девочки, подождите, – Стас завелся не на шутку и уже, кажется, плохо соображал, – это Костю мы попросим...

– А ты-то что раскомандовался?

Стас просто обалдел от такого: отлуп ему давала Таня, которую он и защищал!

– У меня всё нормально, понимаешь: нормально! Я не маленькая, не дам себя в обиду, не волнуйся. И ты мне не нянька. И вообще я хотела развалины посмотреть, а то времени мало осталось. Машка, пойдешь со мной?

Стас не нашелся что ответить, и только молча смотрел, как ленивыми гребками поплыли к выходу девушки, струясь по воде кремовыми телами.

– С норовом девчонка, да? А так ничё, нормальная! – резюмировал Костя.

– Ко-оостя! – с берега уже грозно звала его спутница.

– Ну, а чё я? – радостно отозвался он, – во, мы тут со Стасюхой звездоболим, плыви к нам!

Стас грустно поплыл к выходу, поднялся на берег, переоделся и сам пошел смотреть на чудеса света – белые скалы Памуккале и развалины античного Иераполя. Но перед глазами все равно были не аккуратные белоснежные чаши, полные синей кальциевой воды, и не панорама долины, и не маячившие вдалеке развалины театра, и даже не нахальные зазывалы с открытками и фотоаппаратами – а розовая макушка довольного поросенка Кости. Как земля таких носит! Всю экскурсию опоганил.

На обратном пути их снова ждал магазин – на сей раз винный. Экскурсантов завели в небольшой подвальчик, рассадили на лавках вдоль стен, раздали маленькие стеклянные

рюмочки, мензурки грамм на двадцать. Ну разве это наш размер? Впрочем, халява, она и есть халява, бери, что дают.

Но Костя с этим был не согласен. Не обращая внимания на красавицу девчонку, что вышла на середину и завела обычную песню про дорогих гостей (в смысле, самим гостям этот визит должен обойтись недешево), Костя скрылся в служебном помещении.

– Вот этот давай! – его настойчивый голос перекрыл сладкие рулады винной красавицы, и Стаса снова передернуло.

– Блин, из-за таких... – пробормотал он сквозь зубы, но договаривать не стал.

– Итак, дорогие гости, кто у нас бог вина и веселья?

– Эт я! – Костя лыбился, выглядывая из подсобного помещения, и в руке у него сияла законная добыча – полноценный фужер, грамм на сто, не меньше.

– А чё, не похож? – уточнил он у девчонки.

– Похожи, конечно, садитесь, пожалуйста, – сквозь смех ответила она. И стала под милое щебетание обносить гостей медицинскими порциями местного вина, а Косте – ну что же, Косте наполняли добытый фужер.

– Я его, кажется, убью, – тихо проскрежетал Стас.

– Стасик, ну что ты дергаешься? – отозвалась сидевшая рядом Маша, – он что тебе, брат, кум, сват? Ты его больше никогда в жизни не увидишь.

– Только это и утешает!

– Ну так радуйся жизни! Он – часть пейзажа. Забавная и безвредная.

– Да он же позорит нас, он...

– Да и пофиг. Ты за него не отвечаешь, правда? Считай, бесплатное развлечение на экскурсии. Заодно и в своих глазах поднимешься.

Девчонки захихикали, а с той стороны, где сидел Костя, только донеслось:

– Еще, еще налей! Чё так мало?

Дорога в отель проходила уже в какой-то полудреме. Смотреть ни на что не хотелось, да и темнело уже. Поужинали в еще одном придорожном кафе, таком же невкусном, с такими же дорогими напитками, полубовались на алую полоску неба, загрузились в автобус и спали до самого отеля, пока не пришла пора им выгружаться и на полусогнутых брести в свои номера.

– Ну, пока, – бросили девушки Стасу на пороге своего номера, и трудно было понять, что звучало в этой равнодушной небрежности: усталость или разочарование. На душе было гадко до предела. Как же вышло, что он позволил мелкому хаму все испортить?

Мишки, с которым Стас делил номер на двоих, не было на месте. Наверняка тусуется, может, и в городе. Словом, для снятия стресса оставалось спуститься в бар – до полуночи местные напитки были бесплатны. Правда, напитки эти не особо... Разве что анисовую водку, раки, еще можно как-то пить. Ну, и пиво.

– Стасюха! – услышал он за своей спиной такой знакомый и такой опротивевший голос. И понял, что сейчас, наверное, будет драка. Заранее прикинул свои шансы... не очень хорошие. Противник был и покрепче, и понаглее, да, похоже, и к дракам попривычней. Но, с другой стороны, он уже был пьян в зюзю, и если удастся сбить его с ног, то... Вот только с полицией местной уж точно неохота путаться.

– Стасюха, выпьем! – хлопнул его по плечу Костя, – давай скорее, у них после двенадцати бухло за бабки, а я пустой.

Стас аж поперхнулся дешевой анисовкой.

– Давай, давай, скорее соображай, тебе чего взять?

Это было еще гаже драки – пить теперь с этим...

– Ты! – только и выдохнул Стас ему в лицо.

– Ну, я, – неожиданно кротко согласился тот, – ну, такой. Зато нескучно, скажи, нет?

– Нескучно, – мрачно ответил Стас, – веселее не бывает.

– В общем, я тебе джина возьму, – резюмировал Костя.

И тут же у стойки послышался его настойчивый голос – должен бармен налить ему шесть стаканов сразу, потому что там компания... В общем, бармен сдался. И на столик перед Стасом встали шесть стаканчиков джина, а неунывающая Костина рожа засветилась напротив.

– Джин у них – фигня, но водка еще хуже, – уточнил Костя.

– Согласен, – неожиданно для себя самого ответил Стас. В самом деле, хуже.

– А меня Ленка выгнала, – неожиданно разоткровенничался Костя, и в его голосе не слышно было никакой трагедии, – типа, плохо вел себя. А я чё?

– А ты чё, думаешь, что хорошо? – ехидно ответил Стас.

– Так отдыхаю же! А чё без Махи?

– Спать она легла, – ответил Стас, и это было как-то неожиданно легко, вот так вот отвечать Косте, как будто и не было между ними ничего.

– Ну, ясно... Тоже, значит... А пошли на пляж! – неожиданно предложил Костя, – надоело, блин.

Вокруг и вправду было шумно, народ тусовался и знакомился, только у них двоих со знакомствами в этот день как-то все не складывалось.

Средиземное море тихо вздыхало и блестело под луной, ждали завтрашнего утра белые пластиковые топчаны, сиял вдали огнями отель... А двое пьяных мужиков сидели в обнимку у самой воды и рычали старинную песню советских туристов: «Не нужен нам берррег турррецкий... нафиг, блин, совсем, ни в звезду, ни в красную армию он нам не впендюрился, до гребеней остофигенил... и Афррика нам, Египет-Фигипет, типа в том году были, тоже ну вот ни разу не нужен!» И было им даже что-то вроде счастья.

Дом на той стороне

Станции метро никогда не вызывали у него ассоциаций. Ну станция и станция – что в ней такого? С каждой из них попадаешь в тысячу мест. И на этой он тоже бывал не раз...

Но когда выходишь на улицу, когда вдыхаешь запах дождливого московского лета, и тополиный пух облепляет твои кроссовки и лезет в ноздри – тогда приходят и воспоминания. Да, это здесь был ее дом. Интересно, она еще живет в нем? Вполне могли переехать, а могли и остаться, хотя разница – для него – уже невелика. Это прошлое, прошлое, прошлое.

Настоящее – это нынешнее дождливое лето. Поздно пришла в этом году весна, и теперь никак не приходило лето, всё лили дожди, и только девушки скидывали после дождей туфли и брели по лужам босиком, как на пляже. Они сами были летом, им не нужно было дожидаться погоды. А тебе уже – нет, не солидно, так только брюки промочишь.

Настоящее – это отзыв на запоздалую твою кандидатскую. Внешний отзыв. Виктор Анатольевич, видите ли, слишком большой барин, чтобы самому визировать собственный отзыв в родной конторе. Это диссертант, то есть я сам, должен явиться к нему за бумажкой, отвезти ее в канцелярию, шлепнуть печать... Отзыв внешней организации пишет человек, который в эту организацию только за зарплатой и ходит. Идиотизм. Каково ощущать себя мальчиком на побегушках, когда скоро сороковник. Ну ничего, это же мне нужно, не ему. Перетерплю.

Когда я высматривал дом научного зубра (да не такого уж и зубра, если честно) на карте, он был просто коричневым прямоугольничком, еще одной обязательной точкой на скучном маршруте к степени. И зачем, в конечном счете, эта степень? Для коллекции... Точнее, для иностранцев: с Ph.D. ты будешь весить куда больше. Но не в том, собственно, дело. На карте прямоугольничек, а на местности...

Улица. Та самая улица, по которой я ходил к ее дому. Это было... да нет, не так уж давно. И все-таки в прошлой жизни. Впрочем, домой я заходил не так уж и часто, чаще провожал – у нее муж и ребенок, у меня, соответственно, тоже семья... Банальный адюльтер – нет уж, спасибо. Дружили семьями. Если можно так назвать, когда ее муж и твоя жена не возражают против вашего романа, да никто и не признает его романом, и не называет. Так что семейные встречи нового года и дней рождений – вот и почти все поводы для визитов.

Адрес у зубра оказался другой, даже улица другая. Просто он живет на перекрестке – так и выходит, что два дома стоят практически друг напротив друга, а адреса совсем разные. Надо же... Вот сейчас встретить ее на улице: «привет – привет!» И будет просто встреча старых знакомых, зайдём в какое-нибудь кафе (тогда не заходили, денег-то не было совсем), поговорим: как супруг, как ребенок, где работаешь. Вот, защищаюсь, представляешь себе! Приходи на защиту. Да нет, извини, не смогу – лечу в командировку.

Все устоялось, устаканилось. Были же эти шальные девяностые, когда мы как-то пытались найти свое место в жизни... Я составлял проекты, подавал на гранты, их иногда даже давали. Помню, один раз отвалили пять тысяч! бумажками! зелеными! Сразу, без канители, просто под расписку. Мы тогда просто одурели от счастья... Мы не понимали, что это совсем не так много на целый год, и тратиться на расходные, и машинистки бесплатно работать не будут, и компьютера своего даже нет. А если выйдет, то результаты этот добрый европейский дяденька ненавязчиво так вставит в собственную тему и получит раз в сто больше. Это потом я уже стал умнее...

А она была рядом. Просто рядом. Казалось такой удачей, что у нас совместная работа над проектом, где я – генератор идей, она исполнитель, проводит полевые исследования. Не хватает денег на экспедицию, значит, будем работать на местном материале, с

магнитофоном ловить людей на московских улицах. Просто очень нужно, чтобы был рядом со мной кто-то, кто понимает с полуслова, кто подхватит, не бросит. Одному не вытянуть...

Вытянул. Общей теории синтаксиса, которой грезил на первом курсе, конечно же нет, но кандидатская есть, и вот, кстати, дом этого зубра... Надо же. Возможно, из окон его квартиры видны ее окна. А даже если и так – что с того?

Постоять, подождать, может быть, она пройдет сейчас... Она, или даже муж? Леня работал на заводе, классический случай «рабочего интеллигента» – человек хотел оставить свободной голову, и потому предпочел работать руками. А голова была занята... да чем угодно. На самом пике их романа – эзотерикой. Удобное мирозерцание для смутного времени, ничего не скажешь. В самом деле, что такое все наши инфляции-приватизации, или даже роман жены с коллегой по научной работе на фоне этих астралов, реинкарнаций, надмирных сфер? Так, минутная рябь на воде. Вот он и жил своим астралом.

А ей, ей-то хотелось живого, теплого, и не только в постели, конечно. Межзвездные пространства слишком выстудили их дом. Наверное, потому и она потянулась ко мне навстречу. Впрочем, теперь это уже неважно. Сейчас был бы рад встретить и мужа.

Но нельзя опаздывать. Просто нельзя. Поэтому уверенным шагом – к обозначенной на карте цели. Всегда бы так в жизни удавалось!

«Виктор Анатольевич, это Михаил, за отзывом...» Домофон открыл доступ в чрево старого академического дома – эх, зубры, зубры, не стыдно ли вам жаловаться на недофинансирование, с такими-то домами? Загаженный лифт, железная решетка на лестнице, и само светило в тапочках и чем-то мягком, халатообразном, почти неприличном: «проходите, проходите». Да и то недалеко – в прихожей принимает, между допотопным трюмо и безобразными книжными полками, куда сослано то, что уже никому читать не суждено до его смерти, а после нее – тем более. Ну ладно, я же по делу.

Как уютно было приходить к ней, даже просто встречаться в университете или в нашей столовке-тошиловке, которая еще как-то давала возможность прокормиться за копейки. Был у нее дар, который не у всякой женщины есть – у моей жены, например, его нет. Вокруг нее сразу возникало пространство уюта. Это же не связано, никак не связано с умением готовить или обустраивать дом. Это – жесты, интонации, слова... При ней можно было быть слабым или сильным, каким ты чувствовал себя, и знать, что твоя слабость не утонет в ее слабости, твоя сила не столкнется с ее силой.

Отзыв, ах да, отзыв, он уже его приготовил. Беглый взгляд... так, он дальше десятой страницы не читал, конечно. И вряд ли что-то понял. И конечно, теперь ему надо высказать все то же самое словами, только еще жестче, без этих экивоков. Ну-ну, есть на то право. Послушаем. Постоим в коридоре. Хоть бы в кабинет пригласил – там видите ли, не прибрано... Как прислугу рассчитывает, честное слово.

А как она умела слушать! Ей можно было сказать всё, буквально всё, и знать – ничто не пропадет, ничто не будет понято неверно. Сколько раз я ругался с Лизой, с милой моей Лизой, и всё из-за каких-то пустяков. И боялся сам себе признаться в том, что нет уже не только былой влюбленности, но и любви-то, может, никакой уже нет, и есть только вот эта усталая женщина, с которой у тебя общая квартира, постель и вроде как судьба. Главное – ребенок. И бросить ее решительно невозможно, потому что не вытянет она одна Вадьку, он и достался нам непросто, и рос слабым, и слава Богу, что не сбылись те страшные прогнозы, которыми нас пугали еще в роддоме: оставляйте, родите себе другого, здорового.

Лиза ни минуты не колебалась. Я даже сомневался, хотя ей не говорил, а внутри скреблось: сможем ли растить всю жизнь такого, надо ли... А Лиза материнским нутром приняла: родила – себе, а не чужим. И выходила. И рос практически без отставания, наравне со сверстниками, только кто видел со стороны, чего это стоило ей. Да и мне, в общем-то, тоже...

Он, кажется, что-то спрашивает. Ах да, про библиографию. Почему не упомянут академик Степанян. Ну да. Про себя он спросить стесняется, понятное дело, хотя из всех щелей прёт: я тут авторитет, как ты смел меня не упомянуть, щенок?

– Да, Виктор Анатольевич, библиография весьма неполна, я включил только то, что имело прямое отношение к теме, понимаете...

– Миша, Миша, ну сколько можно на задних лапках перед заграницей! У нас же своя школа, в конце концов, вы посмотрите, кого вы цитируете! Что мы вечно у них в ученичках ходим!

– Я обязательно учту вашу критику в своей следующей работе.

Да, кажется, яду я в последнюю фразу переложил. Ну ничего, не рассохнется. Ученички! на задних лапках! Ну что за чванство.

На библиографию посмотреть! Да ты сам посмотри, что пишут эти, которых ты мне навязываешь – бывшие специалисты по составлению словаря В.И.Ленина, разогнанные волной демократизации, не иначе. Читать невозможно. Что же я, виноват, что по этой теме наших работ – раз-два и обчелся? Ну не хочу я тебя цитировать, не Маркс с Энгельсом, в конце концов.

Если кто и ходил перед кем на задних лапках, так это Лиза передо мной. Чувствовала, боялась потерять? Или просто характер такой? Только лучше бы не ходила, лучше бы отшила пару раз, огорошила, может быть, я бы образумился пораньше, всем бы легче было...

Ну все, все, отвезу я отзыв к тебе в контору, не надо мне лишний раз напоминать. Обязательно отвезу, мне самому же надо.

– На защиту придете, Виктор Анатольевич?

– Посмотрим, посмотрим, Миша, времени очень мало, в деревню вот уезжаю...

Значит, не придет. И правильно. В деревне тебе только и работать, в колхозе. Пахать на тебе, светило.

– Всего доброго!

– Белых шаров, Миша!

– Большое спасибо!

– До свидания!

– До свидания!

Раскланялись наконец-то. Заурчал со скрипом лифт, дернулся, и не с первого нажатия кнопки поехал вниз.

У нас дома не было лифта. Когда мы ссорились с Лизой, я выходил покурить, и курил полчаса, иной раз час – рядом с домом, в лесопарке, на пустых вечерних дорожках. Знал, что Лиза волнуется – и то ли наказывал ее, то ли просто успокаивался. Ей говорил, что успокаивался, она считала, что наказывал, а на самом деле... На самом деле – наслаждался свободой. Полчаса, а мои. Курю, иду, как в одной дурацкой песне поется. Все равно иначе эти скандалы было не прекратить.

До сих помню один такой перекур. Стоял ноябрь, город готовился к зиме, и ледяной ветер пробирал до костей, а мне только того и надо было – выстудить, выморозить свои нервы. Было уже очень поздно, прохожие почти не попадались, и я шел, взметая ногами заиндевелую листву.

И тут меня словно стукнуло. Я вдруг понял, что не люблю Лизу, а люблю Маришку. Это было просто как молния, как самое простое объяснение: я люблю другую женщину. Вот и всё, и больше не надо ничего придумывать и ни о чем таком говорить. Только я понимал, что не смогу этого сказать ни одной, ни другой, ни даже самому себе – вслух. Всё навсегда останется таким, как есть, думал я, потому что от Лизы я не уйду. Я кто угодно, не предатель. И Маришка не бросит своего астрального Леню – хотя бы просто из-за ребенка, если не из-за чего другого.

И я тогда рассмеялся, так всё было просто. И даже не так уж и плохо, если задуматься. Ведь любовь – не обязательно общая постель и общая корзина с картошкой. Это может быть и общее дело. У меня есть жена и есть любовь – я очень богат, сказал я себе. Ничего, что они не совпадают. Многим ведь и такого не досталось.

Смешно, я ведь и вправду тогда так думал.

Какой все-таки мрачный и сырой подъезд... На улицу, скорее на улицу, где дыхание свежего ветра. Где я могу встретить ее. Или хотя бы Леню. Где я могу увидеть свое прошлое.

Маришка, она ведь всё выслушивала. И это было очень много. Я мог ей рассказать, как на подходе к собственному дому мне вдруг становилось просто неприятно туда идти – и я даже не понимал, почему. Вроде всё как обычно, а просто дом – не мой. Вроде и Лизу рад был видеть, и тем более Вадьку, но переступить через порог буквально не мог. А Маришка вот понимала. Понимала и даже говорила, как и у нее – то же самое. И я выслушивал про ее астрального мужа, который и сексом-то занимался по какому-то тантрическому распорядку, ведомому ему одному, а живая и настоящая жена стыла в пустой постели.

Мы просто понимали друг друга, и нам обоим было плохо дома. Вот и бродили часами по Москве, придумывая себе то поход на книжную ярмарку за новой литературой, то какую-то суперлекцию заезжей знаменитости. Нам просто было хорошо вдвоем. Разве кому-то от этого было плохо? Мы же не изменяли супругам, мы с самого начала понимали, что постели не будет и не может быть.

Вот сейчас – перейти улицу и войти в ее подъезд. Кода не помню, но можно ведь просто подождать, пока кто-то войдет или выйдет. А потом заурчит такой же старенький лифт, поднимет на четвертый этаж, где такое смешное пятно на потолке, похожее на Антарктиду, и – ее дверь. Их дверь, если быть точнее.

Нет, сначала, наверное, надо все же позвонить. Как это так – не виделись столько лет и вдруг: здарсьте, пустите на чаек? Но телефон... отвратительная у меня память на цифры. А если дома только Леня? Или вообще никого нет? А если они, наконец, переехали? Как босиком по лужам пробежаться – и хочется, да глупо как-то выйдет, только людей насмешишь и сам себя будешь грызть еще пуще.

Перешел дорогу и стал у ее подъезда. Так, впрочем, еще хуже – если придет, то получится, я ее у подъезда караулю. Я же здесь случайно, случайно... я не собирался шаманить, вызывать из небытия прошлое. Я же за другим пришел.

А мимо шло живое настоящее. Две девчонки-подростка на роликах: одна тряхнула челкой, что-то сказала подруге, обе прыснули и проехали мимо. Почему у меня всегда возникает в таких случаях подозрение, что смеются надо мной? Нет, конечно же, над чем-то своим, не над этим же растерянным и невыразительным дядькой у чужого подъезда. И стоял, смотрел зачем-то в их упругие спины в цветастых майках, с маленькими рюкзачками, и у правой торчала во внешнем кармашке початая бутылка колы.

Интересно, почему на роликах по городу катаются в основном девчонки? Или парни просто занимаются этим в каких-то особых местах, на роликодромах, или как у них там это называется? Да, наверное, отрабатывают свои пируэты и подскоки, чтобы потом пофорсить.

А у нас вот не было этого в отношениях, форса совсем не было. Встретились два немного уставших от жизни человека, которым так нужно было остановиться, продохнуть, и не стыдно нам было казаться недотепами.

Впрочем, в самом деле, глупо стоять у подъезда... прогуляться вдоль? И даже перейти на ту сторону, чтобы этот зубр не подумал, что я под его окнами вышагиваю – я ведь так и не видел его окон, дальше прихожей не пустили, но судя по всему, как минимум одна комната выходит сюда. Да, на другую сторону, вот так.

Остановилась машина, серебристая иномарка-капелька, никогда не разбирался в названиях и марках, но судя по всему – дорогая, комфортная. Вынырнула из нее элегантная

пара под тридцать, как из рекламного ролика – люди, у которых всё складывается и раскладывается, смотря по обстоятельствам. Светлый летний пиджак, бирюзовое платье с неглубоким вырезом, изящный взмах руки с брелоком, иномарка послушно мигнула огоньками и осталась ждать, а хозяева нырнули в дверь какого-то магазинчика – снасти для рыбалки, надо же. Собираются в отпуск, не иначе. Может, у него эта рыбалка – как у Лени астрал? И будет сидеть бирюзовая дама на берегу, и познакомится с каким-нибудь чудачком вроде меня... А такой ведь и прибьет, не поморщась. Лене нужно тоже быть благодарным, за его-то терпение.

А с Маришкой у нас было общее дело, тот самый проект. Деньги кончились довольно быстро, проели, в конце концов, но строгой отчетности по грантам тогда и в заводе не было. Что написали, то и хорошо, в конце концов, по их германским меркам потрачены были копейки, а результаты в любом случае были бесполезными. И я надеялся, что мы напишем эту книгу вместе, а потом защитим с ней по диссеру, и устроимся работать куда-нибудь в Геттинген или Штутгарт, в университет или научный центр, и вытащим своих супругов, и всё у нас будет как в сказке – за тридевять земель, за тридесять морей.

На самом деле более ценным было другое. Мы называли это словом «выгуливать». Мы вместе уходили, например, с заседания кафедры, и я кипел, по-детски возмущался: ну как же так можно, ну неужели они не видят, что всё разваливают своими руками, кого они набирают в аспирантуру, кого выбирают в ученый совет! И мы гуляли час или полтора по Воробьевым, шли в Нескучный, она выслушивала меня, и соглашалась, и мы вместе высмеивали самоуверенную тупость заведующего, крысиную возню наших милых кафедральных дам. Иной раз можно было бы сойти с ума, если бы не эта пара глаз, которая видела вещи точно так же, как и я.

Вот идут пор другой стороне улицы и квохчут две дамы того самого возраста, предпенсионного... куда делась та девончья жизнерадостность, то веселье, что катило на роликах? Они ведь тоже были девчонками, эти дамы. Почему им теперь надо постоянно кого-то грызть, даже не за должность, а так, ради удовольствия? На нашей кафедре грызли Маришу, может быть, во многом из-за меня. Бабский коллектив не простит женщине, если на нее *так* смотрит мужчина. И уже мне надо было выгуливать Маришу, и объяснять ей, какие это всё глупости, впрочем, она и сама всё знала, я мог бы и помолчать. Она же была прирожденным психотерапевтом.

Именно так. Я бы просто не смог без нее. Да что там – я и в самом деле не мог без нее, как без наркотика, и это совсем не походило на подростковую влюбленность. Мне надо было знать, что она будет рядом всегда, когда будет нужно. Может быть, я пережал немного с этим? Ей, наверное, просто надоело приходить на помощь... В общем, этого я от нее и ждал на самом деле, не проекта, нет.

А с проектом, конечно, ничего не вышло. И даже нельзя сказать, что виновата была Марина. Я тоже, в конце концов, переоценил себя, и задачи оказались куда более масштабными, чем думалось сначала. Рабочая гипотеза затрещала под грузом исключений и необъяснимых фактов, и надо было вводить новые и новые параметры. Это было даже красиво и интересно, теория вырисовывалась еще более и глубокая и живая, но всё это требовало материала – систематизированного и классифицированного. Без него все наши выкладки становились просто голословными утверждениями, как в недавней монографии того зубра. В Геттинген с таким не берут.

Наверное, она просто сломалась под этим грузом черной работы. Может быть, ей не хотелось быть второй – но, с другой стороны, она же сама не претендовала ни на что иное... В конце концов, есть лидеры и есть ведомые, это естественно, тут нет ничего обидного. Вот как этот работяга в замызганной ветровке, что идет навстречу, счастливый, с бутылочкой недорогого пивка, не станет никогда ни бизнесменом, ни даже начальником цеха, и это его собственный выбор.

В общем, она просто пропала. Не пришла на кафедру в оговоренное время, но ответила по телефону, что придет завтра, не пришла другой раз, а потом и по телефону ее застать уже было невозможно. Леня трубку не брал никогда, принципиально, а Марина то ли уехала куда-то, то ли просто не хотела никого видеть и слышать. Через две недели я уже и сам перестал ей звонить. Она потом перезвонила как-то раз и другой, поздравила с днем рождения, говорила вроде бы тепло, но ни словом не обмолвилась о прежнем. Словно ничего и не было. Так и обошлось – вроде не ссорились, а просто разбежались.

Спасибо, что Лиза тогда меня по-настоящему поддержала. Она выслушивала мои гневные отповеди, которые выдал бы я нерадивой сотруднице, если бы она подошла к телефону – а выдавал в пустоту, платяному шкафу или Лизе. А то я и просто сорвался на Лизу без особых причин, потому что было мне хреново, а она поняла и простила, без скандала. Тут уже она меня, по сути, выгуливала, хотя совершенно этого не умела.

Негустой поток людей обтекал, как струя летнего дождя, не оставляя следов в памяти и ничего не меняя в этом мире. Как знать, может быть вот здесь, вот сейчас рядом проходят родные друг другу люди, которым недостает только одного – познакомиться? Как мы с Маринкой. Или на самом деле мы были чужими – и остались ими? Просто сцепились в какой-то момент зубья шестеренки, а человек не на станке выточен, у него все зубчики разные, и число их шестизначное. Вот, иногда совпадают два зубчика, как у нас с Маришей. Провернулись колесики – и всё, вращаются себе дальше, зацепляют других и по другим поводам. И к той комбинации, одной из миллиона, уже не вернуться никогда.

Даже если я увижу ее сейчас, что я ей скажу? Не высказывать же старые обиды, да и хорошего у нас было больше, как ни крути. Сказать, что когда-то я не мог без нее жить, а теперь могу, и вроде бы неплохо получается? Что я написал-таки свой диссер, и она может прийти на защиту, выпивать с зубром – ах да, зубр-то как раз не придет... Не придет и она. К чему? Работает, наверное, в каком-нибудь офисе, бумажки перекладывает за свою «полторашку», объем продаж отслеживает.

Нет. Ничего не будет. «Как Леня, как дочка». Да понятно как, в целом неплохо. Ну, и Лиза с Вадькой тоже. Вот, в Евпаторию собираемся, Вадьке путевку достали от универа, ему же надо, и такое еще бывает, хотя редко. Ну, заходите как-нибудь. Чужие люди. Совсем чужие. И лучше даже не знать, что и как сейчас, потому что если беда – уже не помогу, а если мне будет нужна ее помощь – уже не доверюсь. А светских бесед за чаем мне и так хватает в жизни. Нет.

Он уже нырял в метро, бегом спасаясь от очередного наплыва летнего дождя (опять не догадался зонтик захватить), как вдруг из киоска с дисками резануло чем-то до боли родным, бардовским. Барды нынче в моде, и песня была забыто-знакомой – нескольких слов было довольно, чтобы она развернулась там, внутри, в огненный цветок.

Как же там пелось? «Друзья уходят как-то невзначай...» – а дальше? Не помню. Потом: «и мы смеемся с новыми друзьями, а старых вспоминаем по ночам». И еще там точно так было: «и на прощанье стискиваем руки, и руки обещают нам: приду». Не приду, и не придет. Некуда приходить, и незачем. И даже просто некому.

Зато есть отзыв, идиотский, но формально положительный, и оба оппонента только за, и ученый совет наверняка не будет кидать подлянки, и значит, что-то в жизни получилось. А старых вспоминаем по ночам. И пусть. И ладно.

Это было, и спасибо жизни, ей, себе самому, что оно – действительно было, а значит, осталось навсегда.

Любовь накануне референдума

Велик и страшен... А впрочем, нет. Крут и приколен был для Сереги Демина год от Рождества Христова 1991, а от начала перестройки – это смотря как считать. Ходил он на демонстрации, возмущался подавлением свободы слова в Вильнюсе, требовал отмены шестой статьи конституции и всего такого прочего. И славно пригревало уже почти весеннее солнышко, разбрызгивая нестерпимый свой блеск по сугробам на обочинах – ну ничего, вот еще чуть-чуть, и потекут они, и наполнится душный московский воздух щебетом птиц и ароматом цветов.

А теперь, когда надвигался референдум о сохранении СССР, Сереге и вовсе на месте не сиделось. Тут ведь каждый голос был важен. Родственников уже не переубедить, они при Советской власти выросли, а вот друзья-приятели, однокурсники – другое дело. Настроения в целом вполне демократические, только вот гражданской сознательности маловато – могут и вовсе на избирательный участок не пойти, воскресенье ведь, выпасться хочется.

Да и учебы никто пока не отменял. И программы – хоть там перестройка, хоть демократизация, хоть что – программы оставались прежними, да и преподаватели тоже. Первой парой назавтра была, например, история КПСС. Коллоквиум по Февральской и Октябрьской. И преподаватель был такой заматерелый сталинист, на сатира похожий, хоть и хромой (фронтное ранение), и старый, а девчонок взглядом так и обшаривал. Только спуску в партийных резолюциях никому не давал, даже своим любимицам вроде Машки-толстушки.

Так что лежал себе Серега в постели и читал перед сном «Краткий курс истории ВКП(б)» 38-го года издания. Не то, чтобы у него не было под рукой ничего поновее – классический серый кирпич «Истории КПСС» лежал себе на подоконнике, но... был какой-то особый шик, особый прикол в том, чтобы учить «капээсню» по первоисточникам. Даже не по переизданиям 40-х или 50-х, а именно по первому, тому самому, легендарному... Да не так уж много и изменилось в «кирпиче», если честно. Потолстел он, расплылся в округлых и длинных оборотах речи, исчезла сталинская шершавость языка, суконность формулировок, безвкусность тавтологий, за которыми так и видишь, как рука с трубкой нарезает воздух: во-первых... во-вторых... За ней весь мир и так следит, не дыша – так к чему ей заботиться о стиле?

Читаешь – как наждачкой натираешь стекло, и противно, да не забудешь, не отключишься. Нет, далеко округло-унылому бормотанию «кирпича» до этой суконности Виссарионича.

«Революционное возмущение петроградских рабочих и солдат переливало через край. 3 (16) июля в Петрограде, в Выборгском районе, стихийно начались демонстрации. Они продолжались весь день. Отдельные демонстрации разрослись в общую грандиозную вооруженную демонстрацию под лозунгом перехода власти к Советам... Несмотря на мирный характер демонстрации, против демонстрантов были выдвинуты реакционные части – юнкерские и офицерские отряды. Улицы Петрограда обильно были политы кровью рабочих и солдат. Для разгрома рабочих были вызваны с фронта наиболее темные, контрреволюционные воинские части.

Меньшевики и эсеры в союзе с буржуазией и белогвардейскими генералами, подавив рабочую и солдатскую демонстрацию, обрушились на большевистскую партию. Помещение редакции “Правды” было разгромлено. “Правда”, “Солдатская правда” и ряд других большевистских газет были закрыты... 7 июля был издан приказ об аресте Ленина... Кончился мирный период революции, ибо в порядок дня был поставлен штык.

А какая самоуверенность в оценках! Заранее задано, кто хорош, кто плох, и не нужно ничего доказывать. Мы вас свергнуть хотим, а вы защищаться осмеливаетесь, части с фронта вызываете. Да еще не нами распропагандированные, а темные, вишь ты. Вы нам

газету закрыли, а вот мы вас штыком, и все одно вы виноваты будете. Смешно даже представить себе, чтобы в «боевом восемнадцатом» кто-нибудь там жаловался на закрытие газеты... К стенке не поставили как классово чуждого – дыши да радуйся.

Эх, да какой там штык? Ну, редакцию разогнали, ну приказ об аресте издали. Да так и не арестовали. Поделом, поделом тебе, Керенский... Большевики-то времени не теряли!

Лежит Серега на постели, книжка в руках, лампочка на стене с детства привычная, и светятся там, за стеклом, московские окна. Там пьют чай или водку, ругаются или любят, а тут лежит паренек и пережевывает, переживает то, что случилось с его страной более полувека назад, как будто решается все здесь и сейчас, и от него все зависит.

«Ввиду изменившейся обстановки большевистская партия решила изменить свою тактику. Она перешла в подполье, укрыла своего вождя Ленина в глубоком подпольи и стала готовиться к восстанию, чтобы свергнуть власть буржуазии силой оружия и установить Советскую власть». Просто и конкретно, без сантиментов. Вот они и победили. Упустили, упустили тогда демократы свой шанс! Сейчас бы не упустить.

Да впрочем, тогда ли насовсем упустили? Был же еще, кажется, момент... Всего лишь момент, но был.

«... Контрреволюционный генерал Корнилов прямо требовал “упразднить Комитеты и Советы”. Заговор Корнилова подготовлялся открыто. Чтобы отвлечь от него внимание, заговорщики пустили слух, что большевики в Петрограде готовят восстание ко дню полугодовщины революции – 27 августа. Временное правительство во главе с Керенским обрушилось на большевиков, усилило террор против пролетарской партии. Вместе с тем генерал Корнилов собирал войска для того, чтобы двинуть их на Петроград, ликвидировать Советы и создать правительство военной диктатуры».

Вот! Вот оно! Да разве восстание было слухом? Сами же пишут, что уже в июле его готовили!

«...генерал Корнилов собирал войска для того, чтобы двинуть их на Петроград, ликвидировать советы и создать правительство военной диктатуры. О своем контрреволюционном выступлении Корнилов предварительно сговаривался с Керенским. Но в самый момент корниловского выступления Керенский круто изменил фронт, отмежевался от своего союзника. Керенский опасался, что народные массы, поднявшись против корниловщины и разгромив ее, заодно сметут и буржуазное правительство Керенского, если оно не отмежуеться теперь же от корниловщины».

25 августа Корнилов двинул на Петроград 3-й конный корпус под командованием генерала Крымова, объявив, что он намерен “спасти родину”. В ответ на корниловское восстание ЦК большевистской партии призвал рабочих и солдат к активному вооруженному отпору контрреволюции. Рабочие быстро начали вооружаться и готовиться к отпору. Красногвардейские отряды в эти дни выросли в несколько раз. Профсоюзы мобилизовали своих членов».

Да, члены профсоюзов против шашек «дикой дивизии». Бред, какой все это бред! И как же люди не видят идиотизма всего этого пустозвонства. Вот хоть та же Иришка...

Ведь яснее ясного было, что смотрит Серега в книгу, а видит – нет, не фигу, конечно, а русую косу девчонки из группы, с которой... с которой, в общем, он сегодня разругался вусмерть. Причем как раз насчет политики партии.

Был такой ясный, уже совсем весенний день, и небо синело, и снег сверкал, а они шли после занятий из своего корпуса к столовой, и он, казалось бы, так убедительно и доходчиво объяснял ей, как надо правильно голосовать на референдуме...

– Как же ты можешь, Сережа! – внезапно остановилась она, и продолжила, словно и не слышала ничего, – это же наша страна!

– Не наша, а коммунистическая! – поправил он ее, – а наша будет новая Россия, освобожденная от большевиков, в союзе с другими свободными народами!

– Какой же ты дурак! – уже почти кричала она, – люди на смерть шли, люди верили в это всю свою жизнь, все отдавали, а ты вот так вот взял – и развалил?

– Да, развалил, если это тюремный барак, так его надо развалить, только потом на его месте можно построить что-то другое...

– Барак, ну какой барак? Ну ты посмотри вокруг, вот это все, университет, дома, троллейбусы, жизнь вообще – это же все наше, советское, родное, с детства, а ты чем хочешь это заменить? Да ну тебя!

Она повернулась, и пошла по аллее, и надо было бы ее догнать... только что тут говорить? Не понимает человек. Никак не понимает. И откуда она только набралась этого пустозвонства? Неужели отсюда? И снова Серега в мрачной сосредоточенности утыкался в жухлые, вялые страницы, словно одолей он их – и вернет девчонку.

«Насмерть перепуганные эсеро-меньшевистские лидеры, в том числе Керенский, искали в эти дни защиты у большевиков, ибо они убедились, что единственная реальная сила в столице, способная разбить Корнилова, – это большевики...»

В результате всех этих мер корниловщина была разгромлена... Разгром корниловщины показал, далее, что большевистская партия выросла в решающую силу революции, способную разбить любые происки контрреволюции. Наша партия не была еще правящей партией, но она действовала в дни корниловщины, как настоящая правящая сила, ибо ее указания выполнялись рабочими и солдатами без колебаний.

Борьба с корниловщиной оживила захиревшие было Советы рабочих и солдатских депутатов, освободила их из плена соглашательской политики, вывела их на широкую дорогу революционной борьбы и повернула их в сторону большевистской партии. Влияние большевиков в Советах выросло, как никогда».

Вот теперь уже действительно все, без возврата. Как у них с Иришкой. Если бы Керенский со своими министрами, да и вообще все они, тогда сами понимали, что их ждет! Если бы те же Корнилов и Керенский нашли способ договориться, отстоять – да не свою власть, Россию. Если бы можно было отмотать пленку назад! Чтобы проснуться завтра – и никакого тебе краткого курса ВКП(б), а какая-то совсем другая история совсем другой страны... И Иришка бы тогда...

Засыпает Серега, уронив томик на одеяло, и только краем глаза успевает заметить, как падает в окне звезда – и с чего бы это звездам падать в марте?

Будильник зазвонил вовремя. Только вот встать по нему опять не удалось, и снова мама тормозила его, когда уж совсем опаздывал. А дальше оно и завертелось, как всегда. Отец уже ушел в свое конструкторское бюро, ему на другой конец Москвы добираться, а маме попозже выходить, вот она и поджарила яичницу. Кстати, чего это она так расщедрилась? Ах, ну да, позавчера же в гастрономе за два квартала яйца выбросили, и как раз ей удалось взять соседского ребятенка, и еще Серегина карточка покупателя была с собой, так что три десятка дали. А вот зубная паста, оказалось, уже кончилась, а есть ли она теперь в продаже – кто ж ее знает... Вроде, ни есть ее нельзя, ни пить, так что должна продаваться.

В общем, все как обычно. Собрал сумку, чмокнул маму, выскочил во двор. Прошел, почти пробежал, мимо памятника Тельману, что стоял у самого входа в метро, окинул его привычным взглядом... Надо же, никогда не замечал, чтобы у Тельмана были такие забавные усики, как у Чаплина. Руку свою вознесенную он тоже вроде не совсем так держал – не прямой, а согнутой. А может, просто показалось. Все одно, останавливаться и разглядывать было уж совсем не вовремя.

Так что Серега заскочил в метро, плюхнулся на неожиданно свободное место... Сосед развернул «Огонек» с широкой надписью на обложке, на фоне российского

триколора: «Референдум тревоги нашей». Ну да, Коротич дает прикурить партократам, все понятно.

В другое время непременно постарался бы почитать журнал через плечо, он этого номера еще не видел, но сейчас решил не тратить времени. Лучше было полистать еще старый учебник. Коммунистов надо бить их же оружием. Нечего им лозунги демократические кидать, за такое еще и пару поставят, как нечего делать. Надо цитатами из классиков. Правда, про то, как Маркс в личном письме просит Энгельса прислать столько-то там мозельского, потому что бочку рейнского уже всю выпили, Серега так и не рискнул процитировать, но вот из «Государства и революции» как-то привел на семинаре кусочек. Дескать, что касается разрешения сложнейшего вопроса о нравственном устройстве общества, то, как учил Владимир Ильич Ленин, вооруженные рабочие – люди серьезные и никому не позволят обращаться с собой безнравственно. И точка. Вся группа тогда аж дыхание затаила, только Иришка фыркнула.

Ну вот сейчас и почитаем, чтобы во всеоружии... Полусонный Серега достал потрепанную временем книжку, раскрыл, где раскрылось, уткнулся в знакомый, вроде бы, текст:

«Революционное напряжение в столице переливало через край. 3 (16) июля в Петрограде, в Выборгском районе, начались инспирированные большевиками вооруженные демонстрации под лозунгом перехода власти к советам. Большевицкая верхушка надеялась, что народное возмущение соглашательской политикой правительства Керенского, а также меньшевиков и эсеров, на своем гребне вынесет их наверх, к власти. В случае провала демонстраций большевики готовились заявить о стихийности этих выступлений, несмотря на то, что сами они со всей очевидностью готовили вооруженное восстание».

Знакомый текст – тот же самый шрифт, тот же стиль... Но слова! Слова были какие-то не такие. Странно.

«Против мятежников были выдвинуты верные правительству части. Не обошлось без немногочисленных жертв, но в результате порядок был восстановлен. Подавив мятеж, правительство Керенского, наконец, осознало всю губительную опасность большевизма, и обрушилось в союзе с патриотически настроенными силами на саму большевицкую партию. Были, наконец, арестованы ее лидеры – Ульянов, Блюмкин, Джугашвили и другие; при обысках были обнаружены неопровержимые свидетельства их принадлежности к агентуре германского генерального штаба. Специальной следственной комиссией было установлено, что...»

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – Театральная. Переход на станции Охотный Ряд и Площадь Единения.

Так, здесь переходить, – Серега встал и начал протискиваться к выходу. Названия станций... Да, что-то не то было и в названиях станций. И уже перед самыми дверьми глаз скользнул по привычному многоцветью схемы метро, выцепив только заголовок: «Схема линий Московского метрополитена имени Корнилова...» Переименовать-то когда успели? И дальше, по красной ветке, где ему как раз ехать: «Охотный ряд – Библиотека им. Корнилова – Тихомировская – Парк Культуры – Врангелевская – Спортивная – Воробьевы горы – Университет...»

Вот это да! Не зря, что ли, падала звездочка?

А толпа, толпа была все та же самая, утренняя московская, хмурая, озабоченная, потрепанная. И так же играли музыканты в длинном переходе, и так же назойливо наставляла неразумных пассажиров дежурная по эскалатору, что проходить нужно слева, стоять справа, не задерживаться...

Скорее, скорее бы в вагон, а там можно будет почитать дальше. Интересное повествование получается.

На красной линии уже сесть не удалось, да и стоя трудно было приткнуться с книжкой. Раскрыл ее, чуть не тыкая в чужую спину, и руки от волнения не могли справиться с пожелтевшей от времени бумагой, так что пару страниц невольно пропустил, про комиссию. Впрочем, неважно. Выводы примерно ясны. Так что, что дальше-то?

«...ко дню полугодовщины революции – 27 августа. Именно в этот день должен был начать свою работу трибунал над лидерами большевицкого мятежа. Вместе с тем генерал Корнилов собирал войска для того, чтобы двинуть их на Петроград, ликвидировать советы и создать, совместно с Керенским, правительство национального спасения. Соглашатель Керенский, предвидя в генерале историческую личность, которая затмит его вместе со всем окружением, долго колебался, однако в последний момент, уstraшенный перспективой нового большевицкого восстания, принял предложенные ему условия.

25 августа Корнилов двинул на Петроград 3-й конный корпус под командованием генерала Крымова, объявив, что он намерен спасти Родину. В ответ на военное выступление большевицкие провокаторы и недобитки попытались сформировать отряды “красной гвардии”, однако, лишенные как центрального руководства, так и поддержки народных масс, не смогли ничего противопоставить железной дисциплине и твердой воле воинов Отечества».

Вот оно! Этот сценарий вчера и представлялся ему так ясно, когда...

А может быть, просто кто-то подшутил? Серега взглянул на обложку: тот же самый 1938 год издания, Москва... нет, непохоже, чтобы шутка. Книга явно старая, такую на раз не изобразишь. Вот только название несколько иное... «Краткий курс истории ВПД(к)».

– Простите... – он обратился к соседу справа, хмурому мужчине, – вам знакома эта книга.

Тот присмотрелся к обложке, с удивлением и недоверием взглянул на Серегу, хмуро бросил ему в ответ:

– Ну, слышал.

– А что такое ВПД(к)?

– Слушай, ты чего привязался, а? – неожиданно агрессивно ответил мужик.

– Да нет, я уточнить хотел...

– А то ты сам не знаешь, а? За такие разговорчики знаешь, что бывает?

– Да ничего уже не бывает, – вступилась миловидная женщина слева, – может, товарищ иностранец, интересуется вот. Или, может, амнезия у него, такие случаи по телевизору показывали, в одном кино мексиканском. Нормальный вроде, а ничего не помнит.

– Я смотрю, вы тут все с Лубянкой познакомиться хотите, – буркнул мужик и заторопился к выходу.

– Ну что так бояться, как будто на дворе тридцатые, честное слово! – словно бы обиделась на него дама, – я объясню, что тут трудного? ВПД(к) – это старое название ППЕС. Где-то во время войны поменяли, или сразу после, я не помню точно.

– Чего? – только и смог ответить Серега.

– Ну как! Раньше было Всероссийское Патриотическое Движение (корниловцев). Это еще с революции так пошло. А потом назвали Патриотическая Партия Евразийского Союза. Все очень просто.

– Ага! – навис над дамой волосатый немытый парень, – и долой шестую статью Конституции! Долой руководящую и направляющую!

В этом прозвучало что-то родное и знакомое, только... только причем здесь тогда она, шестая и направляющая?

Дама ничего не ответила, а Серега просто уткнулся в чудодейственную свою книгу в поисках хоть какой-то подсказки:

«Насмерть перепуганные эсеро-меньшевистские лидеры, в том числе Керенский, искали в эти дни защиты у корниловцев, ибо они убедились, что единственная реальная сила в столице, способная разбить большевиков, – это корниловцы.

В результате всех этих мер большевизм был разгромлен... Разгром ульяновского мятежа показал, что патриотическое движение выросло в решающую силу революции, способную отразить любые покушения на российскую государственность. Корниловцы еще не сформировали правящей партии, но они действовали в дни ульяновщины, как настоящая правящая сила, ибо их указания выполнялись благонамеренными гражданами без колебаний...

Борьба с ульяновщиной покончила с поднявшими было голову советами, освободила здоровые элементы центристов из плена соглашательской политики, вывела их на широкую дорогу борьбы за народное счастье и повернула их в сторону патриотически настроенного офицерства. Справедливый смертный приговор за измену, вынесенный военно-полевым трибуналом лидерам большевицкого мятежа 3 сентября...»

– Что, сынок, к семинару готовишься?

Ласковый голос старика, сидевшего прямо перед ним, заставил его оторваться от чтения. Морщинистое волевое лицо, теплый взгляд... Кажется, он только что вошел, не слышал приставаний Сереги насчет всех этих загадочных партий.

– Да, к семинару, – ответил он, – к коллоквиуму, если точнее.

В самом деле, он же поехал на коллоквиум... только теперь не вполне понятно, по какому, собственно, предмету.

– Учи, учи как следует. Мы же всю жизнь с этим, всю войну прошли. Я вот от Курска и до Будапешта, в танке два раза горел. И все с верой, в народ наш, в партию, в корниловские идеалы. Теперь-то у многих молодых ничего святого, а ты, я смотрю...

– А к коммунистам... К коммунистам вы как, дедушка, относитесь? – с замиранием сердца спросил его Серега.

– А как к ним относиться-то? Я уж, сынок, свое с ними отвоевал. Знаешь, чай, Дроздовскую гвардейскую бронетанковую дивизию? Вот я в ней с самого Курска бил этих коммуняк в хвост и гриву, тельмановцев, оккупантов проклятых... Такой у нас с ними разговор был, короткий. Тельманюгенд еще, мальчишки эти, под конец войны с фаустпатронами нас жгли, так их жалели, по морде съездим раза, да и домой отпустим. Ну, а если уж из ротфронтовской дивизии, мы вот под Балатоном как раз с «Мертвой головой» схлестнулись – таких пленных сразу в расход. Там меня, под Балатоном, и задело, когда «пантера» ихняя тридцатьчетверке моей в борт...

– Тельмановцы – это немцы? – перебил его Серега, – с ними воевали?

– А то сам не знаешь! – усмехнулся дед, – ну я знаю, конечно, немцы они тоже разные бывают. Тельманы, как говорится, уходят и приходят, а немецкий народ остается. Помню, была у меня там одна... Впрочем, это к делу не относится, – посуровел он.

– А что Гитлер? – с недоумением переспросил Серега.

– И чему вас только учат! – заскрипел дед, – будто не знаешь сам! Как победили коммунисты на выборах в рейхстаг, стал Тельман канцлером, так товарища Гитлера и в тюрьму. Замучали там его, в Бухенвальде, что ли, уж не помню. И других многих, Рема там, Гесса... соратников-то наших по борьбе, германских патриотов, борцов за народное счастье. И наших-то сколько пожгли, повешали, в сорок первом – сорок втором, оккупанты... Ну ничего, отомстили мы за них. Вот вы и живете теперь.

– Спасибо, дедушка, – автоматом ответил Серега. Ветеранов он уважал, хотя и не очень теперь понимал, что это за такой ветеран и на какой, собственно, войне он побывал.

«Следующая станция – Университет» – возгласил механический женский голос, и пора было выходить.

Уже на платформе достал он свой паспорт, что всегда лежал в кармане, чтобы проверить одну деталь... паспорт был какой-то чужой, иностранный, темно-синий «паспорт гражданина Союза Свободных Республик Евразии». И фотография была его, и даты рождения, и прописка... стоп. Прописка тоже была его, только значилась там вместе площади Э. Тельмана – «площадь А. Гитлера».

В это трудно было поверить, но поверить во что-то иное было еще труднее. Он попал в параллельный мир, как в фантастике. Чего загадал, то и случилось. Ах, звездочка-звездочка... Выполнила ты просьбу Сереги. Вроде и осталось все, как есть, а один эпизод поменялся. И все ниточки, что от него тянулись – тоже поменялись. Тельман, Гитлер... странно. Впрочем, не это главное.

Вот есть ли в этом мире Иришка?!

Если нет... Если нет, ну что же, так даже лучше. Все равно расстались они в своем мире вчера, и, конечно же, насовсем расстались – не может быть подлинной дружбы при такой кардинальной разнице во взглядах.

А вот если есть... Тогда, наверное, в этом мире она понимает все, и не нужно ей ничего объяснять про злодеяния коммунистов, потому как коммунисты в этом мире – оккупанты, как в нашем фашисты. Их разбили деды под Берлином. И этот мир, наверное, намного счастливее и удачнее того, где все еще существует Советский Союз. А что Гитлеру в этом мире памятник поставили – так это ничего, он же в этом мире ничего, в общем-то, не сделал. Ну, покричал, пошумел, а потом его все одно в расход пустили. Не стоило бы, конечно, памятник, ну да ничего.

Вот только есть ли в этом мире Иришка?

Серега шел от метро к Университету и смотрел на мир широко раскрытыми глазами. Мир был новый, чужой, но... такой же самый. Такие же машины и прохожие на перекрестке, такой же сверкающий снег и синее небо. Такая же чугунная ограда, такие же яблони выстроились вдоль нее. И круглое здание цирка, и университетская высотка...

Почему, почему? Ведь это же все возникло после 1917 года, оно должно быть в этом мире другим... А, собственно, почему другим? В любом большом городе будет и цирк, и университет, и метро, и люди, которые их строили, окажутся теми же самыми, какая бы власть ни была на дворе. Вот названия станций иные, и то не все, а сами станции – там же, где и в советской Москве, ведь карта никак не изменилась.

А главное, не изменились люди. Наверное, этот мир куда более спокойный, процветающий, в нем не было ГУЛАГ'а, но в нем тоже была страшная война России с Германией, на сей раз коммунистической. А что, в самом деле! Тогда на выборах в затылок нацистам дышали коммунисты, и если бы не директива Коминтерна бороться на два фронта, и с фашистами, и с социалистами, могли и коммунисты к власти придти. Ничего удивительного. А что немцы хорошо воевать умеют, и что их Версальский договор сильно обозлил, так это при любой власти не меняется.

Но в этой, корниловской России наверняка не было коллективизации, индустриализации, дурацкой цензуры... Как-то обошлись, значит. И будет у него сейчас не занудная «капезня», а что-то другое, интересное, настоящее. Если, конечно, в этом мире он тоже студент МГУ...

Только как, интересно, родился он сам? Как встретились его родители, и больше того, его бабки с дедами? Неужели здесь тоже родители отца поехали отдыхать в один санаторий на Черном море, а родители матери в эвакуации жили в соседних домах? Впрочем, почему нет. Люди здесь так же работали и отдыхали, влюблялись и рожали детей. И война была.

А вот как родители Иришки? Кто они у нее? Отец – офицер, мама вроде как учительница, а вообще-то офицерская жена, это профессия. Да, похоже, не видать ее в этом мире, уж Советской Армии тут точно не будет. Ну и ладно. И даже к лучшему.

С замиранием сердца подходил он к родному факультету, поднимался на этаж, примечая любую мелочь. Лозунга на крыше («Слава советской науке») нет, уже хорошо. Пол какой-то другой, выложен цветной плиткой. Какой-то плакат цветастый, вроде его раньше не было... А может, и был. Вот в гардероб такая же очередь, и гардеробщицы такие же неторопливые, и не вспомнишь, те же самые лица или другие. Никогда не обращал на них внимания. Вот лифт тут справа, а не слева.

Но беспокоился Серега зря. На месте была аудитория, и группа заходила вроде как его, только пара лиц была незнакомых. А у окна сидела Иришка и болтала со Светкой, подружкой своей...

– Здорово, Серега! – хлопнули его по плечу, – чего стоишь столбом, уже Викторыч идет!

Значит, все в порядке, его место этом мире не изменилось. А Викторыч... он-то здесь причем, сатир капеэсешный?

Но в аудиторию действительно вошел шаркающей походкой тот самый Викторыч (кажется, прихрамывал он на другую ногу), обвел тяжелым взглядом студентов...

– Садитесь. Ну, добровольцы есть? Тема сегодняшняя, как вы помните – семнадцатый год, развитие кризиса и предпосылки октябрьского переворота.

А Серега уже тянул руку, вот сейчас он покажет сатиру, почем фунт большевистского лиха!

– Давай, Демин, давай, – поморщился сатир, и видно было, что не ожидает он от него ничего хорошего.

И Серега дал. Врезал по полной. Что прочитал сегодня утром – рассказал в деталях, и расписал, от какого ужасного будущего спасло страну своевременное подавление ульяновского мятежа. И про лагеря, и про голодомор, и про подавление свободы... Ребята в группе стали даже оглядываться на него, и во взглядах читалось: «да что это с тобой?» А Иришка... Иришка смотрела на него во все глаза.

– Молодец, Демин, – сатир, похоже, сам был удивлен, – я вижу, взрослеешь. Садись, пять.

Помолчал, пожевал губами, и продолжил.

– Вот видите сами, какие судьбы решаются в эти выходные. История Отечества – это вам не просто предмет, это наша с вами современность. Вот тогда многие не понимали действий Лавра Георгиевича, даже в ближайшем окружении оппозиция была, пока не повывели ее, а уж теперь и подавно. Видите сами, как корниловские идеалы сегодня оплевывают и продают, за доллары американские как мартышки вертятся, про свободы всякие попугайски твердят.

– Это вы про Михаила Сергеича? – ехидно спросили с задней парты.

– Не перебивай, Шумилов, – парировал сатир, – я персоналий не упоминаю. Я про наш Союз говорю, Кониловым основанный. Жаль, не долго прожил Лавр Георгиевич, не видел, как расцвел он при его преемниках, корниловском Главном Собрании ВПД(к). И хоть много развелось сегодня умников, говорят о перегибах всяких, а тогда нас так гнули, что не разогнуться бы нам без перегибов. Сами знаете, как поднялась после прихода корниловцев к власти всякая розовая нечисть, социалисты недобитые, на Кубани да на Урале, комучи да рады. Как воевали мы в Гражданскую, как громила махновцев Первая конная Шкуро, как оборонял Москву Деникин, как врангелевские отряды переходили Сиваш. И на Запад бы пошли, кабы не предатель Тухачевский под Варшавой.

Знаете, как поднимали страну из разрухи, как строили заводы, преодолевая сопротивление отдельных элементов. Как из отсталой, избяной, выросла Россия передовая, индустриальная, под руководством патриотов. Как боролись с внутренними врагами. Как отражали потом немецко-коммунистическое нашествие, освободили из-под тельмановской

пяты пол-Европы, с американцами на Эльбе встретились. Небось, тогда они нас длинным долларом-то не манили! Русский штык тогда весь мир узнал.

Самое на сегодняшний день актуальное, как создали мы наш Евразийский Союз, равноправное отечество для всех народов. И пусть сегодня в Туркестане устраивают замятню, пусть Бесарабия вводит латинский алфавит, пусть остзейцы вопят об отделении – где бы они были без великой Патриотической России? Так что, ребята, все на референдум! И голосуем, как один, за сохранение Союза. Не нужна нам эта перестройка по чужим шаблонам, что бы нам там подпевалы Запада не вещали сладкими голосами.

– Эх, – пробормотал сосед по парте, но так, чтобы Викторыч не слышал, – а победил бы тогда Ульянов, глядишь, жили бы сегодня как нормальная социалистическая страна, та же Швеция!

А Иришка, Иришка бросила ему на парту записку. «Сережка, какой ты молодец! Как ты им вставил! Я так и знала, что на самом деле ты за Союз!» И падала Серегина голова на жесткий пластик парты, и не знал он, на каком он свете, и как ему дальше на этом непонятном свете жить.

И тут зазвенел звонок... Звонок с пары. Нет, не с пары – чего бы это Серега лежал на паре под одеялом в одних трусах? Точно, будильник. Нет, не будильник... Будильник не так звонит. Телефон. Звонил телефон.

– Я уже ушел, – донесся из коридора голос отца, и щелкнул замок двери.

– Сережа, возьми трубку, я не могу, – это мама отозвалась с кухни.

Еще не проснувшись, выскочил Серега в коридор...

– Сережка, привет... – раздался в трубке иришкин голос.

– Привет... – растерянно отозвался он... – слушай, там... там у нас Тельман или Гитлер?

– Какой Тельман? – удивленно переспросила она.

– Ну, памятник во дворе... – пояснил он, уже понимая, что несет чушь.

– Не проснулся еще, что ли? – хихикнула она.

– Ну вроде...

– Сереж... ты в голову не бери, а? Ну, вчерашнее, я сама знаешь как переживала, не спала... Сереж... Я тебе чего сказать-то хотела. Давай сегодня в кино куда-нибудь завалимся, а? Только о политике больше не надо, ладно, Серый?

Благодарю товарища Сталина

Так она и говорила: «Благодарю Сталина». Интересно, сама-то хоть понимала, что мало не до бешенства доводит этим Катю... Катерину, выговаривала она, вот ведь тоже! Уставится в окно, немытое, слепое, в деревянной потрескавшейся раме, а за ним жестяные крыши и уголки далеких реклам – да что она видела в этом окне, с ее-то очками! – пожует губами, прошамкает: «Благодарю Сталина. За все благодарю». Нарочно она, что ли?

Катя, конечно, и сама хороша, что было тогда спорить? Еще ведь Пушкин велел «не оспаривать глупца», а если глупец старше тебя в три раза, да нет, почти в четыре; если глупец всю жизнь положил за твое счастливое будущее; если он стар и болен, если вообще это не глупость, а травма историческая, вроде как вывих родовой; если маразм это, а не глупость – как такого переспоришь?

Попыталась однажды. Уже собиралась уходить, а та как раз была у окна, и дверь за Катей запирать не собиралась – были у Кати свои ключи. И опять, вечное свое: «благодарю...» И взорвалось внутри кипевшее: он-то здесь причем, это она, Катя, таскает продукты, варит ей этот суп, убирается, уж как может – скажи спасибо! Ну не ей, так хоть тем, кто ее прислал.

– За что, Глафира Петровна? – с чужим каким-то металлом в голосе спросила она тогда.

– Что за что? – не поняла старуха.

– Сталина за что благодарите?

– А за всё, – невозмутимо ответила она, и ясно стало, что ответ давно готов, выстрадан, отполирован, и дискуссии не предполагает.

– Ну за что, за что? За войну, за коллективизацию, за аресты?

– И за это. Молодая ты еще, Катерина, вот и ерепенишься. Ничо, подрастешь, поймешь сама. Только меня уж не будет.

– Бабушка Глафира, – только и смогла сказать Катя, опускаясь на стул, – ну что вы такое говорите! Да не буду я никогда такого понимать, и благодарить его не за что. Вы – да, вы многое сделали, воевали, вам благодарность. Ему-то за что?

– А чо мы без него? – тем же ровным, бесцветным тоном отозвалась бабка, – ну ничо, поймешь потом.

– Да Бога, Бога благодарить надо!

– А нет его, бога-то.

И нечего было Кате на это ответить. Сама себя уже ругала: не миссионерствуй, когда не просят! Впрочем, когда и миссионерствовать тогда? Ну, уж во всяком случае, не тебе, клуше, только опозоришься, и что себя опозоришь, неважно, важно, что имя Его от таких хулится. Но уперлась рогом, и выдохнула:

– А церковь – есть?

– Церква есь, – согласилась бабка.

– Так ведь эта церква и помогает вам! Обеды вон, откуда, думаете, таскаю? Я ж у вас копейки... – и тут же сама осеклась, стыдно было таким попрекать.

– Денег, чоль, надо? Так я дам, – ответила бабка, не сдвигаясь с места, – есть вон, похоронные. Под наволочками в шкафу. Ты уж тогда возьми, если чо. А надо будет – и так бери, чо мне похоронные. Чай, на улице не бросят, всяко закопают. И Митьке-то телеграмму отбей, чтобы приехал...

Бабку понесло на любимую тему: как помирать будет. С нее уж скоро не скоро своротит. И чувствовалась в этом какая-то фальш: ждет, что начнут ее отговаривать помирать, обещать долгой жизни. А что тут обещать, когда – да, единый всем конец, и лично Железной Глафире до него и в самом деле рукой подать. Тут жизнь надо итожить,

думать, с чем предстанешь. И кого благодарить, соответственно. Но Катя только молча собрала свои судки, поправила съехавшую скатерку на столе, пошла к выходу.

– До свидания, Глафира Петровна!

– Баба Глаша я тебе, Катерина, – отозвалась та, не сдвигаясь с места, а потом поправила пучок седых, давно не мытых волос, и добавила: – а насчет церкви, так ить тоже он. Он ведь разрешил, в войну как раз. Чтобы вам послабление. Ну, вот и вы, соответственно. Пользу тоже приносите.

Катя аж задохнулась, но ничего не сказала, ушла.

Уже вечером жаловалась Светке по телефону, пока отец не сказал, что ждет срочного звонка:

– Ты понимаешь, она же нарочно!

– Ну и ладно. Тебе-то что? Благодарит и благодарит. Ты разве за спасибо это делаешь?

– Нет, конечно, но все равно, нельзя же так...

– Ну, а что ты думаешь, у них мозги давно набекрень от этого коммунизма, еще посмотрим, какие мы в старости будем...

– Как ты не понимаешь! Мы, конечно, можем в чем-то и ошибаться, и вообще, но Сталин, это же... ну как Гитлера благодарить, в конце концов...

– Да плюнь ты на нее!

– Я не могу, у нее же больше никого нет. Сын где-то далеко, так он даже не пишет.

– Ну не в этом я смысле. А пусть говорит себе, что хочет.

– И ты представляешь, она даже слова как выговаривает, словно в деревне у себя: «церква», «чо». В Москве уж лет тридцать как живет, а все по-деревенски. Она вообще как из музея – вот законсервировалась, как была, и ничего не видит, не слышит, не понимает. Специально. Я броню вот эту пробить хочу, ладно, пусть она ни в Бога, ни в черта (тут Катя осеклась и перекрестилась), но... но пусть хоть как-то из скорлупы этой своей выйдет. Я же, понимаешь, я ловлю себя на том, что я ее ненавижу. Вот еду ей ношу, продукты, убираю этот срач, там на стенах прямо налет какой-то жирный по масляной краске – а сама ее ненавижу.

– За то, что пользуется?

– Да это ладно, это ничего. Надо же старикам помогать в самом деле, а у меня силы есть. Нет, за то, что... ни благодарности, ну это тоже ладно, ни даже понимания какого-то. Мол, ей все должны, а она только идола своему усатому будет молиться.

– Катька, так ты ее ненавидишь за то, что она такая, какая есть. А с этим ничего не поделаешь. Не хочешь – откажись, возьми себе другую старушку, богомольную. И вообще ты с церковью этой совсем как-то пропадать стала, мы вон с девчонками третьего собираемся на Манеж, там в одном месте распродажа начнется, я такую курточку пасу, может...

Тут как раз гаркнул в очередной раз отец, и пришлось вешать трубку. Так и сидела в своей комнате, глядя на семейный портрет бабушки с дедом – молодые и такие радостные! Магадан, 1956 год. Сразу после свадьбы. Костюм, как рассказала мама, дед взял у какого-то начальника по месту новой работы, а вот что за платье на бабушке, так и осталось неизвестным. Дед умер еще до ее рождения, здоровье в лагере было всё истрачено, а вот бабушку она еще застала. Та долго гуляла с ней, маленькой, в парке зимой, и все говаривала, что московские двадцать градусов нельзя называть «двадцатью градусами мороза», это на самом деле «градусы оттепели». И еще шутила, что тогда, в 56-м, было у них как раз двадцать градусов этой самой оттепели, а теперь, в 89-м, их уже за двести зашкалило. Кате было всего семь лет, но она это запомнила хорошо, всё спрашивала, как это – двести

градусов оттепели. Но взрослые только смеялись, смотрели трансляцию съезда, и говорили, говорили, говорили про всё на свете, и про Сталина тоже.

Родители отца и вовсе «уехали из этой страны», и долго тогда пилили самого отца, что надо все бросать и спасать детей, пока не поздно, но отец не согласился. Зато прошлым летом то и дело звонили в эту их Кирьят-Шмону: к ним попала ракета или не к ним, и если к ним, то не их ли убила. А в бомбоубежище связь плохая, так что оставалось только молиться и надеяться, или беспрестанно дергаться, как отец. Вот и хорошо, что не уехали. Нет, конечно, здорово у них там, на Святой Земле, Катя ездила два раза, и все святыни обошла в Иерусалиме и Галилее, и как ни кудахтали бабка с дедом про «нашу еврейскую девочку», ни разу ни кольнуло там остаться. Чужая страна, чужой народ.

Так что выходило – кроме Глафиры, не было у нее другой бабки. А что, интересно, делала в те годы сама Глафира? Куда она, после партизанской своей юности в смоленских лесах? Партизаны ведь по ведомству НКВД числились. И страшно было спросить напрямую: где вы работали. Не в лагерях ли, надзирательницей какой-нибудь? Да впрочем, если и нет, если не она сажала, допрашивала (этого она бы и по возрасту не успела), то всё одно – она благодарила товарища Сталина, и это от ее имени, под ее благодарности сажали, пытали, расстреливали. Ладно, тогда она сама не понимала, но теперь-то? Теперь же можно сбросить шоры с глаз? Задуматься?

А как бы поступила покойная бабушка, думала Катя. Как вообще они пережили те годы? Наверное, как магаданские морозы: бабушка рассказывала, как платками укутывали нос, как газеты засовывали в безразмерные валенки. Приспособились и к этому климату, и к сталинщине. Выжили. И только бы, наверное, подивились чудачке, которая хвалит магаданский климат или Сталина благодарит.

Оно так и тянулось, три раза в неделю: взять в церкви судки с обедом, обойти троих подопечных по соседству. Один был задумчивый бородатый парень без обеих ног, вся маленькая квартира была завешана карандашными эскизами; другая – тихая интеллигентная старушка в квартире, заставленной мебелью времен ее юности, с книгами и фотографиями давно ушедшей семьи. Они готовы были поить ее чаем, благодарить, они, извиняясь, просили купить какую-то мелочь и всё норовили всунуть бумажку «без сдачи»: ничего-ничего, у меня пенсия, у меня картину недавно купили. Парень подарил ей ее портрет, и отказался брать деньги, старушка предлагала книги из своей библиотеки, только Катя едва успевала читать по специальности, ну, и духовную литературу немного. В общем, не до всемирных пожелтевших шедевров.

И только Железная Глафира принимала ее помощь как должное, на пороге давала задание: «в той раз стирального порошку купи, да яблок полкило». А потом придирчиво осматривала каждое яблочко, и что только надеялась разглядеть: «червивые, небось?» – и не верила, что теперь червивых не бывает, брызгают их какой-то химией. А уж о деньгах и говорить нечего! Катя называла ей треть, четверть цены, и Глафира, давно не выходившая в магазины, только охала: «Ты где ж такую напасть нашла-то, Катерина? В спермактере этом, что ли? Так моей пенсии на его не напасёшься, ты б на рынок съездила, чо ль, или в молочном на углу!»

И бесполезно было говорить, что молочный давно превратился в меховой салон, а до ближайшего рынка отсюда час езды в одну сторону. И что в супермаркетах цены теперь едва ли выше, чем в бывших этих молочных-булочных, давно превратившихся в продуктовые бутики, словно на Елисейских полях. И что вообще проживание пенсионеров в пределах Садового кольца теперешней экономической ситуацией не предусмотрено.

Терпела, глотала, отдавала собственные деньги (а много ли их у аспирантки?), да не то было обидно даже, а вот это подозрение, что шикает она на старухины деньги, не бережет их. Так и во всем.

Сначала она пыталась как-то поговорить с Глафирой, спрашивала ее о молодости, о войне – та отвечала вяло, односложно, по заученному. Один раз только, когда на масленицу напекла их приходская группа милосердия всем по паре блинчиков, разговорилась Глафира, какие блины мамка в детстве пекла, да как они в девках на вечорки ходили, да какая речка у них хорошая была и леса грибные. Тут только пробило ее на живое, человеческое, и Катя было уж порадовалась, стала расспрашивать, но Глафира от разговора с непривычки быстро устала, свернула на продукты, да на свое, родное: «Сметана была – ложка стояла. Не продают больше, без Сталина-от...» И Катя осеклась. Не хотела больше даже заикаться об этом.

Она уж и старшей по группе милосердия жаловалась, Галине, миловидной женщине за сорок, пережившей, видно, многое. «Да уж, Катюш, – улыбнулась она, – так ведь это самое трудное, самое главное. Легко помогать, когда тебе за любой чих спасибо говорят. А ты попробуй вот так, с неблагодарными, злыми – ну совсем как Христос с нами. Вот это уже по-настоящему. Ты ее полюбить, конечно, сразу не сможешь, но ты просто потерпи. Ты представь себе, она же воевала, партизанила, хоть и недолго – значит, и за нас с тобой жизнью рисковала. Ну что нам теперь, трудно потерпеть? Она так вообще уже в маразме, не видно разве: молодость свою помнит, а какой год на дворе да кто у нас сейчас страной правит, и понятия не имеет».

Права была Галина, ой как права. А все равно терпеть было трудно. Нет, стиснув зубы, конечно, можно. Но ведь не хотелось так. С открытой душой надо, искренне, – уверена была Катя. Она и с батюшкой говорила, и с подругами, и все уверяли ее, что не в чувствах дело, над ними мы не властны. Но помогает она старухе, делает за нее всё – вот это главное. А там ответ каждый за себя держать будет, не за соседа и не за Сталина.

Катя часто представляла себе, как это будет. Представляла – и боялась. Что не будет ее долго, на каникулы, например, уедет, и не найдут замены. А потом вернется, и вечно будет себя корить, что это из-за нее, раз не пришла. И еще думала – где, как, когда найдет ее. И что будет потом делать. И какой будет запах, и как трудно будет поднимать это грузное тело, которое и сама баба Глаша уже передвигала с трудом. Еще ведь и обмывать... И главное, не примирившись, не сказав того, что могла бы. Гнала Катя от себя эти мысли: как можно, все-таки человек! – но избавиться от них не могла.

А вышло все просто и скоро. Открыла своим ключом дверь, предварительно позвонив, как всегда, чтобы дать о себе знать, и не услышала обычного «Катерина, ты, чоль?» Как будто кто другой станет к ней ходить.

Неотозвавшаяся баба Глаша лежала в кровати, спокойная, легкая, будто даже просветлела. И видно было без пульса, без дыхания, что да, этой вот ночью, не просыпаясь – каждому бы так легко в отмеренный срок. Словно готовилась, чтобы поменьше хлопот ей, Кате... Она закрыла бабе Глаше глаза, подержала руку на мраморном ее лбу, присела на краешек кровати.

– Баба Глаша, баба Глаша...

Не успела, или просто не смогла ничего ей объяснить, убедить, показать. Без покаяния, без примирения с Богом. Как же так! Вроде и не было ее, Катиной, вины; вроде делала она, что могла, а все-таки саднило внутри: не успела, не смогла. Но теперь уж не ей решать. Теперь...

Автоматически – столько раз ведь проговорено было! – встала, подошла к шкафу, где под рваными наволочками лежали «похоронные» и адрес Митьки, сына, что живет на Дальнем Востоке, и еще вопрос, прилетит ли на похороны. Была там пачка купюр, тысяч на десять, и несколько стодолларовых бумажек, да еще сберкнижка с завещанием – на Катину имя. Надо же, еще есть у кого-то сберкнижки, оказывается, как у бабушки была для пенсии.

– Да ведь не надо мне, – растерянно сказала Катя, глядя на мертвое и спокойное тело, которому тоже уже ничего не было нужно, – это мы крест на могилу поставим...

Придвинула стул к изголовью кровати, присела, растерянная: что теперь, как? Кого вызывать, куда звонить? Надо будет маме по мобильному, спросить, вот прямо сейчас... Но не звонила, отодвигая эту последнюю суету, сидела и сидела в пустой и чужой уже комнате, где не о чем было спорить, и некому. Просто сидела в тишине.

А вот отпевать ее будут обязательно в их храме, ведь она же крещеная: русская, значит, крещеная. Тогда всех крестили. А что говорила она про Сталина... Ну так это чтобы ее позлить, Катерину. Это ладно.

Слава Богу за все – уже переводила она бабу Глашу на язык Златоуста.

Праздрой: воспоминание о будущем

Пирожковая на углу Жданова и Варсонофьевского была тесновата, и место за столиком в ней находилось не сразу. Но когда от раздаточной стойки отошли эти двое в безупречных полушерстяных костюмах, младший на полшага позади старшего, они уже знали, куда поставить свои тарелки – вон на тот столик у окна, подальше от остальных. Там что-то еще дожевывал один ханурик, он поднял глаза и готовился, видно, завести свою привычную песнь про «мужики, копеек двадцать бы, а, чисто чтоб поправиться», но встретился со старшим взглядом и просто отошел в сторонку. Вот этому взгляду надо от него научиться, подумал младший.

Старший неторопливо повесил на специальный крючок под столиком свой кожаный портфель, расстегнул его, наощупь извлек две бутылки пльзенского праздроя.

– А пиво все-таки должно быть хорошим, – резюмировал он, да и кто бы спорил, – Помногу не могу, печень слегка пошаливает, но уж тогда только хорошее. Впрочем, ты там у себя, наверное, тоже времени даром не терял?

– Не терял, – усмехнулся младший, – но по гаштетам особенно некогда было расслаживаться, работа.

– Да ладно, ладно, не на комиссии. Даже поправился вон, как я погляжу.

– Есть немного, – признался младший, – но вот начал бегать трусцой, два кг уже сбросил.

– Мда, мне вот тоже беготня предстоит... Теща ремонт затеяла, достань ей того-этого. Унитаз так непременно розовый, иначе она не сядет.

– Сочувствую.

– А вот скажи-ка, Володя, пива сколько там сортов?

– Я лично около двадцати попробовал, да еще парочку бундесовского.

– А у бундесов сколько?

– Не считал...

Старший лихо отправил в рот еще горячий пирожок с мясом, жареный, с хрустящей корочкой. Тот ханурик все еще стоял за столиком, но уже у самого входа, и осторожно косился на эту пару. В самом деле, кто такие? Кто чешское пиво пьет, тот в пирожковую не ходит. Но эти двое уже не смотрели в его сторону. А за другими столами торопливые сотрудники московских контор поглощали свой перекус, и потихоньку выпивали, и травили байки, и дела им особого до тех двоих не было.

– И не считай лучше. Ну...

Старший достал из глубин пиджака швейцарский складной нож, оттопырил открывалку, скovyрнул крышки, разлил по стаканам.

– Чтоб у нас столько же было, – резюмировал он вместо тоста, и слегка сдвинул стаканы, – веришь, что будет?

– Будет, Аркадий Игнатьевич, – уверенно ответил младший, – обязательно.

– Ну да, ну да, – усмехнулся старший, – останкинское полутемное и пшеничное нефильтованное жигулевское. А еще будет вишневое, какое в Бельгии варят, с завода Степана Разина. Володя, ты же не на комиссии, в самом деле.

– Ну, тогда не будет, – растерянно и несколько облегченно отозвался младший.

– Вот это правильный ответ, хотя бы честный. И оба мы знаем почему.

Младший сосредоточено и выжидательно жевал свой пирожок, тоже с мясом, но печеный. Он не доверял шкворчащему маслу, в которое опускали порцию за порцией. Наверняка одни канцерогены.

– И я думаю, – продолжил старший, – что лирику про временные трудности и тяжкое наследие мы оставим товарищу Косых. А я с тобой хочу поговорить как с человеком.

Младший по-прежнему молчал.

– Видишь, и место подходящее. С народом, так сказать, наравне. С народом, который пьет уж какое есть... потому что не будет у нас нормального пива, и точка. И джинсов не будет. Чугуна на душу населения – завались, электроэнергия – тоже, про танки я уж промолчу. А пива не будет, и мы оба это знаем, и они знают, – он обвел взглядом соседние столики, – и завидуют и моему праздрою, и твоему гаштету, а главное, бундесу с его ста двадцатью, или сколько их там, сортами пива в свободной продаже. И вот что делать с этим, я и хочу с тобой обсудить.

– Аркадий Игнатьевич...

– Вопрос понял, – усмехнулся старший, – если ты на меня пишешь докладную, то я отчитываюсь, что провел беседу с целью выяснить настроение молодых сотрудников. Да и не поверят тебе. Вот тот разве подтвердит, – он кивнул на ханурика, – только вряд ли он чего услышал и понял. А если на тебя докладную, то я просто не напишу. Зачем ты мне?

– Незачем.

– Ну вот, – старший снова содвинул стаканы, отхлебнул и взялся за второй пирожок, – ты честный и умный офицер, Володя, мы не первый год работаем вместе, я уж людей вижу. Поэтому я все это тебе и говорю, и не тебе одному, кстати. А главное, ты молодой. Ты доживешь, да и я доживу, но уже отставным. А ты будешь в том возрасте, когда мужчине и только и решать судьбу своей страны, понимаешь? Ты и твои друзья. Вот я и хочу спокойно встретить старость. Может, что из вас и получится.

– Вы о чем? До чего именно доживем?

– До полного праздроя.

Старший хлебнул широко, закончил второй мясной пирожок и перешел к третьему, с капустой. Младший немного отставал, но и он уже заканчивал свой второй.

– Ты посмотри сам. Вон тот, в водолазочке, жадно ест. Из соседнего НИИ наверняка, через дорогу. На работу приходит анекдоты потравить, да оно и к лучшему, такого работничка лучше б сразу да на пенсию. Пишет диссертацию о руководящей роли МПЛА в ангольской революции, или о китайских уклонистах-маоистах и их перегибах. Будет кандидатом философских или исторических... А по вечерам Галича под гитару, ксерокс Солженицына под подушкой. И ничего, совесть не мучает. Справа, подальше – пролетарий. С утра уже взяли, а теперь добавим. Зато гегемон. Со стройки, полагаю. Что себе не скоммуниздит, то просто прогребет. А мы ему побольше чугуна на душу, мать! Станет бундес-прораб такому премию выписывать?

– Не станет, – с готовностью отозвался младший.

– А у нас он на доске почета. Вот у них и пиво. На танки у нас пока еще хватает, а вот на пиво... Да и то недолго это, танки. Не сорок пятый, это вояки всегда к прошлой войне готовятся. А мы должны к будущей, Володя, потому что настоящую мы, полагаю не выиграем. Проще говоря, просираем мы ее потихонечку.

Младший хлебнул пива, но не торопился отвечать.

– Потому что война эта – информационная, Володя. И если придется в самом деле бросок к Ла-Маншу, или там к Тонкинскому заливу, сам понимаешь, не числом танков, и даже не умением, а технологией.

– Так с этим вроде у нас в порядке?

– Пока. Но все же отстаем. По темпам так точно. С тех пор, как Сталин кибернетику в лженауку произвел, да и еще того раньше... Видишь, тут не просто склепать-спаять, тут идеи нужны. А идеи сами знаешь, кто у нас визирует. Это у них бытие определяет сознание, а у нас идеология давно всю материю под себя подмяла. НТР сегодня – это свободное распространение информации, а этого нам как раз по идеологии не положено.

– Секретность и у них есть, – возразил младший.

– Секретность, а не идиотизм, хотя и у них его хватает. Наш какой принцип? Знай только то, что тебе положено. Вроде правильно, вроде удобно, а работает плохо. Сидит

такой Косых в каждом НИИ, в каждом конструкторском бюро, да визирует, что положено копировать, что не положено. Мне тут рассказали, шумерскую клинопись умудрились в спецхран отправить, на предмет антисоветчины!

– Перестарались, конечно.

– Нет, сбой системный. Шумеры ладно, а мне тут доложили: капитана-ракетчика арестовать не успели, застрелился из табельного. Там у него солдатик уборку делал, чертеж выкинул, потом другой солдатик на помойке подобрал, в спецчасть принес. Первому долбогребу штрафбат, второму отпуск, капитан себе пулю. А в Штатах эти чертежи опубликованы в журнале техническом пять лет назад, Володя, пять! В открытом журнале, я сам смотрел.

– Жалко служивого, – поддакнул младший.

– А мне не жалко – офицер, чай, не институтка, эмоциями владеть должен. Жизнь за Родину отдают, не за истерику. Я вот про что. Вот сидит инженер-электронщик толковый, даже, допустим, старшекурсник очкастый – вот ему бы эти журналы выписать со всего мира, он бы, глядишь, и придумал чего интересного. Ему тогда миллион гонорара, государству – десять миллионов экономии, а вероятному противнику – полные штаны изумления. Вот они, они – так и работают. А у нас его по партсобраниям затаскают, чертежи даже свои по спецхранам спрячут, а к чужим журналам вообще не допустят, если троюродный прадедущка на оккупированной территории был. И зарплата у него сто сорок, будь ты Кулибин, будь портянка. Ну, путевку ему от профкома, ну, премию за внедрение рацухи. И все. Чувствуешь, Володя, откуда отставание по темпам?

– Есть такое. Только... – но не договорил.

– Современная наука, она на информации основана. Вот и общество у них – конгениально. У них «Голос Москвы» не глушат, заметь. И вот читает человек, слушает, сравнивает... Не в нашу пользу, по тому же пиву. Ну вот, к примеру, если завтра война. Технология – ведь это номер раз. А есть еще и боевой дух. И за власть советов никто уже в бой не пойдет, даже и товарищ Косых. Сам знаешь. За пиво, пожалуй, тоже. А вот за мечту о пиве, о такой стране, в которой его сто двадцать сортов, хоть залейся... в бой – не в бой, а вот дезертировать можно. Тут одного прихватили, говорил: жаль, Гитлера не пустили, сидели бы мы сейчас, пили баварское, закусывали сосисками. Им уже не за что умирать, Володя, а вот за что убивать нас – это они уже четко знают.

– А за что же?

– Да не за что, а от чего. От злости, от зависти. Я помню, Володя, как в сорок пятом стали у нас кино показывать «трофейное», все больше американское. Вот с тех пор и смотрят, в два глаза: одним сюжет, а другим – обстановку. Комнаты в тех фильмах у всех отдельные, одежда неслучайная, у каждого – машина. А домой из кино пришел, так слушай себе по радио, как у нас неуклонно встает, а у них – неуклонно падает, загнивает и обостряется... Тогда, кто с войны вернулся, повезли с собой тех же трофеев. Помню, отец рассказывал, у них в Житомире гарнизонные дамы в театр ходили в немецких пеньюарах – не могли поверить, что роскошь эта шелковая для спанья, не для выхода. Вот за то и хотят нас давить, что нет у них всего этого, и не будет, а у нас, якобы, есть. Классовое чутье, проходил?

А у стойки тем временем разгорелся мелкий скандалчик...

– Да я ща милицию вызову! – надрывно голосила раздатчица, – пшел, пьянчуга проклятый, кто платить за тебя будет? Мужики тут есть или нет, выведите его, что ль?

Старший тихонько кивнул, младший шагнул к обезлюдевшей в момент стойке – и сизый бич с недожеванным пирожком во рту как-то сам собой поплыл к выходу, сопровождаемый сзади незаметной фигурой.

– Пусти, начальник! – выл он сквозь пирожок – прав не имеешь! я им рупь когда еще дал! пусти, гад, руку!

– Вот так тебе! – верещала раздатчица, – хоть один мужик нашелся-то!

– Так его! – осмелел пролетарий, раскрыл перед бичом дверь и изловчился пнуть его ногой в зад – неловко, символически, чтобы только поучаствовать.

– А пиво у нас, кстати, кончилось, – резюмировал старший, когда младший вернулся на место.

– Видал, как я его?! – хвалился тем временем пролетарий соседу в водолазке.

– Вот примерно так, – резюмировал старший, – когда праздроем все накроется, он орать и будет: как я их! То есть это нас с тобой.

– Что ж так мрачно, Аркадий Игнатьевич?

– Ну, оптимизм я тебе с трибуны покажу, когда надо будет. А куда страна катится, – старший отправил в рот остатки последнего пирожка – сладкого, с яблоком – ты и сам и знаешь, и видишь, и даже без сводок. Вот, опроси хоть этих, каждого из них: что у них на работе, что дома, как они политику партии понимают. Они тебе ответят.

– Да ведь и руководство знает... – младший все еще задумчиво дожевывал свой десертный пирожок, словно рот им занять хотел подольше.

– *Наше* руководство – знает, несомненно. А выше – сам понимаешь, лечебный режим у них, волноваться нельзя... Так что, пожалуй, только они одни в стране в программу «Время» и верят, старички наши заслуженные. Информацию, ее ведь еще и переваривать надо уметь. А их как всю дорогу учили отчитываться? Что начальство закажет, то подавай. Ну, а теперь они сами – главное начальство. Как в сорок первом, сводки-то Сталину поступали, а толку...

– Порядок пора наводить! – твердо заявил младший, утирая губы носовым платком.

– Ну да, ну да... А вот давай, Володя, сейчас и начнем. Вот с этой вот пирожковой. Давай попробуем, а? Корочки достанем, перепишем народ – кто на рабочем месте должен сейчас быть. Половина наберется, полагаю. Сообщим им по месту службы. Да и еще водку изыщем, не положено тут приносить-распивать. Контрольную закупку, кстати, сделаем, взвесим содержание мяса в пирожке.

– Мы не ОБХСС, – в голосе младшего звучала все та же сталь.

– Вот. Верно излагаешь. А с этого и начнется, этим и закончится весь твой порядок. Потому что по-настоящему развернуться... ну как в тридцатые... Володя, вот ты мне скажи, – старший широким взмахом ладони отодвинул в сторону пустые тарелки, – вот ты лично готов к лимитам «по первой категории – десять тысяч человек на область»? Выполнять их готов?

– Нет, – голос младшего не дрогнул, но сталь ощутимо стала накаляться.

– Вот и я не готов. И никто не готов. Хотя бы потому, что все теперь понимают, чем это пахнет. Ты начнешь, тобой закончат. Нет, Володя, большая чистка – это трюк одноразовый, второй раз не получится. А без этих категорий – какая при социализме дисциплина? Ну, уволим мы тысячу человек за прогулы, ну, водку запретим продавать раньше двух дня. Толку-то? Что ли, гегемон от этого качественно работать начнет? Или тот, в водолазке, перестанет хренотенью в своем НИИ заниматься? Не метод это, Володя, хотя, допускаю, и за него скоро возьмутся, когда... ну, ты понял. А врачи говорят, уж скоро.

– Согласен, – тихо сказал младший, глядя в тарелку, – а что делать?

– Да не волнуйся, залп Авроры я тебе предлагать не буду... Да и пошли, что ли, на улицу, погода вроде как ничего.

– Я извиняюсь, граждане-товарищи, – тот самый ханурик неожиданно выскочил, как из-под земли, приторно-вежливый – вот уходите, а бутылочки сдавать не будете?

– Твоё, – отрезал младший, ведь старшему не по чину такими делами заниматься.

И оба, пройдя сквозь реденькую толпу, толкнула дверь, исчезли на улице, и младший по-прежнему на полшага отставал от старшего.

На улице они неторопливо двинулись по улице Жданова к бульварам, а вечерний поток суетливо обтекал их, спеша по своим мелким, частным делам, не имеющим никакого отношения к судьбам страны и мира.

– Делать что, говоришь? – возобновил разговор старший, – а все то же самое. Родине служить, обязанности свои исполнять. Но и головы не терять, примечать, что происходит, кто куда движется. В общем, что мне тебя учить. Я вот тебе другое хочу сказать... Ты сам-то как думаешь, как оно дальше пойдет?

– Не знаю, Аркадий Игнатьевич, – отозвался младший, – честно, не знаю, да и трудно мне делать выводы такого масштаба. Сейчас все стабильно, думаю, примерно так оно и будет продолжаться лет двадцать минимум. Войны не жду.

– Зачем же горячая война в век ядерных боеголовок и компьютеров. По-другому они действуют, по-другому. Ну а что, Амальрик прав, или нет?

– Насчет «просуществует ли СССР»? – удивленно переспросил младший, – указанные им сроки уже подходят, но никуда наш Союз не девается. Конечно, Союз – это на века. Проблем много, что говорить, но такая страна...

– Чем аргументируешь?

Младший на время замолчал, а потом нашелся:

– Ну уж это Амальрик должен аргументировать. Статус кво – по умолчанию.

– Логика, – усмехнулся старший, – ну, да противно мне об этом свистуне Амальрике говорить, не в нем дело. Я лучше от себя предложу тебе... скажем, некий вероятностный прогноз. Модель развития.

– Интересно, Аркадий Игнатьевич. Очень интересно Вас слушать.

– Тогда слушай... – старший, не снижая скорости, кивнул какому-то своему знакомому во встречном потоке пешеходов, и тот не подошел, не поздоровался. Такой, значит, был кивок, подумал младший, и вот этому тоже надо научиться. Они уже выходили из завороченных переулков на крутой склон Рождественского бульвара, и едва пожелтевшие деревья роняли свою красоту под ноги торопливым прохожим.

– Люблю осень... лучшее время года. Золотая осень – и не жарко, и не холодно, и дышится так легко, а главное, осознаешь, как ненадолго все это. Еще немного – и слякоть, ветер, снег... Но пока живи, дыши. Пользуйся моментом.

– Тоже люблю, – отозвался младший, – но лучше все-таки весна. Май, когда снег уже давно сошел, но еще не жарко. Праздники, опять же.

– Весна – это хорошо, – с готовность подхватил старший, заворачивая вниз, к Трубной площади, – в основном, когда отпуск летом, ждешь – не дождешься. Весна, это надежда. Только не всегда они сбываются, Володя. Осень – урожай. Что есть, тем и располагаешь, и знаешь, к чему готовится. Осень у нас сейчас, золотая советская осень... Вот о чем бишь я.

– Аркадий Игнатьевич, я Вас внимательно слушаю.

– Ну, вот это место, знаешь ведь? – вдруг невпопад сказал старший.

Они как раз подошли к площадке, которой оканчивался бульвар. Там, внизу, был общественный туалет, слева и справа от него спускались дорожки, а основная часть бульвара так и переходила в невысокий обрыв.

– Вы о чем?

– Я в школе тогда еще учился, когда Сталина хоронили. Школа моя была вон там, у монастыря. Жили мы в Колокольниковом, только бульвар перейти, там дворами – и дома.

Вот и понесла нелегкая, с вождем и учителем проститься. Как и весь советский народ. И пер он, доложу тебе, народ, со страшной силой. Сам знаешь, в толпу вступить легко, выбраться – невозможно. Тацит тебя, согласен – не согласен, куда все, туда и ты. Вот на этом месте, Володя, много народу погибло. Сверху напирали, а куда деваться? Люди падали, сверху другие, невысоко вроде, а задыхались под грудой тел. Потом трупы грузовиками вывозили. Вот и меня бы так...

– И что же?

– Офицер был, мальчишка совсем, в оцеплении они стояли. Сделать ничего не могли. Нас двое было, я и Витька, он нас из толпы выдернул, сперва меня, потом его, поднял над головой, командным голосом: «передавай ребенка к краю! передавай!» Так и поплыли мы над толпой. Озверелые все, орут, матерятся, не соображают ни хрена – а на крик командирский один мужик голову повернул, другой. На автопилоте команду приняли. Так и передавали меня и Витьку, до самого края, а там в парадное, и через черный ход – домой. Офицер тот, не знаю, жив ли сам остался, а мужиков тех половину растоптали, не меньше. Но нас они спасли.

– Пошли, что ли, по бульварам пройдемся, что стоим, – вдруг старший словно очнулся от воспоминаний, и они зашагали вниз, к переходу.

– Вот тогда, – продолжил он, – я и решил в военное училище поступать. Я же артиллерист по образованию, это потом уж...

– Знаю, – кивнул младший.

– Я тогда увидел, что офицер может сделать. Без оружия, без средств, одним голосом. Толпу остановить не мог, объяснить людям ничего уже не мог, уцелеть и то вряд ли, а вот двоих пацанов спас. Витька потом в летное пошел, меня не взяли по зрению.

– Где он сейчас?

– Погиб при исполнении. Орден Боевого Красного Знамени.

Младший не стал расспрашивать про детали. Захотел бы, сказал бы сам.

Трубную площадь обходить пришлось долго, по краю, на нескольких переходах ждать зеленого света, пока мимо проскакивали разноцветные москвичи и жигуленки.

– Вот в те годы, – продолжил старший, – другой я помню Трубную. Да и ты мог видеть в кинохронике, неважно, Трубную, Горького, Садовое, лет тридцать назад. Троллейбусы, грузовики, а легковушек раз-два и обчелся. Машина тогда была – государственная. Или по государственному делу едет, или дана государством, на сталинскую премию куплена писателем, или там академиком, боевым генералом. А сейчас – посмотри!

– Ну что же, растет благосостояние, – удовлетворенно поддакнул младший.

– Ну да, растет, как в сказке. Инженер, со ста сорока рублями – тоже в очереди стоит. А злятся все: инженер, что очередь длинная, и его сосед, что тот денег не пойми откуда взял. И все они – что нельзя каждому нормально заработать, пойти да купить себе жигули, а еще лучше – иностранную, чтобы потом с ключами под ней по полдня не лежать.

Они уже поднимались по Петровскому бульвару, и три молоденькие мамы с колясками, женский клуб, с вялым интересом рассматривали двух интересных мужчин и решали меж собой, какой им больше нравится: который помоложе или посolidнее?

– Так вот, Володя, возвращаясь к теме, толпу ту обозленную ты еще увидишь, фигурально выражаясь. Нынешним – ну сколько осталось? Даже при успехах отечественной медицины? Года три-четыре, ну пять от силы. А потом придут к власти товарищи меня чуток постарше, посвежее, к реальной информации поближе. Прикинут хрен к носу: дальше так нельзя. Согласен?

Младший молчал недолго, скорее из вежливости, чтобы не показалось, будто поддакивает:

– Согласен. И какой видите выход?

– Выход-то простой, да не будет его сразу, вот штука такая. Идеологию нашу – побоку. Да, Володя, самое передовое учение – побоку. И думать о стране, о России, не о будущем всего человечества. Как нас тогда передавали над толпой, никто про пионерские галстуки не спрашивал. Вот об этих заботиться надо, которые в колясках, не о том, как коммунизм построить. Сам-то веришь ли, что построим?

Младший сосредоточенно молчал.

– Ну, чтобы каждому по потребностям? Пролетарию тому, и в водолазке который? При их способностях да запросах?

– Не верю, – признался младший.

– И никто не верит. Товарищ Косых и то вряд ли. В страну нашу великую – да, верят люди. В советского человека, покорителя природы – тоже. В армию, что до Берлина дошла, в нас с тобой, что на уши полмира поставить можем, в космос, наконец. В это верят. Вот про это надо людям говорить. Даже историческое наследие вспомнить не вредно, как и Сталин в сорок третьем офицерам погоны вернул, церкви открыть разрешил. Кстати, в Бога теперь очкастые снова верят, это тоже надо использовать. Православие было и во многом остается цементирующей силой нашего народа.

– Аркадий Игнатьевич... Вы что же, новую веру мне сейчас излагаете? – в голосе младшего слышалась растерянная неготовность. Подбивай он даже на мятеж – было бы хоть понятно, куда зовет, а тут...

– Ничего нового, Володя. Ты и сам в то же веришь. В простого парня Гагарина, в девчонку деревенскую с русыми косами, да в отца-ветерана. Не так разве? И народ так же, Володя. Наш, русский народ. И хватит нам по всему свету кормить любого ирода, какой серп и молот себе на пальму повесит, да и соц-ориентируется сразу, где главная кормушка дармовая.

– Совершенно согласен, – отозвался младший.

– А вот идеология не позволяет, вишь ты. Обязаны поддерживать. Точно так же обязаны сажать цеховиков, кто страну обувает-одевает, как Госплан не может, обязаны колхозы содержать, обязаны, обязаны... Вот ты смотри, какая штука. Ну не писал Маркс про электронику или телевидение, что ж мы, пользоваться ими теперь не будем? Ровно старообрядцы какие, что в тайге схоронились, электричества как черта бояться. А ведь экономика похитрее электроники будет, тут настройка особо тонкая. А нам того нельзя, этого нельзя: не по-социалистически получается!

– Как в Югославии предлагаете? – уточнил младший.

– Югославы, кстати, молодцы, у них точно не развалится, не то, что у нас. Да ведь во всем мире так: производи, торгуй, только в рамках закона, и стране платить не забывай. Наживешься – значит, варит котелок. Нет – ну, не повезло. Вот тогда и пивом бы залились. Думаешь, Маркс, он против хорошего пива был?

– Это уже прямо по Адаму Смиту, не по Марксу, – вздохнул младший.

– Ну, еще старее Маркса вытащил: Смита! Хотя, – задумался старший, – не исключая, что так и пойдет со временем, одно старье западное на другое сменяем, социализм – на капитализм столетней давности. Только не будет этого добровольно, Володя, не будет – идеология давит. Мертвая буква. Не по-ленински это. Ты, к примеру, «Государство и революция» читал?

– Кое-что конспектировал.

– Ну да, знамо дело. А ты возьми да полностью почитай, интересное чтение, что Ильич пишет об отмирании государства после победы революции. Что же, отмерло оно у нас за шестьдесят с лишним лет? Живехонько, вон как укрепилось. Потому что не был он догматиком, не цеплялся за правоту каждого своего слова. Победила революция,

изменилась обстановка, сама жизнь диктовала новые решения – он их принял. Даже, прямо скажем, противоположные, не побоялся. Вот где гибкость ума, воля к победе!

– Согласен.

– Так зачем тогда у нас человека по партсобраниям таскают, ленинские зачеты он, бедняга, сдает, отжившее конспектирует, пустую букву долдонит? Он же смеется над всем этим, почти уже и в открытую. Оставь ты его в покое, болезного, дай ему журнал поцветастей, баб посисястей, телевизор там с Пугачевой или даже Роллинг Стоунз чтоб круглые сутки. Ему тогда Солженицын сто лет не нужен будет, хоть «Архипелаг» в «Новом мире» публикуй. Думаешь, власти трудящийся захочет? На кой ему хрен... Власть у нас советская, то есть у парткомов она вся, и трудящемуся так надежнее, удобнее, что думать самому не надо, а ворчать всегда есть на кого. Ты только с него конспекты сними, дай ему на пиво заработать, развлеки его по полной – он твой. Римские императоры еще знали. Ну, и идейности сверху, но не такой же, не топорной, а так, в меру: великая страна, великий народ... Такой, в какую сам веришь.

– Разумно, – неожиданно для себя согласился младший.

– Разумно, а они не поймут, – вздохнул старший, – все будут цепляться за побрякушки... И привыкли, и перед номенклатурой страшно: вдруг скинут? А номенклатура что, не люди? Им, что ли, нравится, что пиво им по чинам распределяют, им, что ли, собственности не хочется, да чтобы на средства производства? А у них и дача в Павшине, та тоже государственная. Номенклатура, она сама в первых рядах в капитализм побежит. По тихому только. Но крепко возьмется, не оторвешь, это я тебе гарантирую. Кроме дураков, конечно, а их там немного.

– Но если он, наверху, откажется от «побрякушек», могут ведь и скovyрнуть, как Никиту, – возразил младший.

– Могут, если он, как Никита, будет мозоли им оттапывать. Да и тут рецепт есть! Выборы. Чтобы тебя не пленум ЦК, а весь народ выбирал. Добровольно и с песней, и еще на альтернативной основе. Такого поди скинь!

– А вдруг не выберут? – удивился младший.

– Так работать надо с населением! Работать, а не речи ему толкать про надои с центнера! У нас же и агитация, как при царе Горохе, не только пиво. С выдумкой надо подойти, с фантазией. Показать, какой ты парень свой, да как за народ радеешь. По улицам походить, без бумажки с людьми поговорить.

– Здравствуйте, товарищ! – внезапно обратился старший к прохожему интеллигентного вида в легком осеннем пальто, задумчиво шедшему им навстречу.

– Здрасьте... – недоуменно отозвался тот.

– Вот мы тут с товарищем поспорили, не подскажете ли нам свое мнение?

– Ну... попробую... – прохожий явно не ожидал ничего хорошего.

– Чешское пиво лучше или жигулевское?

– Ну вы даете, – рассмеялся незнакомец, – я уж решил, чего серьезного...

– Ну, товарищ, кто же у нас о серьезном на улице разговаривает? Сами знаете, кто у нас не дремлет, настучат – не отвертишься.

– И то верно, – прохожий охотно подхватил тему, – так что лучше уж я скажу: жигулевское.

– Ответ принят, – радостно улыбнулся старший, – а вот вам приз за догадливость.

Старший знакомым жестом запустил руку в портфель, вытянул бутылку пльзенского праздроя и протянул ее прохожему.

– Вы сходите в гастроном, вон там за углом, я думаю, вам ее на жигулевское охотно обменяют.

– Спасибо, мужики, – улыбнулся прохожий, – обязательно так и сделаю. Может, вместе зайдем? Водочки возьмем, я живу недалеко, посидим...

– Да нет, друг, – старший хлопнул его по плечу, – ты извини, мы с товарищем на задании. Отлавливаем низкопоклонников перед праздром. Награждаем патриотов жигулевского. Ты что думаешь, мы ж на самом деле при исполнении. Хошь, корочки покажу?

– Ну, юмористы, – прохожий уже смеялся в голос, – правда, пошли ко мне, настроение что-то с утра фиговое, вот посидим, поговорим.

– Спасибо, правда, заняты. Бывай!

И разошлись после крепкого рукопожатия.

– Видишь, Володя, – сказал старший, когда незнакомец скрылся из виду, а сами они уже вышли к Петровским воротам, – мы его не знаем, он нас не знает, а чуть поговорили, бутылку пива подарили – уже готов домой звать. Народ, он душевность любит, подход ценит. Так что и эти новые, которые придут, наверняка воспользуются. Я тебя уверяю, человек с головой начнет генсеком, а еще раз пять президентом всенародно переизберется.

– Не уверен, Аркадий Игнатьевич, зачем им? И так ведь у них получается, зачем угрождать?

– Получается, да не очень, Володя. Это нынешним все равно, до них анекдоты не доходят. Человеку ведь не только сладко жрать и мягко спать хочется. Ему нужно, чтобы его уважали. И как только придут на самый верх те, кто по коридорам райкомовским анекдотов про брови вдосыть наслушался, то пойдут и людей посмотреть, и себя показать. И народ их за это полюбит, это я тебе гарантирую. Еще и драться меж собой будут, кто из них проще, демократичнее, кто к людям ближе. А нас, нас, конечно, и побаиваться будут, и ненавидеть помаленьку, как патриот этот жигулевский. Им розы, нам шипы. Такая уж у нас служба. Только ненадолго идиллия эта, Володя.

– Отчего же?

– Неустойчивая система. Тут надо либо гайки закручивать, как при Сталине было, либо совсем идеологию отменять. А они не отменяют, не смогут. Тут ослабят, там ослабят, а народу мало покажется, народ, он у нас удержу не знает. Вот видишь, мужику тому пива дали, так он сразу и за водкой побежал. Так и тут. Введут альтернативные выборы профорга, так они многопартийную систему затребуют. Еще, чего доброго, про «власть советам» опять закричат.

– Ну, этого позволять нельзя.

– Позволить не позволят, а запретить тоже не смогут. Как оно подразболтается, так само и понесется. Птица-тройка, как у Гоголя.

– Был у нас и НЭП, Аркадий Игнатьевич, согласен, что сейчас к нему вернуться вполне полезно. Но партия обязательно сохранит командные высоты, как тогда!

– Партия, Володя, уже ни черта не сохранит. Потому что сохранить можно будет только как тогда – великим переломом хребтов. Даже если бы и взялись ломать – нет, время не то. Лесоповалом электронику не перешибешь. Так что будут пленумы наши топтаться, топтаться прямо по Ленину: шаг вперед, два шага назад... Вот другое дело, что партийцы многие, а особенно комсомольцы поухватистей, бодренько в капитализм побегут, и нам от них отставать негоже. Государственное – оно в частные руки начнет перетекать, сперва по факту, потом уж и юридически оформят. Когда все посыплется...

– Да что вы говорите, Аркадий Игнатьевич! Ну куда, как посыплется! – младший почти негодовал, – Если забудят, то дивизия Дзержинского, Кантемировская, наконец. Кто полезет, куда? Штурмом нас брать будут?

– Нет, нас не будут, побоятся, – серьезно ответил старший, – а вот остальное... Остальное не ручаюсь, Володя. Вспомни историю, семнадцатый год, февраль. Страна, давно

разуверившаяся в царе. Горстка смелых и умных агитаторов. Толпа обозленных. Армия, которая устала от бессмысленной войны.

– Так и войны сейчас нет...

– Нет разве? А в Афгане кто у нас воюет?

– Так это же...

– Именно бессмысленная и бесконечная война. Они от Александра Македонского отбились, от англичан отбились, а передовому учению враз умилятся? Чушь. Влипли в чужую кровь по уши. Даже если и задавим их там, не обрадуемся: будут нам всем завоевания апрельской революции по самое нехочу, еще один союзничек, мать его... Знаешь, Володя, я считаю, и в соцлагере давно ворота открыть пора. Не хотите кремлевскую сиську сосать – на здоровье. Я бы даже из союзных республик кой-кого на волю отпустил, ту же Прибалтику...

– Это уж нет! – запротестовал младший.

– Нет, так нет, – неожиданно быстро согласился старший, – если удержать сможешь. Тут бы Россию не профукать, а что нам Венгрия или Литва... С ними уж как получится. Ну, а остальное, конечно, наше. Белоруссия родная, Украина золотая, Беловежская пуца там всякая – куда они денутся.

– Аркадий Игнатьевич, – решительно остановился младший перед задами кинотеатра «Россия», – тут я решительно не согласен. Это поражение. Я разделяю ваши тревоги, но мы не допустим. Ни Литва, ни Венгрия. Ну, может быть, Афганистан – ошибка, да...

– Уже не время будет о тех ошибках думать, Володя. Их наверняка «признают и исправят». И Афган бросят, и Сталина еще раз заклеят по полной. А толку, толку? Кстати, пошли дальше, чего стоим. Народ разухарится, попрет. И надо будет либо по толпе из пулеметов, либо... либо давать толпе, чего просит. Пива, автомобилей, унитазов розовых. А на всех не хватит. Потому что работать надо, чтобы это было, а не митинговать – ни в поддержку политики партии, ни поперек ее, родимой. Ра-бо-тать.

– И что же, по Вашему, будет?

– Из пулеметов по толпе сразу так неловко, да и во второй раз, и в третий, и в четвертый. Им же уважение будет нужно. А в десятый, когда толпа проревет «на хрен вас всех», тогда уже просто не получится отдать такой приказ, как в семнадцатом не получилось. Некому будет отдать, некому исполнить. И генералу, и рядовому давно уже объяснят, кто все себе захапал, и что против народа не попрешь, и что светлое будущее – вот оно, руку протяни. Как в семнадцатом, точь-в-точь. Ты думаешь, почему в Гражданской красные победили?

– За ними было будущее, – уверенно ответил младший.

– Согласен. Пошли на Тверской, кстати...

У вечно задумчивого Пушкина встречались парочки, и кто-то из них даже обернулся на оживленный спор этих людей, спускавшихся в подземный переход.

– «Не дай мне Бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный» – продолжил старший уже на ступеньках, – Вот ведь гений был, Александр Сергеевич, на века все предусмотрел! Но мы не о нем, о Гражданской... Да, за красными было будущее, и даже белые это понимали. Деникин, Колчак – не худшие были вояки, себя не жалели, Россию горячо любили. Прошлую Россию, которой уже не было. Кровь свою и чужую проливали, чтобы продлить ее хоть еще на мгновение. А за их спинами – кафешантаны, интенданты, сволочь всякая рябчиков с ананасами доедала... Могли такие победить? А на них – Ванька-босьяк, винтовку держать не умеет, грамоте не обучен, но зато самую суть ему наконец-то объяснили, из грязи его вытащили, показали, как хозяином своей страны стать. Прошлое – им, будущее – ему. Вот и проводи параллели.

– Разве за спиной Ваньки никто не жировал?

– О, еще как! – усмехнулся старший, – и тут будут. Пока одни на митинги, другие добро партийное разбирать побегут. И разберут потихоньку, будь здоров. Те с митингов воротятся: а где талоны в спецраспределитель, чтобы мне унитаз розовый? Так спецраспределитель давно уже в частную собственность отошел, вы ж за нее и боролись, дурилки картонные, спасибо вам от имени всего трудового народа. Все как в семнадцатом, говорю тебе. И вот тут нужно, чтобы верным людям, не барыгам одним, досталось. Государственным людям. Понимаешь?

– Понимаю, – потрясенно отозвался младший. Слова старшего звучали как дерзкая провокация, но убеждали внутренней трезвостью и логичностью. Может быть, и не так все будет... а как тогда? Непонятно.

– И вот когда все посыплется, а посыплется, посыплется! – трудное настанет время. Народ спервоначалу радоваться будет. Вот тут, видишь, где киоск с пепси-колой открыли, пацанам счастье за 18 копеек – откроют, к примеру, Мак-Дональдс американский, прямо на Пушкинской площади.

– Не при советской власти.

– Может и при советской, кто его знает. И митинговать тоже будут тут, на Пушкинской, к Кремлю поближе, и Горького в Тверскую обратно переименуют, а Дзержинского – непременно в Лубянку. Штурмом брать побоятся, а вот Феликса Эдмундовича своротят непременно, и хорошо еще, если на толпу не уронят. Думаю, и секреты наши американцам сдадут, какие разыщут, без американцев-то не обойдется, как в семнадцатом без немцев не обошлось. Расплачиваться придется с хозяевами заокеанскими. Да и пусть их. Побрякушки. Отмирающее все одно отомрет. А вот дальше-то и начнется самое интересное.

– И что же?

– Люблю я это место, – задумчиво отозвался старший, – Тверской бульвар. Одно название чего стоит! Широкой, спокойный...

– Красиво.

– Ты ж по рождению не москвич, к другому привык... у вас там своя красота. Ну, да неважно. Дальше-то что? А дальше похмелье. Демократию захотели? Распишитесь-получите, вот вам выборы, вот парламент, вот многопартийность. Рыночную экономику? Распишитесь-получите. Только все это не глянцевое будет, как в журнале «Америка», а натуральное. Вот тут они и увидят, что не зря свистел товарищ Косых про эксплуатацию человека человеком, не профсоюзная вам тут путевка в сочинскую здравницу, а тяжелый труд на барина. Праздрой в продаже будет, только на него горбатиться и горбатиться. Увидят, что прежние хозяева жизни боялись хотя бы ревизионной комиссии, а эти ни Бога, ни черта бояться не будут. Что все лакомое они расхвали, пока те еще от одури митинговой не очухались. Что Западу их хваленому не нужна ни Советская Россия, ни демократическая, каждый сам за себя. Вот, например, как сделать, чтобы народ за границу не бёг?

– Не знаю... Пускать поменьше?

– Границы открыть. Ну, рванут по первости, оглядятся, кто-то и останется. Башковитые устроятся, да и то не все, остальные полы будут драить в сортирах. Их очень скоро сам Запад пускать перестанет, поломоев там своих хватает. И будет их не партком по месту работы заворачивать, а посольство американское. Еще, небось, и войска введут, как в Гражданскую, чтобы мы тут не баловали, миротворцами назовутся...

– Верится с трудом.

– Доживем – увидим, а мы доживем. Вот тут нам с тобой и надо будет пересидеть, переждать... Помнишь «Белое солнце пустыни»?

– Как не помнить!

– Верещагин... Будем мы как тот Верещагин. Точнее, я буду уже в отставке, скорее всего, а тебе достанется. Икры черной не обещаю, павлинов тоже, а вот за державу будет

обидно. Ничего, офицер не институтка, перетерпим без истерик. Нам на баррикадах делать нечего. Надо будет осмотреться в той жизни, обустроиться. Мотор не заводить прежде времени.

– А будет время? – растерянно спросил младший.

– Будет обязательно. Как ни долго длится похмелье, а когда-то народ и опомнится.

Затоскует об утраченном. Но прошлое прошло. Кто тогда не пожалеет о нем, у того нет сердца, а кто захочет в него вернуться – у того нет головы. Поубивает друг друга, не без этого, думаю, крови много прольется, как попрут одни за сказочный коммунизм, какого не было, а другие на них за сказочную демократию, какой тоже не будет. Только не нам в ту драку лезть. Нам – постепенно, не торопясь, заступать на вахту придется. Точнее, вам: тебе и твоим товарищам. Кому же еще?

– Для чего, Аркадий Игнатьевич? Что мы сможем тогда изменить?

– Вернуться к здравому смыслу. Помнишь, мы с этого начали? Оставить бы все, как сейчас, только дать людям продохнуть от идеологии, дать им заработать на пиво, какое захотят. Остальное – при себе, да остальное им и не нужно, хлеба и зрелищ вдосыть, до тошноты. От всемирно-исторических претензий – отказаться, кто хочет от Союза уйти – отпустить. Потом сами прибегут, республики мандариновые. Ну, вот так примерно, в общих чертах. Сам сообразишь, не маленький.

Эти двое стояли на осеннем Тверском бульваре, и будничная Москва обтекала их, торопясь в свой вечерний уют, и так же текла по обе стороны бульвара советская история, но никто, никто ее, кроме них, не замечал...

– Но... может быть... выйдет по-другому, а, Аркадий Игнатьевич?

– Не выйдет, Володя. Историческая закономерность, по Марксу, Энгельсу и Ленину, и некуда деваться. Смотри сам. Производственные отношения не соответствуют производительным силам. Верхи не могут, а низы не хотят. Все как написано, марксизм – он ведь не догма, а руководство к действию. Одного бы я хотел избежать – переходного бардака, торжества демократии. Сразу бы перейти к новой системе. Но при нашем раскладе – не получится никак... и в семнадцатом не получилось. Ладно, Володя, пора мне. Я тут живу недалеко, к себе не приглашаю, сам понимаешь. Да и не до того сейчас, если честно – с младшим еще позаниматься надо, он парень башковитый, но с ленцой, вот и приходится. Мы с ним, знаешь, компьютер свой паяем, ребята со схемами помогли. Будет у меня электронщиком!

– Успехов вам, товарищ полковник!

– И тебе их же. Да, кстати, на всякий случай – добавил он – мы говорили о сиреневой папке, понял? Клауса в разработку, Кондуктору слить ту самую дезу, а с Мадонной пока все по-старому. В Дрездене обязательно подготовить запасной вариант и сразу доложить. В общем, обсуждали детали.

– Понял, – кивнул младший.

– И вот еще что, – старший внезапно остановился, развернулся, раскрыл левой рукой портфель, не глядя, вытащил еще одну бутылку:

– Ты, в общем, не забудь когда все это начнется... Джинсы-пиво – это пусть кто угодно, это на здоровье. Ты за добывающие отрасли держись: нефть, газ. От них главное богатство страны, они – государственным людям. А пока ты эту вот дома за светлое будущее прими. А то мы по одной, да без водочки – это ж только раздражаться. Улавливаешь мысль, Владимир... как тебя по батюшке-то?

– Семенович, товарищ полковник, как Высоцкого.

А этикетка на бутылке была все той же: «Пльзеньский праздрой».